

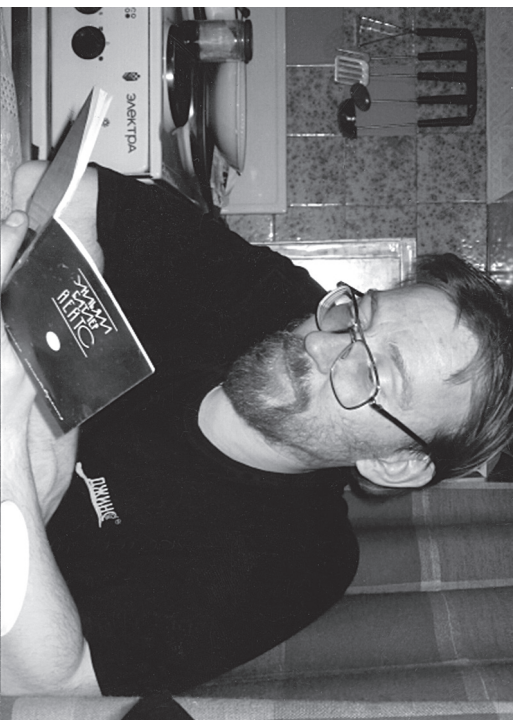
[НОВАЯ ПОЭЗИЯ]
[КРИСОН КИВОН]

[Новая поэзия]

Сергей Круглов

Переписчик

Стихотворения с рисунками автора

Новое литературное обозрение

Москва

2008

Целлюлозой и слюной

Круглов С. Перепишич: Стихотворения и поэма. С рисунками автора / Предисловия Б.В. Дубина и автора. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 288 с. — (Серия «Новая поэзия»)

Сергей Круглов (р. 1966) — поэт, прозаик, православный священник, живет и служит в городе Минусинске Красноярского края. Приобрел известность благодаря поэтическим публикациям 1990-х годов. В 1999 г. после принятия сана, прекратил печататься. С 2006 года стал публиковать новые произведения.

Стихотворения Круглова, созданные в 2000-е годы, стали одной из самых неожиданных новаций в сегоднешней русской поэзии: осуществленный в них синтез «религиозного» и «авангардного», «провинциального» и «всемирного» значительно меняет самопонимание современного человека. Наиболее важна в этих стихах новизна оптики, действующая «поверх» любых культурных и религиозных аллюзий — произведением «нового» Круглова свойственно переживание мира как творчески действующей катастрофы, которая требует от человека личного соучастия — мучительного и радостного.

Жизнь кончилась, но я еще живой.

С.К.,
28.05.2004

Про это никто давно уж не сочиняет стихов.

С.К.,
04.03.2006

I

Из любой биографической справки о Сергее Круглове читатель без труда узнаёт, что в 1998 году он стал священником. В силу исторических обстоятельств российскому сознанию этот факт по-прежнему кажется диковиной — в то время как соотечественников, например, Томаса Мёртона, Фернандо Риего или Яна Твардовского он удивил бы значительно меньше (это если ограничиваться лишь нашими условными современниками; в эпоху допустим, Петrarки или Джона Донна поэт-священник и вовсе не был белой вороной ни среди священников, ни среди поэтов — как, впрочем, и поэт-воин). Так или иначе, священнический сан поэта вряд ли можно отнести к обстоятельствам чисто биографическим и потому поэзии внеположным. Тут не скажешь: мол, «я» поэта новейших времен принципиально не биографическое и не биографизируемое, и так ли нам важно, что, к примеру, Мирослав Голуб занимался в жизни иммунологией, а Мигел Торра

- © С. Круглов, тексты 2008
- © С. Круглов, графика 2008
- © В. Дубин, предисловие 2008
- © Елена Воронинская, фотография 2008
- © «Новое литературное обозрение» 2008
- © «Новое литературное обозрение»,
художественное оформление 2008

был отогларингологом (от работы Готфрида Бенна венерологом на фронте, впрочем, уже так легко не отмахнуться). Дескать, сосредоточимся на стихах.

Не поучитесь. Выбор, подобный сделанному Крутловым, меняет и биографию, и поэзию. Точнее, такой выбор многократно усугубляет то напряжение между *real-игией* и *поэзией*, которые мучительно разошлись (но друг от друга не отторглись!) уже в творчестве Боллера, внося в него теперь еще и неустрашимый разрыв между *биографией* и *верой*. Даты под каждым крутловским стихотворением как будто превращают стихи в самоотчетные, самоотраживающие записи личного дневника. Но жизнь священника — как и верующего — принадлежит уже *не ему*, а это в корне меняет то «я», без которого невысказанно новейшая поэзия. Силой таких натяжений как раз и дергаются, по-моему, новые, начавшие недавно опять появляться в печати стихи Сергея Крутлова, сводимые в нынешнем издании воедино.

Вот лишь первый и частный пример того, что чему и служит здесь опорой — и до чего же эта опора хрупка. Речь в стихотворении — о новокрещеном пареньке, вошедшем в храм и затеплившем свечку:

Нагретый свечой воздух, плаваясь, дрожа, подымает
И на весу держит
Мель купола, камень сводов, колонн, обывзвестьяенье
Срашений дотматов, иерархий, традиций,
Цемент и кирпич канонов,
Подавленные, как вулканическое стекло,
Напластования смыслов.
Храм балансирует в пустоте, в восходящем потоке
Тепла. Если, о если потаснет
Эта небольшая, неуверенная влюбленность,
Не разгоревшаяся в любовь —
Все огромное здание рухнет.

Говоря по неизбежности совсем коротко: выбор Крутлова вносит в стихи *иную* меру (опять-таки коротко: не

«я», но Ты) и дает возможность говорить то и о том, что иначе не сказать и о чем даже не упоминают, о чем «никто давно уж не сочиняет стихов». Больше того, дает возможность вообще говорить. Рискну предложить такую профранную метафору: понятие о бесконечном в математике — условие, без которого невозможно проводить операции с любыми конечными величинами.

II

«Ты» у Сергея Крутлова внепредметно, на него нельзя указать пальцем. Отсюда его острый драматизм: его стихотворения — не ответы, а вопросы, точнее — место вопросов (место-имение, место, со-держашее, в-мешающее всё). Ослепительная тьма европейских мистиков — «Это — Ты Сам: неизреченная Тьма, сияющая Светом...» — переключается у Крутлова с его же более ранними, до принятия сана написанными строками:

...бабочка всегда летит к свету,
который никогда не видела и не увидит,
потому что свеча зажжена в кувшине¹.

Утешения тут, понятно, и в помине нет. Но мало того, что «Ты» недостижимо, от него (даже от Него, именно от Него!) предстоит оторваться:

В ночи я расстаться должен
Не с плотью — что плоть — с Богом:
Иначе умереть не выйдет.
Не умереть — не выйдет воскреснуть.

¹ Из стихотворения «Прошлое, проихождая, так и не проходит...» (<http://www.vavilon.ru/textonly/issue14/krutlov.html>). В другом раннем тексте «Природные воззрения славян на поэзию»: «...в черной, океанной / реке поэзии / устремленной к незнаемому, несуществующему свету» (*Крутлов* С. Снятие Змия со креста. М., 2003. С. 20).

Или:

Иней рябину сковал, сжал кисти,
И — умерла, и горит.
Выпей с куста! Войстину!
Не умрешь — не станешь вином.

Так в самую сердцевину поэзии Крутлова входит смерть — опять-таки *бесконечная* смерть, умирание от того, что не умираешь, о котором говорила Святая Тереса Авильская, а за нею и Сан Хуан де ла Крус: «тшето рогце по тшето»². При этом неживого для поэзии Крутлова как будто бы даже и нет: смерть — не противоположность жизни, а другое ее измерение, ее, жизнь, утверждает. Но продолжение жизни в сторону смерти и ее прорастание на глубину смерти в корне меняют перспективу и оптику, взгляд не только вокруг, но и на себя:

Мы — дети, а взрослые — наши умершие.
Мы в их прошлом живём.

Смерть и есть у Крутлова новая мера мира. Именно поэтому ее нечем измерить, не с чем сопоставить и можно получить только даром, *так* — но нельзя, как всё остальное, отдать, подарить, обменять:

Все тебе, мир, подарю! только
Одного не подарю: этой смерти.
Не вышши: дареное не дарят.

Перед нами — парадоксальное развитие рилькеанской темы *своей смерти* («Записки Мальте Лауриса Бритте»). Парадокс состоит в том, что смерть не может быть предметом владения, а потому и началом раздела, основой для какого бы то ни было сопоставления, превосходства, гордыни. Тем самым она — одинокая, неразменная, только

твоя — становится, как ни странно, новым основанием (и до чего же опять-таки хрупким!) *нашей* общности. Смертных объединяет то, что принадлежит им одним и чем нельзя поделиться.

Измеренный этой мерой, бескорыстной и настоящей («...твоя смерть — настопяца», — сказано в уже цитированном выше стихотворении «Хороним девочку...»), иным становится и сам мир. Так, плоть у Крутлова — не то, что замкнуто в себе, самодостаточно, выпукло и потому опутимо нам предстает, но то, что рвется (посколькту тонко?), то, что вырвано. Может быть, он, вместе с героем (автором?) «Краха» Болеслава Лесьмяна, тоже «Яккутм пайретв тшл гапе, а розніеј — то сіало»³.

III

При этом Крутлов как мало кто в новой поэзии после Боллера (кого тут назвать — Поля Клоделя? Хосе Десаму Лиму?) чувствует, понимает, переживает тело. Его лирика и в самом деле — «оправдание тела»: «Тело ведь — тоже душа, только другая». Об этом — его стихотворение «Тело», где свое и чужое, стареющее, умирающее тело неотличимы, как «печатка на обе руки», как «кровь и вода, орошающие копые»:

...мне, поверишь ли, так трудно (старость не зоркость!)
Определить на ощупь,
Чье это — твое, мое...

Чье: седина, поредевшие волос ветви,
Впадина, венозные сети, валрики, пятна
Разлавишегося после двух кесаревых торса,
Что грубо, надежно сцеплен

² «Умираю потому, что не умираю» (*исп.*). — *Примеч. ред.*

³ В переводе Анатолия Гелескула: «Телом после я стал, а сперва была рана» (*Гелескул А.* Избранные переводы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. С. 127).

Рубцом шва, опущенного жестким, шитого рвано,
Стыпявавшего слезистой смолою
Половинки лопнувшего граната...

Но плоть для Круглова — рана, «Кровоточащая пуста»:
тота»:

...Он — просто Б-г,
С кровоточащей мясной пустотой «о» (словно
Вырвали, плотно скрюченными пальцами уцепившись,
Восемь страниц с рисунками из самой середины
Плотной, пряной, трепещущей, как влажная роза,
Книги)...

Не поэтому ли тело у него часто дано как боль, ощу-
тимо болью?

...раз болит, значит, живо то, что болит...
Собственно, даже геенна — шанс ощутить через боль,
что ты жив⁴.

Тот же леймотив болезненного разрывания, жертвенно-
го отрыва — в развертывании темы поэзии как *смерти чи-
тателя* («У поэта умер читатель...» — с полемической от-
сылкой к французским постструктуралистам с их «неолла-
тонизмом», ставшим таким «блядским одуванчиком»)⁵:

Не знаю, не знаю. У нас изыщная словесность —
Склизлый скрежет
Зубов о сортирный кафель,
Когда камень выходит и рвет мочеточник.

⁴ Ср. у него же: «причиняющий боль антел-реаниматор» («Импрессио»), «антел боли» («Пророки»).

⁵ Напомним произведение «прежнего» Круглова «Еще один, последний стихотворный текст...»: «Когда я слышу звон, треск лопнувшей струны в моем сердце, / я знаю: это там, на родине, / еще один мой друг и читатель, никогда обо мне не пологоревавший, / забыл меня навсегда. И — вот — еще один. И / еще» (*Круглов С. Снятые Змия... С. 198*).

Спор между поэтом и священником, который здесь
смотрит на поэта «свысока и с укором» («У поэта чита-
тель — / Вовсе не то, что у священника прихожанин») за-
вершается переводом внутреннего конфликта на иной,
но не менее кровавый уровень: священник

...не поймет, всего скорее,
Чем Бог рисковал, из ничего сотворяя поэта,
И сколько, рану пальцами зажимая,
Потрагил собственной крови,
Отстригая у поэта читателя.

IV

Разрыву как теме стихов и как их смысловому обоснова-
нию отвечает у Круглова на уровне ритмики интонаци-
онная пауза, речевой пробел, звуковой выем. Его стих
движется не только ударением, голосовым нажимом, но
и пропуском, молчанием, мгновенным утраты языка. Од-
нако это — по-гельдерлиновски насыщенная пауза, твер-
дый, волевой прочерк. Такое сокращение, сдвигивание,
стискивание речи дает особую энергию говоримому: тут
тире надо считать за слог или даже за слово.

Взялся коркой — не прокусить — мир,
Сласть стноила раззаву-рот,
Выпал во тьму, мягкий как сыр,
Но там — алмазным резапом взойдет.

Физически — языком, горлом — ошутимое утеснение
произносимого возвращает кругловское слово к архаи-
ческому заклинанью, к каким-то скальдическим драпам
и висам:

Погребальныя, наги,
Кили углы.
Пух, стронший.

Тонкие фаланги,
Очей чаши
Всклень полны.

Больше того, иногда кажется, все слова у Крутлова — однокоренные, они растут из одного корня, как бы напоса, что за многими словами стоит единое Слово. Вот лишь несколько образцов наудачу. Это не только строка ««седло» и «оседлость» — одного, единого на все, корня...», но и такой, например, фрагмент, ритмически наминающийся чуть ли не «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского («Гриб. / Грабь. / Гроб. / Груб...») — если не список действующих лиц в пьесе Набокова «Изобретение Вальса»:

Попробуй на зуб
Грубый трабительский палиндром «брак»,
Скарб, соположенный с «гроб», горб,
Однокоренной с крабом «братъ»,
Синонимичный ономатопее «крэк» —
Братъ, хрупкое, грубо, крак, сжать,
Прах — расположи
В хрустком смертельном порядке слова, сложи
Головоломку, голову в этой драке
Сложи, сломай жизнь в хруп.

«Гроб», «Грабь», «Братъ», «Прах», и сквозь них — «жизнь».

V

Понятно, что у Крутлова чаще говорит *другой*, а не поэт (не Поэт!) — об этом сказано и в его вступлении к нынешней книге. Больше того, у него и поэт — *другой*, один из многих, претендовать на какую бы то ни было исключительность он не может, да, судя по всему, и не хочет. Такой эпический поворот вообще характерен для сегод-

няшней российской поэзии, в которой самодержавному и повелительному «Я» романтического, символистского поэта-демиурга, кажется, нет места (это вовсе не значит, что нет места высококому); важно, однако, всякий раз уточнять, *кто* этот другой.

Крутлов обычно говорит от имени малого, а значит — в традиционной иерархии — слабейшего, ничтожного. Точка зрения у него ниже, даже намного ниже уровня глаз (отсюда такое укрупненное, приближенное видение окружающего и привычного). Его герой, мир, стих, смысл

...гендерно, простешки говоря, нерепрезентативен. Не о чем. Да и ладно бы — не о чем! не о Ком: Рядоположен⁶.

У Крутлова и ангел — Ангел Недостоинства из одноименного стихотворения — то ли оставник, бунящий давнишнюю, времен войны, песенку из репертуара Леонида Утесова (по происхождению — американскую), то ли дядька, подтирающий сопли нерадивому воспитаннику: он

...дворником служит
У бетонных панельных подъездов
Вашей жизни.
В старой армейской ушанке — подпалины, след от кокарды, —
В калошах на босу ногу,
Он ширкает метлой по запыванному асфальту,
Древком с твоздем на конпе пронзает
Мусор, свет, свет
В мешок окурки, пластик,
Голосом не из звонких, с песочком,
Напевает ангельскую свою песню:
«Мы летим, ковыляя во мгле», колет
Заледневшую мочу на ступенях...

⁶ Из стихотворения «Мариянна Гейде» (Крутлов С. Зеркальце. М.: АРГО-Риск: Книжное обозрение, 2007. С. 41).

Та же фигура — уборщицы при церкви:

Бабушки в черном, жертва за грехи, столп и
Утверженьяе прихода!

Нужно ли напоминать, что поэзия новейшего времени началась не с величественного и возвышающего призыва Гомера или Вергилия к богам, а с болдеровского обращения к себе *подобным* (см. выше: *рядомложень*), к тем самым *недостойным*: «Нуростіе лестуц, — топ *sembdable*, — топ *frère*»⁷.

А чуть позже, у Рембо, поэт и вовсе «...prendra le sanglot des *Infimes*...»⁸

VI

Еще одно уточнение к словам об эпичности кругловской поэзии. Она, как было сказано, обращена от малого к малому и обоснована этим малым. Но именно это, как ни парадоксален и даже, казалось бы, разрушителен подобный ход для эпоса, задает ему высоту («иная мера», о которой тоже говорилось выше). Мы, читатели, оказываемся внутри рассказа («нарратив жив»), но особого. Или, словами автора:

«Пою
Богу моему» — не
Отчет о жесте благочестивом, но
Заповедь. Боже, Твой!

⁷ «Читатель-лжец, мой брат и мой *двойник*...»: «Посвящение» к сборнику «Цветы зла», пер. Эллиса.

⁸ «...Принимает [на себя] рыдания Недостойных» (*фрэнц*) — или, в переводе Г. Рускаева, «рыдания Проказенных». Из стихотворения «L'Orgie parisienne ou Paris se gercuple» («Парижская оргия или Столица заселается вновь»). — *Примеч. ред.*

Такой рассказ не повествователен («отчет»), но и не исповедателен (бальмонтовское: «Я вольный ветер, я вечно но вею...»). Он *заповедателен*: рассказ здесь движется молдальностью «Да будет!». Лингвист назвал бы это перформативным высказыванием: поэт говорит «пою» — и поёт. Важно лишь не забывать, чья тут заповедь:

Того, Кто
Пет быти гласы преподобными.

Отсюда и другой модуль подобного высказывания: заповедальное, оно становится прообразным, прообразовательным, то есть аллегоричным. Два кругловских стихотворения 2006 года об аллегории — внятный знак, который нельзя по невниманию или снисходительности пропустить (позиция для читающих стихи, которые и есть сама собранность — вообще невозможительная):

...необходимо уметь читать знаки,
Поскольку мы — не вне книги,
Но в то же время — читатели, а не буквы.

Поэзия Круглова, как уже говорилось, — о малом, от имени малого, для ума и слуха малых, но малого как «мелкого», «незначительного», «не значащего» в ней нет.

VII

Малоблагообразно и кругловское слово. Дело даже не в сниженной здесь и там лексике (этим ли нынешнюю лирику удивить!), тем более что тут же рядом мы найдем и самый высокий слог, а может быть, в том, что от речи у Круглова зачастую остаются телеграфные существительные, одни слова — еще бы, его поэзия ведь тоже, как у Стиви Смита, «not waving but drowning». Вот наудачу несколько проб такой конспективной «поэтики оглавлений», конспективной вплоть до тавтологии:

Наутро — беспощадное утро. Пустыня.
Тетрадка стихов. Небеса.

Свист. Июнь. Голубитня. Солнце двоится.

Одиночество. Крылья. Первые слезы.

Или о позднем Заболоцком:

Трава двора, облако, тень, котёнок.

Или — о зеленой молодости:

Гитара, травка, весна, отчаянная свобода!

Или вся эпоха в две строки (для какого могильного камня?):

Любовь, комсомол, весна, Оболзневский,

Дешевое вино, патруль у храма на Пасху..

Перед нами как будто скоротпись торопашегося успеть записать — что и кому? — перед концом *всего* (согласно борхесовскому Картафилу, «когда близится конец... от воспоминания не остается образа, остаются только слова...»⁹) или обломки оставшегося уже *после*. Так или иначе, за этой речью маячит Вавилонская башня. И тогда слово — слова разных языков — не просто сжимается в слог, но сводится до точки, крючков, немых черточек, знаков огласовки, как в одном из лучших, на мой взгляд, стихотворений Крутлова и редкостном по силе образце современной русской поэзии — это «Перепищике» («пар» и «дым» тут — из пещей Овэнцима):

...Оригинал сжечь

(Дальше — по тексту)

Рейхсшулженний триплатых еще,

Мягких эмипрационных препон

⁹ Пер. Л. Синянской.

И резиновых торговых ков,

Карта упорядочиваемого мозга: пазл,

Из сорока двух гау один — сложи

Триптих, печь) — успел

Выставить точки, крючки,

Черточки лет,

Тайнопись невыпаренных слез,

Знак препинания, касания, вздох,

Пар (дым?). Его уже

Нет. Но, таким образом, оказалась жива

Тиверидская система огласовки.

Слово в его самоуменьшении, вплоть до самоустранения, сведено здесь (и следяно это волей и делом поэта!) к знаку, который может быть поименован, но не произносим, а стало быть — как символ *другого* — не может быть при своем. Таков — в шуточно-ироническом молусе — и «ь», который не вставишь в слово «Кузмин» (стихотворение «Марианна Гейде»). Такова, в совсем ином смысле, развороте, черточка в слове Б-Г — из стихов, цитированных выше.

VIII

В конце крайности сходятся, последнее оборачивается первым, и Вавилонское смешение языков становится предварением глоссолалии Питидесятницы. Так отмеченный бубоном «болезни века: юности» поэт у Крутлова, с нерелкой для него и очень значимой отсылкой к Бродскому¹⁰, «в предсмертной корчье» хрипит

...тягучей славянской сплюною

драгоценные, но уже бессвязные еврейские англизмы.

¹⁰ В стихотворении «Год 1996» Крутлов связывает смерть другого поэта и собственное второе рождение: «В тот год, когда ты умер, я крестился».

Но у Круглова смешиваются, скрещиваются, растут друг из-под друга, друг друга глуша и тесня, не только языки, но и веры. Если эмблематической обстановкой пружин стихов, собранных в «Снятии Змия...», чаще служило позднее язычество, то теперь — с характерным переносом акцентов — ранее христианство. Тут рядом (еще раз напомним: «рядоположен») оказываются и «практикующие экumenисты департамента Мбанга», и «веселый праздник / Бананового Сааса в Уругвае». Поэта не оттачивают эти различия в несуровом многообразии их инвазивности. Он не может принять совсем другого — духа избранничества с его нетерпимостью. Таковы для него все, кому нужна «великая Россия» или «нищая Россия» и кто самопоглощенно, «...завернув глазные яблоки внутрь, / Жадно всматриваются в Россию». Но таков у него и реальный Бог в образе местечкового раввина:

...если Бог — и в самом деле
Раввин из Дрогобыча, то мы пропали!

За манией исключительности тех и других поэт видит неизбежное противостояние:

Черные — это евреи, народ священства,
Красные — это наши, народ попов.

Круглов (речь об этом уже заходила выше) ищет общее, но такое, которое — в отличие от смерти — не может принаследжать по отделимости никому. Ищет, создавая, что

...хрустальный, сияющий паче Солнца,
Горный Иерусалим — никому не нужен!¹¹

Поэтому тягу к общему у него воплощает парадоксальный для мира и непримлемый в таком миру православ-

¹¹ Образом такого единства в стихотворении «Михаилу Есапарову» выступает «светозарный язык», на котором в Царстве Божьем распевают хоры ангелов и которому «переводы не нужны».

ный еврей-священник, палиндромический Натан из одиозного цикла стихов, который ««огненно прекасен / В медовом русском закате» и которого, «покинутому оккупанту в этой стране», с пиком быют в поэзде русские мужики.

Русские у Круглова в конце века и тысячелетия вообще как будто примеряют на себя смешное и нелепое — лапсердак! — одеяние евреев. Пафос тут исключен, поскольку рождение неотделимо от смерти, а радость пас-тыря — от его же ощущения смехотворности (кенотичности?) «форменного» одеяния.

Ветхое умерло, роды всего нового.

«Какое счастье!» — повторяет священник,

Достаточно, впрочем, нелетный

В овященной традицией русского народного сарказма

Перовской своей, селгедочного цвета, спитрахили.

IX

О роли знака, буквы, переписывания у Сергея Круглова — хрупкой символике наследия поверх смены времен — уже говорилось выше. Но как поэт, внимательный к прозе и плоти мира, он идет дальше — к картонке («картон, штамповка» расхожих иконок, «глянцевый софринский квадратик»), к бумаге:

Вот раздвиганю ложесна конверта —

И белый мягкий хрусткий твой полуквадрат

Ложится в руку, туго вынут.

И еще глуже — к обратной, нечитаемой, лишь вле-пую ошупываемой стороне бумажного листа, простому отписку, где

...выпуклостей выпуклость

Вбирают пальцы.

Еще и еще глубже, чтобы — как нечто раз и навсегда готовое, внешнее, холодное — исчезла даже бумага. И чтобы мертвое, механическое здесь и сейчас, твоим усилием нерасторжимо смешалось с плотским, живым:

Сосуд треснул, вину не в чем держать.

Нажуй бумагу, попробуем

Целлюлозой и слюной трещину заделать.

Сентябрь 2007— июль 2008

Борис Дубин

*От автора*¹²

После сорока — такой возраст, когда начинаешь, оглядывая пейзаж своей жизни, наносить на него сетки долгот и широт, вписанные друг в друга полуовалы возвышенностей, отмечать нити дорог, обозначать топонимы — живой пейзаж поневоле превращается в карту... Не в симулякр, нет — эти пространства наполнены слишком еще горячей кровью, эта карта — не виртуальная схема пространства, но само прожитое, память, уложенная для удобства в коричнево-зеленые клетки умозрений...

Выходит так, что стихи я пишу более двадцати лет, почти четверть века. Рано, в четыре года, научившись читать, не то чтобы жизнь я подгонял под книги, прочитанное не становилось для меня наркотиком, не вводило в параллельные миры — нет, сама жизнь, праная, смачная, потрясающая, врывалась в литературу, одно совпадало с другим, и выявлялась полифония жизни, окружающее через искусство слова обретало истинное звучание и смысл, в сердце прорастала уверенность, что всему живому задано было в начале — слово. (О Слове, Божественном Логосе, Втором Лице Троицы, я узнавал косвенно, не впрямую — Евангелие открылось мне только на тридцать

¹² Предисловие первоначально было написано для итальянского журнального издания стихотворений С. Круглова в переводе Паоло Гальвани и по его просьбе. Публиковалось по-итальянски, по-русски публикуется впервые. — *Примеч. ред.*

цатилетнем рубеже; я узнавал — Христа, не о Христе — через, в том числе, строки поэтов, часто — между этих строк, как, скажем, советский человек во времена воинствующего безбожия выискивал полезную информацию между строк «Словаря атеиста»).

В специальных учебных заведениях, обучающихся писателю, я никогда не учился (незаконченное высшее образование на филологическом факультете Красноярского университета — не в счёт: там учили быть журналистом, а не поэтом или прозаиком, а я довольно рано разобрался, что куда больше интересуюсь книгой, чем газетой...). Вся школа поэтического письма была мною пройдена через те же книги. Пушкин, Баратынский, Лермонтов, позже — Мандельштам, Гумилёв, Ходасевич, Цветаева, Бродский (речь только о поэтах), и переводные — поэзия Востока, саги, народные баллады, Болдер, Рильке, Паунд, Йейтс, Элиот, Пети, Трагаль, Бенн, Монтале, Клодель, Стивенс, Фрост, Хименес, Пессоа (некоторые считают, что переводные стихи — не стихи, что стихи звучит только на языке оригинала; мне же видится, что хорошо переведенный стих получает стереозвучание, дополнительные смыслы — как если бы к одинокому голоду присоединился кто-то, и вот звучит дуэт, трио, хор). Этот список имён, здесь набросанный импульсивно, навекилку; можно продолжать и продолжать.

Михаил Гаспаров, замечательный ученый, литературовед, переводчик, специалист и в стихосложении как науке языка, и в поэзии как науке сердца, как-то сказал просто, но верно: «Стихи я делю на две части: те, которые нравятся мне, и те, которые нравятся кому-то ещё». Полностью согласен с этими словами. В поэзии люблю многое: от классической просодии до самого изысканного верлибра — и в моих стихах встречаются самые разные ритмы и размеры (хотя есть и излюбленные формы стиха, наработанные более прочно — скажем, тексты «Весна света», «Ангел недостоинства» и некоторые другие относятся к ним). По той же самой причине никогда не могу *оценивать* чьи-то стихи: «близко — неблизко»,

и вот и вся оценка. Всякого же пишущего приветствую не сколько по иным причинам — по боязни обидеть человека, даже если он явный графоман, узавить нечто трепетное в нём... Пусть уж судят другие, имеющие харизму критика — я устраниюсь, хотя, может быть, это и нехорошо.

В одном месте на карте обозреваемой мною жизни обозначен провал: в 1996 году писать стихи я перестал. Этот год ознаменовался многими событиями, и главное из них — я принял крещение в лоне Православной Христовой Церкви... Господь долго меня искал — и нашёл. Мы нашли друг друга — не в умозрении, а в конкретном бытийном акте, который часто имеют в виду под словом «обрщение». Почему перестали писаться стихи? Видимо, спрятавшийся в них, как в песок, голову страус вдруг почувствовал, что песок — мелок, зад торчит наружу... Стихи перестали быть единственным смыслом жизни и ушли (тогда я не знал, что ушли не навсегда и не перестали быть одним из смыслов жизни, пусть и не единственным...). Напротив, я дал обет больше не касаться старых стихов и не писать новых. Не правда ли, все наши обеты, даваемые Богу, немного нелепы? Хорошо, что Он слушает их воплуха и смотрит на нас с улыбкой, как мать — на неразумное дитя! У русских есть такая поговорка: «Слушал бы Бог пастуха — всё бы стало передохло»).

Придя в Церковь, я стал довольно активным её прихожанином, открыл для себя и Священное Писание, и огромный пласт христианской литературы, в которую и потружился с упоением. Это богатство наполняло ту часть моей души, которая до того пустовала. Одновременно с этим произошли перемены и в моей внешней жизни: мне было предложено стать священником, рукоположение было совершено в 1998 году, и с тех пор я служу в Спасском соборе города Минусинска в Сибири, моя семья — жена и трое детей — семья обычного попа, и иной доли я себе и не желал бы.

Стихи мои печатались в самых разных изданиях Москвы и Петербурга, в 1999 году их имел возможность узнать и итальянский читатель (в основном это было свя-

зано с объединением «Вавилон» и его добрым гением, ныне известным литературтрегером Дмитрием Кузьминым). После моего, говоря словами одного критика, «ухода с литературной сцены» я вычеркнул стихи из своей жизни, но они продолжали жить среди читателей, продолжали издаваться... А в 2003 году (так точно помнится все эти даты!) стихи вернулись. Видимо, некое большое место в сердце немного зажило, и муза снова решилась ступить на него своей лёгкой ногой... И то новое, то главное, что я обрёл во Христе, в Церкви, то, без чего уже не могу жить, прочно вошло в эти стихи.

Более двадцати лет писания стихов — десять лет священнического служения: два цвета на карте наложились один на другой, дали новый цвет (какой именно — лучше всего оценят читатели...). Долгое время для меня был болезненным вопрос: можно ли совместить христианство — и культуру, ипостась поэта — и ипостась священника?

Мчитесь лавой и рубитесь конница,
Кричит потревоженное воронье —
Это поэт со священником борется,
И поле битвы — сердце моё...

Вопрос не был праздным: в Русской Православной Церкви, весь XX век бывшей в советском вавилонском плену, а до этого — в плену имперском, административном (съёмом и безбольном, но не менее тяжком), в пору ее внешнего освобождения от этого плена в конце прошлого века, когда церковные люди еще не наработали новых форм церковной жизни, но пытались примерять на себя старые, явно обозначилась одна из тенденций — обскурантизм. Кратко его можно выразить словами «Любовь к миру есть вражда на Бога» — слова, которые идеологи, скажем, манихействующих еретиков, о которых мы знаем из истории, возвели в максиму (и не только они: в Восточной Церкви, к примеру, слишком буквально усвоились отцами Вселенских Соборов, а также позднейшими богословами понятийный аппарат школы Платона с его

делением сущего на мир эйдосов — и мир бледных подобиий, с утверждением об удаленности Рождества от плоти — тогда как в библейском Откровении нам явлен Бог, на оборот, максимально близкий к плоти, принявший ее на Себя в Богочеловеческом воплощении)... Поэзия, культура вообще, как порой утверждается, мешает спасению души, и Христос призывает оставить «всё это» как ненужное, уйдя из рещного мира — такая тенденция знакома не только на христианском Востоке, но и на Западе...

Много времени и сил мне понадобилось, чтобы понять простые вещи. В частности, что слова «спасение души» — неверные, ведь у человека есть не только душа, но и тело, и вся его жизнь, которые Господь пришёл как раз не уничтожить, но освятить и преобразить. Мир, конечно, поражен злом — но это большой, которого надо не убивать, а лечить. И средствами культуры (само слово — от «культ»), и поэзии в том числе. Страницы Библии, вдохновенные слова пророков, притчи Христа — разве не образцы высочайшей поэзии? Разве рядом с Книгой Екклесиаста мы не находим Песнь Песней? И разве Данте не признан, наряду с Отцами Церкви, Боговидцем? Разве вдохновенные строки Пети и Клодеа, Эмили Дикинсон и Шеймаса Хини, Ольги Седаковой, Сергея Аверинцева, Вениамина Блаженного — не молитва?

Эти резоны были доводами разума. Но был и довод сердца: Бог дал мне талант поэта. Я чувствовал, что если зарю его в землю, как неверный раб в евангельской притче, то предам и самого себя, и Божью волю о себе...

Итак, стихи — вернуться и пишущая; опыт священника влился в них и придал новые смыслы, новое звучание — а насколько новое, насколько важное, об этом пусть судят читатели.

Иногда меня спрашивают: что больше всего ты любишь делать в стихах? И я отвечаю: рассказывать историю. Не то чтобы считаю лирическую поэзию изжившей себя — нет, подлинная лирика, как и подлинная поэзия — неспособность человека внутрь себя, позиция «я», живы и действенны, хотя в разные времена по-разному отвечают на

вызовы мира. Просто мне ближе эпос. С некоторых пор одним из мерил того, что делает тот или иной поэт, для меня стало то, способен ли поэт говорить не только о себе самом, видеть и любить не только себя и свои переживания, но и кого-то другого, в том числе — и Другого, Бога и Ближнего в их трагическом, смертельном, прекрасном бытовании. Именно открытость другому (высшая ее форма — любовь) делает индивида, замкнутого на себе, — личностью, уникальной и неповторимой.

С. Круглов

ПРОЛОГ

*Артур Гордон Пим,
слепой и старый,
перед смертью говорит внуку*

Старый наш дом в Нантакете! Вот и здесь выпал снег.
Бельге ангелы превратили кровь в ледяное вино.
Видишь? Я вижу: белое море, брег
Бел, как ад. Саван и пелена.
Все путешественники ныне достигли белого дна
И собой заполняют дно.

Саван, — но, внучек, молись, всё же не тонет, плывёт
По белым водам на полнос Лазарь, чтобы востать.
Но, вижу я, белое молоко вскипает; и всегда белизны
достаёт,
Чтобы вывести белую букву, на молоке написать

Текст в три строки, со свойствами стили
Чёрного кофе, жирной земляной борозды; и вот мы
в морях сеем зёрна;
И Господь Слепых Странников предполагает наличие
чёрной
Воронь, хотя бы одной, раз уж белые стаи небо
заполонили,
И позволяет бежать тому, кто по водам бежит проворно

На юг. Милый, дай руку! не плачь — это совсем не недуг,
И я умираю, но не от старости и слепоты,
И не от смерти. Молись, мой милый! Будем
стремительны и просты,
Черны, значимы на снегу, в волнах, в белом свете
судной звезды! —
Дай руку — Господи, не оставь! — на юг!

24.10.1994

Ван Гога

От уха до уха — обычно
 Так обозначают улыбку,
 Широкою, как передаваемая
 Жажда, как небеса.
 Вся история европейской
 Кульгуры, ультрамарин и охра,
 Составляет историю
 Чувства: от уха
 Малха до уха Ван Гога.
 Святой тнев.

Мы веруем, что все стихло,
 Что улеглось безумие,
 Что ты, наконец, свободен
 И ласково понят.
 В конце концов, небо
 (Ты это доказал) над Эдемом
 Не глубже,
 Чем над церковью в Овере в июле,
 А подсолнухи сияют
 В глазах райских львов.

4.06.2003

* * *

Воскресение — оправдание тела:
 Мнемоний, мнимостей,
 Обетов, отложенных на завтра,
 Старых фотографий, неотправленных писем,
 Новинок, вышедших позавчера —
 Жизни.

Тело ведь тоже душа, только другая.

25.10.2005

Заглянув весной в пакет с чипсами

И сколько всего вот так съедено — тьмуцкая тьма!..
 А представить, сколько вдобавок за жизнь мы извергли
 дерьма, —
 Общего и конкретного, вот этого, твоего, моего!..
 Уже на три трети земля состоит из него.
 И нетрудно поверить мне,
 Что все это остро нуждается в огне.
 Огне, рушащемся с неба,
 Вершащем гонение мусора, освобождение снега,
 Таяние бетона, испарение влажной похоти очей,
 Горлости (когда припекло, не вообразишь, что ты
 прохладно-ничей!).
 Ожог трезвит, подбрасывает вверх, ставит на вид,
 Что, раз болят, значит, живо то, что болят,
 И пробужденье от липкого сна, и весна — как огненный
 взрыв!
 Собственно, даже геенна — шанс ощутить через боль,
 что ты жив.

24.02.2004, Великий пост

Не узнашь

Ночь напролет
 Что-то писал, строчку на строчку низал,
 Себя не помня;
 Устало откинулся — и вдруг
 В зеркало на себя гляжу,
 Как Цветаева из Египта: чужой,
 Мертвый!
 Нет, брошу-ка стихи,
 Встану да помолюсь:
 Да воскреснет Бог,
 Да воскреснет и человек,
 Да придет в себя, станет
 Сам на себя похож.

30.09.2005, под утро

С тобою чистим грибы

Нет, не в плероме, не на облаках —
В тебе изображается Христос:
Терпенье неизбывное в руках,
И внешнее плетение волос,

И голос, и морщины каждой ход,
И детскость, близорука, как со сна —
Мы старились с тобой, за годом год,
Свидетель я, как ты сотворена.

На этой кухне, в этот поздний час,
Самих себя мы сеем в темноту.
Господь сказал, что Царство — внутри есть нас.
Внутри тебя. Я там его найду.

09.09.2005

Неделя всех святых

Эй, парены!
Ты что, уснул там, в окопе? Что ты
Уткнулся невидящим лицом в грязь?
Ты что там, устроился жить,
Медленные минуты тянуть,
Есть эту глину, сосать червей,
Примерять сапоги мертвецов?
Окоп — не жильё, парень,
Окоп — это место войны!

Самое опасное в этой войне —
Затишье между боями:
Трава на бруствере, стекляннное небо,
Неподвижность берез, провисанье жаворонка,
Божья коровка на щеке, слепящее веко,
Обманчивая тишина.
Эй, очнись! Видишь — скоро
Снова начнут!

Видишь — мы здесь до тебя воевали,
Два батальона здесь положили мы,
Мы отстояли высоту, отбросили танки,
Фланги укрепили и наладили связь, —
Тебе совсем ерунда осталась!
Смелее, мы здесь, мы с тобой.
Держи мою винтовку, солдат, целясь верней.
День Всех Святых — сиянье войны и парада.
Иконостас — не глухая стена: могучий
Войинский строй, а нимбы —
Золото нашей крови, пролитой
За неотвратимость победы.

18.06.2006

* * *

Он — обычный, честный
 Советский человек:
 Аккуратная, в стрелочку,
 Офицерская рубаха
 Застиранного цвета.
 Один глаз — стеклянный, в другом —
 Царственное священство.
 На Весношной он — как столп.
 Истоиво крестится (левой —
 Правая оставлена под Кандагаром).
 Здесь, в храме — его центральное место.
 «Знаете, отче,
 Вольтером мне быть не по силам,
 А вольтеррианцем — мерзко».

С третьей своей женой он живет как с сестрою.
 Потерявший пол, он — единственный
 Мужского рода в нашем приходе.

11.04.2006

В разрезе домов

Темнота в их домах.
 Дарвы сосут жизнь.
 Одиноко покачиваясь, сидят они в темноте.
 Они боятся любить.
 Они знают:
 Кто умножает детей — умножает скорбь.
 Молись о них, если можешь.

24.10.2005

* * *

Двадцать второго апреля
Встану по звуку горна.
Ленина помнит земля:
У земли мертвецкая память.

Старые коммунисты,
Строители Вавилонской ГЭС —
На митинг, рядами редкими
(Как вас мало осталось),
С чувством локтя в сердце,
В застиранной правде под горло.
Разговорчиков нет в строю:
Так и не получилось
Общий язык обрести,
О расчлененные.

С дальних погостов идут,
С фронтов и с цементных рек,
Смотрят перед собой,
Стылый ветер в слезах.
Желтым черепом-илыичом
Солнце им виснет с небес.

Голое солнце, ничье!
Серый, в утре, кумац!
Россия, лицом к стене!

Ты, русский немтырь —
Нет человека вокруг тебя,
Не к кому Слову прийти — и вот
Этот бетонный ковыль,
Рошася пустота та,
Это кладбище куполов —
Беспристрастности ангелов ныне отчизна
Подверглась.

23.05.2006

Памяти Андрея Ющинского

Похороны, скверноухание смерти.
Невинная кровь выпиталась в серую глину.
(Как они обозначались, прокуроры, адвокаты,
Ораторы надмогильных трибун! Если бы
Кровь содержала душу — разве
Кануть она могла бы в эту порчу?)

Андрюша, в деле Бейлиса
Ты — единственный подлудимый:
Ты за всех всегда во всем виноват.

(Протоколы — пробы красноречий.
Тоскливое раздумье,
Забота, тнет,
Серой глиной в кромешной тьме —
Достоевский лоб,

Розанов, Даль.
Клавикорды тыгучи; элетгия; сыр; тоска).

Сколько кльков во всех ртах!
Сколько правды со всех сторон!
А ты был с антисемитами как еврей,
С резнигелями Талмуда ты был как акум,
Ты был за всех против всех,
В этом мире был ты ничтожен, и силою ниц.
Обескровленного, в эту землю положили тебя.
И вот — все сроки пришли взорваться земле:
Агнец замедленного действия.

Заткнись, унылая элетгия похорон!
Имеющий уши слышать,
Переверни винил:
На той стороне кладбища
Победный записан марш!
На том берегу могил

Обескровленные встают,
И ветер света рвет венчики с розовых лобов!
Никаких клавикордов — хор!

Как, партайгеноссе, жрец борьбы,
Праведник сатаны,
Был бы ты прав, если бы смерть была
Весильяна! В том-то и дело: если бы
Смерть — была.

12.11.2006

* * *

Мы тут, в России, вечно —
Молимся ли, ругаемся ли, поем, —
Говорим: «Мы».

Вместе нам легче, теснясь,
В своем окаянстве перед Тобой быть,
В своих грехах рыдать, звать,
Слепнуть
В Твоей сияющей тьме.

Мы!.. Кто такие: «Мы»?
Мы — подросток на костылях,
Пришедший в райцентре в храм
Поживиться на пиво десяткой-другой,
Да так и замерший, как муха в янтаре,
Перед раскрытыми Царскими Вратами,
В грозном светолитии Твоих икон.

12.11.2006

Не засветишь плёнку

Мы улавливали светотень, мы снимали, усердны
и молодцы,
Но не вышло светописи, вышло — землёй земля.
В целлофановых книгах линают шевелёры кудака —
Плянцевые квадратники цвета хлебанного киселя.

Свет убьёт нас, увидишь. Хорошо, если что останется.
Мы, конечно, проникнем туда (заряди свой старый
«Зенит»),
Но в Эдемском саду отродясь осадков не наблюдается,
А мы так ценили возможность, что погоды объективу
сулит.

28.01.2006

Брат алкоголик! Мы
С тобою в аду невыносимом —
Обопрись о плечо, побредём вместе.
Здесь вошло чёрное солнце,
А там, на милой родине
(Помнишь, родина была у нас?) —
Ночь опустилась.

Я понимаю тебя, несчастный:
Не зная радости, ты пустился в поиск
И попал в пространства паллиативов,
В невыносимое место рвоты, распада,
В Гоби отравляющего солнца.
Вот только
Проклятого себя я понять не могу:
Я-то как здесь, я-то,
Знавший, Кто Такой радость?

Христе! Слишком поздно узнал я:
Пьянство — не невоздержанность. Пьянство —
Предательство радости.

15.11.2005

Настоящестъ, настоящернасть!
 Сожрага ты, хрустя, моё прошлое,
 Рык твой сил, кожа буторчата,
 Мозг — мизер, рельефны дядвев,
 Рост огромн, зубы — в два ряда,
 Одномерна, назойлива,
 Коридорами дней гонишь меня в будущее,
 Которое будет ли,
 Крушишь хвостом хвощи, плауны,
 И дыхание твоё смрадное
 Полнит мир, и мне — некуда!..

Настоящий ты яшер, грендель ты!

Счастъе, что есть отчаянье,
 Настоящее, святое отчаянье,
 Труса в война превращаюшее!
 Тормозящее бег, вынуждающее
 Обернуться, стать, обнажить меч,
 И — удар. И — рёв в зарослях,
 И луна, пульсирующая,
 Току вен вторящая,
 Веревки контрабаса дёргающая.

Настоящестъ, злое чулище!
 Чем станешь, содрогаясь в агонии —
 Вечностью, дурной бесконечностью?

27.10.2005

Невозможность мепанной

Над иллюзорными мирами
 Взойдет синюшная луна —
 И между полыми умами
 Как раз поместится она.

Она ничто не отразила —
 Ничто нельзя растождествить,
 И то, что голо и постыло,
 Мне не на что переменить.

23.05.2006

Из книги

На средневерхнесибирский
Мной переведен Мумонкан.
Варенье из сакуры. Я доволен.

Из книги
Смотрят на меня типы религиозной жизни
И думают: «Ну и тип!»

13.06.2006

* * *

Уснул в саду.
Сон приблизился ко мне, как зеркало.
Плянул в него — и заделенел:
Ни глаз, ни носа, ни рта, ни пор —
Лицо без черт!
Нет, не молчашее дыханье Ничто —
Нопшэрапон, безликое зло!..

Проснулся — ветер
В клочья рвет сад, яблони —
Как деревянные молнии;
Кричу и кричу:
Адам, где ты? — и сам
Не слышу себя.

17.06.2006

Хочешь не хочешь — время
 Подливать воду стоящую, стывшую
 В пылающее вино.
 В сердце под утро заморозки:
 Цикады пененют в снегу,
 Милые дети, как птицы,
 Оторвались, подались на юг,
 Туда, где луга
 И листья испитанана солнцем,
 Скрылись; вдали
 Их голоса исчезли. Квартира,
 Разношенная, как башмак,
 Болтается на сохшейся душе.

Эту маленькую серую книжицу
 Называли простенки «численник»
 Те, что уже умерли: числа,
 Числа. Три,
 Два, один. Последние
 Дни календарной жизни
 По старому стилю.

Я все еще верю, Господи! Но больше
 Не на слово: слов
 Почти нет — только числа.

30.08.2006

Великий Вход прозно сияет.
 Бледный священник висит, никакой,
 Улепившись за Чашу.

Но все пройдет, отляжет,
 Его помилуют,
 Он станет легок и многословен,
 Как напакотившее дитя, избежавшее порки.
 Опыненный глазами паствы,
 Самвона он скажет спич,
 И нимбы икон померкнут.

И грозные Врата покорно
 Дадут себя завесить
 Катапетасмой обыденности.

13—15.06.2006

Эде, бибе, луде —
 Гремит данс макабр,
 Факельные оргии ночью,
 Шоу трансвеститов,
 Плотояство без сыти,
 Похмелье без рвоты,
 Раскайнье без покаянья,
 Тоска без избытья.

Все сие — в твоём сердце,
 О иерее:
 Меньше, меньше, паренье
 Горит выспрь под вздохом,
 Палит, пьянит, давит,
 Возносит, во ад тянет.

Наг, безлик, сир, грязен,
 Ниш — эта нишета духа
 Не нарастает годами,
 Бленьями, постами,
 Не достигается невлажными стопами,
 Не идет она в комплекте с митрой,
 В палице нет для ней ножен,
 Самвона она не хризостомна,
 Нет ее в медитативных досугах,
 Не наскрести ее в почесухе мысли,
 И возраст ей не помеха —
 Такая нишета, брате
 И сосложителю с тьмою —
 Из тьмы растет метастазой,
 Страсается безвозвратно,
 В ночи подстергает,
 Как предателя — нож партизана,
 Как сластолюбца — люос,
 Как пьяницу — белка,

Как поэта — льстивая слава,
 Как примадонну — рак горла,
 Как мать — детей взросленье,
 Как Свет, что во тьме светит
 И высвечивает ночью
 Беспощадное отраженье:
 Глядися, о иерее!

Ниш, наг, всесмехлив, смраден,
 У Престола сними свои ризы
 И тихо в ночь выйди.
 Прошло твоё время
 Каяться словами — ныне
 Петух поет: время
 Каяться ногами,
 Километрами злой ночи.
 Иди во тьме, плача,
 Влепую, Богооставлен
 Во грехах, а не в апофазе,
 Иди, и образ буди верным
 Покаянием, стыдом, бессилием, надеждой.

2.09.2006

Ты этой ночью претворил в святыню
 Всё бессловесное, всё косное донныне:
 Простую воду, хлеб, вино.
 Монах-молитвенник, поёт огонь в камине,
 Как очи мученика, в ночь глядит окно,
 И скатерть-исповедница легла
 На грудь дубового апостола-стола.

О вещный мир, творение святое!
 О дом, сияющий Божественным покоем!
 Единство кладки и стропил,
 Земною плотностью венчая неземное,
 Для сына блудного в ночи Ты возводил.
 С конька петух вдогонку прополёт —
 И сердце беглое навскидку полоснёт.

Рыдающей, завшивевшею мразью
 Вернусь в ночи, найду тебя, со страстью
 Отринутый когдa-то кров.
 Как смею наследить житейской грязью
 На девственной тиши половников?
 Но где я был, не спросят у меня,
 Лишь передвинут кресло у огня.

Январь—март 2006

Не смог вытерпеть — умер. И ты
 Обиделась на меня за это.
 Родная, прости меня! Больше, обещаю,
 Это не повторится.

11.04.2006

Августу

Помнишь, в сороковой полдень
У печаного домика по тебе литию мы пели?
И вдруг притихли: это
Отстраненно, уверенно
Нечто о тебе и о нас кукушка заутверждала.

Конечно, я далеek от мысли,
Что это сам ты, лучащийся, лысый,
Невидимый,
Сухими лапками на деревянном кресте
утвердившись,

Нам подпевал!
Нельзя верить в приметы.
Но необходимо уметь читать знаки,
Поскольку мы — не вне книги,
Но в то же время — читатели, а не буквы.
Это все: кладбищенский полдень,
Калило, песок, венки, ветер,
Пластмассовое время сороковин —
Всего лишь миния на страничке,
А голос кукушки — смысл сноски.

Да и прежде-то, Август,
Посвященные тебе тексты
Так и были полны птиц! И сам ты
Для всех своих близких
Как бывал пернат и психагопичен!
И даже — вот теперь. Теперь-то — и больше
Всего: одинаковые обмылки,
Траченные миром сим, во Христе плотнея,
Проявляясь, мы обретаем свою разность,
Медленно, так сказать, меняем

Простопон на ипостась (прости: снова
Пишу барочно, как образованец! —
По-птичьи, как ты теперь, я еще не научился).

«Полет и встреча: все выше!»
В том месте, где в свете нет тьмы, но нет и скуки,
Доно Авраамово, верю, полно трепета и крыльев,
И жизнь поет на всех шибетах мира.

12—13.05.2005

Этот текст посвящен памяти моего друга, Августа Васильева. В Минусинске он прожил около 20 лет, работал завмузом в местном театре — хороший музыкант, учился у Шостаковича, для нас был лучшим европейского света в темном царстве, первым читателем и вдохновителем моих стихов... Умер он два года назад, в возрасте 70 лет, от тяжелой болезни почек. Когда мы его навещали (еда-белье-уборка и проч.), разговоры о поэзии и «Эхо Москвы» в огромном, трескучем, как камин, старинном радио — последнее, оно же первое, что еще его вдохновляло... «Залив Паркинсона» — это он, Август, его лысая голова на фоне огромной карты СССР, в районе Сахалина, в одинокой однокомнатной малогабаритке на продуваемой ветрами окраине сибирского городка, куда его из Европ занесли жестокая судьба и милосердный промысел Божий. В активную пору жизни он робел Церквы, даже трепетал и обрывал беседу, едва речь заходила об этом... Болезнь, как оно часто бывает, придала ему дерзновения, и я исповедовал и причащал его несколько раз (помню, меня ошеломила простота того, как он освоил непрестанную молитву, никогда не читая и строчки «Добротолубия», просто помогли ночь, одиночество, приступ болезни и тоски, и Сам Господь, конечно!), в последний раз — причащал и соборовал его в день смерти, в отделеении кардиологии, куда его, толком не зная диагноза, увезла «скорая». Это было воскресенье (в этот день умер папа

Иоанн Павел II, если не ошибаюсь) — апрель, весна... Последнее, что он попросил — музыки, и ушел под «Евгения Онегина». Потрясающе, насколько велика и просторна жизнь; насколько нет никакой смерти, нет даже в принципе.

Михаилу Гаспарову

1

Желтый, книжный, облетает —
 Писью лет — с осины лист.
 В ветре свиста не хватает:
 Умер честный атеист.

Внепартиен, необузен,
 Густоперчен, как центон,
 Тих, классичен, русск, внеруссен,
 По-еврейски умер он.

И воскрес, весьма встревожен:
 Там, средь света и весны,
 Видруг узнал, что в Царстве Божьем
 Переводы не нужны;

Что длинным, птичье-смычным,
 Светозарным языком
 Хоры ангелов синичьи
 Распевают там о Том,

Кто — не То, а Тот, Который
 Есть Искомый, Вся Всего,
 Переводами из Фора
 И латынью пел Кого;

И воспрял к сраженью снова
 (С Милым — рай и в неглиже!)
 Фехтовальщик Бога-Слова:
 Запись, выписка, туше.

Январь—май 2006

2

У кого это (спросите — найдёте):
 Слово стало не текстом, но плотью
 (Прочитано в плотном тексте) — пальцем в небо!
 Текст и есть плоть (Хлеба);
 Вот во плоти вероятностная тема:
 Внутри текста мы — энтимема:
 Раз в слезах, как в лучах, утром мое лицо,
 И в руке подрагивает копыцею,
 В восковой бочок просфоры наставленное упруго —
 Значит, вечной будет весна старшего, светлого друга!
 Логика вероятного, лошадка конника
 Аристотеля, скрытого платоника,
 Риторика вечности сей,
 Которую вам уж давно проиллюстрировал Алексей, —
 Беседуя по солнечным гравиям райского сада,
 Куда и мне бы, неучу, надо, —
 Полобоваться на вас, подслушать издалека
 (При служении Ангелов) — а пока
 Стёзы, читают часы, частицы и вечная память,
 Чаша лучится правированными боками,
 Хлеб и вино как животворящий Текст
 (Чуший да ест!),
 Имя ваше, на белом камне, вглетено в акростих,
 И свет танцует, обнимает пылинки, не впитывая их.

23.10.2006

*На полях заметок
 В. В. Бибихина
 об А. Ф. Лосеве, изд. 2004 г.*

1

Между прочим, у Гомера есть
 девять пониманий смерти...
 и ниже, до конца с. 199

Казачья кровь, в кристальный
 Геттингенский сосуд влита!
 Эак на Радаманта кивает,
 Миносу и тому не разобратся.
 Такие идеи сонмы!
 (Скандал в темном семействе:
 Что обретают тени,
 Вкушая жертвенную идею? —
 Память о глубокоградудшем!)
 В аиде — жилищный кризис,
 И так и живешь в библиотеке
 (Дом, в сиреневое окрашен,
 По сю сторону Ахеронта,
 Вывеска: «Свято-Эдемское подворье»).

26.10.2006

2

...распоряжался телом так, прямо...
 С. 296

Так ум душонку в бой ведет,
 Влечет на крест, на эшафот
 Ослизлой мзглы вопящий клуб,
 Анимулу — бичом вперед;
 А сердце в мясо поддает

(До фени телу): тут да тут.
 Июльский взламывая лед,
 Вмывает символ и цветет!
 (Хоть ворон вечен: «Невер, Марр!» —
 Но Прокля кто переведет?)
 На крышку гроба сыпанет
 Гудящей глины заступ, гроб,
 В капусту квасит кости гнет —
 Но нус горит, и обожжет
 Сошедшихся уместить труп,
 И персть удобрит тучный жар.

26.10.2006

3

Он перешел в католичество, считая,
 что православие бессильно и слабо,
 продалось власти. А католичество
 гордо и грозно, закрепилося на всех
 материках под длинным руковол-
 ством...

С. 187—188

Вернись, вернись! Оставь свой стройный рай
 За восковой спиной.
 Запри свой дом, розарий размотай
 Трясушейся рукой,

И с Авентина положи земной поклон
 В соломенную даль,
 В поля подсолнухов, в копчёный мед икон,
 В смиренную печаль,

Где колны русая София ворошит
 На жнитвах серых лет,

Где в светлой тьме, как в водах, сердце спит,
 Где тихий свет,

Где сможешь быть, хотя не сможешь мочь,
 Где в глине деревень
 Светла твоя Варфоломеевская ночь
 И тих Михайлов день.

28.10.2006

4

Моя Церковь внутрь ушла...
 С. 173

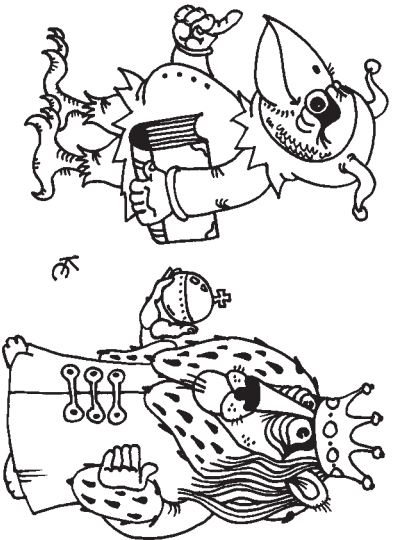
Маленький кравчий,
 Спросишь: «Откуда
 Свобода такая?»

Не тайно ль шептали
 Мы аллилуйю
 Ночью в подушку,
 Под взором хищным
 Мойр красноглазых?

Мертвый для мира!
 О, тайный постриг
 Ножниц, стриженных
 Нити судьбы!

30.10.2006

Послания на открытках

А.И.

1

Вот — аспидный Питер, серебряная Нева.
Вот — статуи, стынущие мосты.
С глянцево́й лицевой — крылья златые льва,
С шершавой изнанки — ты.

Шариковой ручки привет!
Скромн, как март,
Сухошав, как богдлеровский поэт,
Священник или солдат;

Голосом, как пробежка на Невы
Льду серобездонном,
Тонко глухим, как трещина в
Фарфоре коллекционном,

Екклезиаст
Мелочей, смут, суеты,
Предметов, по Кузмину, вполупоказ —
Кунсткамерный ты.

1

Зима, норвежки, пустыня льда,
Скольжение по льду
С другом, что никогда
Не удержим на ходу.

2

Голос по касательной, почти не о том;
Звукожест, скуп, тих,
О том, что аутизм — смерть подо льдом
Надвое распадающихся двоих.

Антисюжет, разлом, неуверенная рука —
Не о том, не то;
Ледяная стружка из-под конька
Завернулась вокруг ничто.

Да, если зерно не умрёт —
Не принесёт плода.
Конькобежец не вынырнет, если не нырнёт,
Асфиксии не скажет «да».

Только утонувшего хватятся среди этой зимы
И подымут со дна,
И это будет смерть аутизма, крушение льда, тьмы,
Пасха. Весна.

3

Письмо — роман, жанр, коему не одерридеть.
Нет такого места «нигде», только — «здесь».
Роман — не дискурс как стиль, заметь,
Роман — мы сами и есть.

Мы сами — слова утраты, которые Себе кричит
Взыскующий любви Бог.

Мы — не морзянка, исчезающая в ночи,
Мы — диалог:

Заканчиваю. Прости! Не выжили за многословный ответ,
От которого (подпись, дата, прощай)
Ещё серее, поди, твой невеский расцвет,
Стылсе чай.

30.01.2006

Карл Барм

Когда липипут танется,
Чтобы достать с полки гигантскую
Книгу великого пенсионера
(Седина, очки, разящая мысль),
Он чувствует, как позвоночный столб
Трепигт ввысь, к Богу.

Может быть,
Там, у грании Царства,
Бог покажет их липипуту издадека,
Богословов, ипрающих в славе
(Милосердно, чтобы малыш не ослеп,
Прикрыв ему ладоною слезящиеся
Мизерные глаза).

19.02.2006

Портрет Биа Медичи

Ты, неуспех весны! Великолепье
Несовершенства, чудно ранней смерти!
В тебе — движенье.

Война! Ты — мистерия
С горькими губами Трагедя,
С огненным сердцем Пети.

13.06.2006

Кто равнодушен к этой красоте,
И чье не дрогнет сердце,
Когда у ног ятненка ляжет смиренно
Левиафан, или когда слепая
Девушка поет?

23.05.2006

* * *

Аллегория — пожилая дама,
 Изношенная плоть ее пигментна, пахнет
 Сорокадневной мочой и распадом,
 Старушечий рот не удерживает пищи.
 Внуки о ней забыли: у внуков —
 Содержательная жизнь.

Механический санитар-самописец
 Фиксирует на бумажной ленте
 Ритмы ее снов, неотличимых от яви:
 Сны, порядковыми номерами,
 Текут, впадают
 В залив Паркинсона.
 Пoutру ленты сжигают
 В металлургических ящиках, на задах морга;
 И — снова.

Все письма былых ее кавалеров
 (Полвека назад умер последний)
 Подшиты к истории ее болезни.

Подойди, мальчик,
 Постой для приличия (можешь
 Особо не напрягаться: она уже никого не узнаёт).
 Букет пристрой вот сюда: что там
 В пакете? Яблоко? Не надо, можешь
 Съесть сам.
 И ты, сопляк, надеялся,
 Что сравнивая собаку, например, с луною,
 Дуну — с сердцем,
 Выглядишь как поэт?

Но и еще: ты думал
 (Самонадеянный!),
 Что, не отведав

Кислоспертого, пьянищего молока
 Из губчатых, вислых, поросших редкой щетинной,
 Сосцов бабки-Аллегории,
 Можешь о поэзии хотя бы помыслить?

25.06.2006

Птичий двор

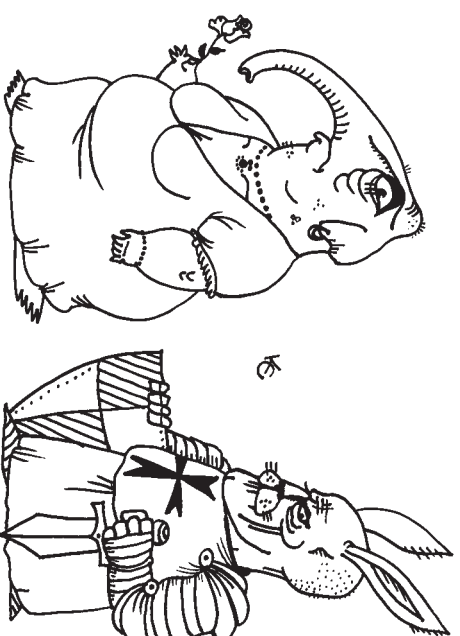
Пусть нам Эзопа горб суфлерской булкой служит.

Э. Росман. Шантеклер

Пер. Т. Шенкиной-Куперник

Аллегория, ветхая, заезженная, банальная, престарелая, негелепа в своем величии из папье-маше, морали и ржавой фольги подобий! ты — вечна. Как тысячу лет назад, так и теперь: ветер так же похож на время, солныше — на Царя, небо — на Царство, клеткот — на смерть, золотого брез в осенней грязи — на смирение, люди — на птиц. Наши святые — далекая птичья стая, в строгом и невероятном порядке клин, утопающий в свете и славе, недосягаемый, волыный, вершащий победительный свой лет на юг, к вечной весне. Мы, нынешние — тоже птицы; мы не летаем, не привитаем в могучих кронах, не о нас слово Слова, не про нас юг: мы родились и обретаемся на птичьем дворе.

Видишь ли, стая, наш двор с высоты? Кастратые гуси — всяк наособь мечен своим хозяином, культи крыл, туком провисшие гузки — шипят в небо, словно съевшие Второзаконие: разом подымаются и, как жирные мелленные стрелы, споро идут туда и сюда; они считаются родней тем, полнебесным, в самом первом и узловатом колене и всех научат, какво это — летать! Их вожак бредит разборами полетов, выщипывает маслянистую нежную травку, блюдет корыто, полное пиши: гуси обожают вожака, прочие — молчаливо и покорно находятя поодаль: вожак скор на суд; он, победно гагакая, изловит всякого, посягнувшего на корыто, навалится пернатого жабой, выдавит ржавордяным клоповом глаза за нарушение обряда. Индюк-мизантроп нам заменяет павлина; он самодостаточен, думает туую свою, скрытную думу; замкнут сам на себя соплей; впрочем, главное-то про него известно и пыпленку: конец ему прежде всех, ибо мясо его плотно,

сытно и недорого, слава его — в сраме. Куры женственны, в помыслах своих — отрывисты, любови их пунктирны, чресла манящи; языку питательной крови, избирают они тпедлушнейшую, в очередь выклевывают ей грешок, полнят детородный калыдый светливых своих натур мечтами и крошечном скорлупы.

О птичий двор! Ты — полная чаша! Всем здесь достает зерна, корок, остросмердящих рыбьих голов, так что и голуби, крысы нижнего полнебесья, имеют что подобрать на шедрых твоих окраинах, и во всё-то лето бомжуют по тебе затолняющие фон воробы. А кодой разрешает весь этот навал обертонов, дискурсом связывает пестрый этот текст и сквозит в нем эйдосом, как очёсок мойровой пряди паря в воздушном потоке, в кругах своих заключаая крутоворот наших будней, придавая вкусу — корке, сладость — воде из лужи, причинноследственный коршун, знак препинания птичьего айда, неотменный на фоне дня как тень, как начало памяти о конше.

И только обративши внимание на петуха, видишь: вот кто — нет, не хозяин, но верный подмастерье этой неотвратит-

мой, обрыдлой, манишей, страшной, непоподвластной, упорительной шутки по имени жизни. Плевать петуху и на коршуна, и на левитские обряды пусиной стаи; он смирен, и дерзок, и прост. Он прозен, как полки со знаменами. Петух не стремится летать — он знает, из какого яйца вылупился, почему куричья жопка, и какой тупой тук तोпора на грязной колоде положит ему предел, но и на это ему плевать паки и паки. О занавесивший, набекрень, острый свой глаз в мудрых, веселых, печальных морщинах, резной короной гребня! Хватает тебе и одного глаза, чтобы куры выделли: вот — король, твердо он идет на ногах, в красных сапогах, и где укажет он жестом созерена — там и насест! Потому что ты — царского рода, кровь алекторов в тебе, а плоть — от крепкой плоти птичьего двора. В темный предутренний час, когда демон-странник терзает память несбыточным, когда совесть-пиявица пьет тоску — тогда взымаешь ты, алый во тьме, на прясло — и трикраты кричишь. И, содрогаясь от этого крика, прочь ползут ночь и судьба; и жар-птица бежит авровой перед колесницей солнца, и красит путь перед ним в цвета надежды; и новое утро встает над птичьим двором, дарит свет свой непросвещенной черной земле — а значит, и сегодня мы сможем увидеть небо, недоступное ни одному из нас, властно подаренное всем нам.

16.09.2006

На шестое июня

1

В кипренском фраке кто, в тропининском халате,
Кто в заячьем тулупчике босом —
Стоим, позирюя, сошедшиеся кстаги,
Мы в три ряда на снимке нецветном.

Кто трачен жизнию, кто подбоченясь франтом,
Чей фас — как ночи донная вода;
С Россией кто, с душою иль с талантом
(Но вместе всё — почти что никогда!..)

И все мы — как причастники у Чаши,
Как тати против трибунала своего,
А там, за объективом — солнце наше,
И шуримся мы, глядя на него.

2006

2

До него не было ни стихов, ни речи.
Забавно и горько,
Когда и после него их не будет.

Осень времен нас застает в дороге.
Остановка в Болдине. Дальше — некуда, милый:
Мир в холере. Карантин посторонних небес.
И ты остаешься гостить бессрочно.
Дом без хозяйина пуст. С утра мглисто.
Слуги разбрелись по кислым дорогам,
И некому подать кофе без кофеина.
Ни бриться нечем, ни вспороть вены —
Осенью все острое ржавеет.
Сядь у окна, перетасуй карты,

Клади пасьянс то так, то этак — и все выпадает
 Пушкин, никто другой. И не диво:
 Пушкина в этой колоде четыре масти.
 Не развести ли засохших чернил, да за сказки?
 Но Болдина твоих текстов
 Никто, увы, никогда не узнает,
 Разве что два, три раза
 В пробу повернется
 Костяная русская муза.

Счастливица муза! Ей довелось умереть первой.
 Когда к тебе сюда доберется
 Холера века, то последнее, что ты увидишь,
 Будет все тот же
 Пасьянсный Пушкин, сорочье низкое небо
 И бесконечный до немилосердия конец света.

Как хочется домой, друг мой нежный,
 Друг далекий, перистый мой облак!
 Мы, конечно, знали об осени — но неужели,
 Неужели наше лето было так уж длинно?

1994

3

В корявом камбрийском, в драйве, в забое,
 Порфиру и перлы вкоптыла в грязь;
 Бесстыдство сравнив со святой простотою,
 Безбожного спирта в умах упилиась.

Пьяна, непотребна, лежит и бормочет,
 У века, у мира — в позоре, в говне,
 А Хам, ее срам обнажая, хохочет,
 И кухонный нож у него в пятёрне.

Безродный, беспамятный дух глуповатый
 Насытился кровью, и воет во тьму,
 И в бездну агукает пастью шербатой,
 И бездна, урча, отвечает ему.

На блюде в крови — лебединые руки,
 Душа, гениталии, пол-головы...
 Вы, русской поэзии блудные внуки!
 Такой глуповатости чадли вы?

И где вам укрыться, когда под кадавром
 Земля возмущенная треснет — и вот
 Низвергнутся в бездну и книги, и лавры,
 И прозные свитки Судья разовьет?

Где взять осужденным последнее слово,
 Коль первое не захотели сбросить?
 Прости их, воскресни, не будь к ним сурова,
 Убитая грешница, русская речь!

2006

Тысячелетие «Битлз»

Негустой, юный, ромашковый ещё рок-н-ролл,
Ещё не ноев, а улыбаются,
Но заводит уже всерьёз.
Лондон, центр мира, весна.

Планета усохла, холодная война,
люди как в пустыне.

Перед собором Павла

демонстрация разноглада туман:

Весна, че, свобода, марихуана, любовь!
Бога в толпе почти не видно. Зато видно
Пастора Маккензи: он сжимает кирпич.

Он видел во сне

Подземные цветы, демонов невроза,

Крыс

Однополых, под ручку вступающих в храм,

Импланти их зубов, чувствовать,

Гога и Магога, ядерные небеса. Дурашливо-сини

Вы, небеса, в зеркале вигрин Пенни-Лейн —

Кирпичом по вам! Пастор Маккензи

Яростно подпевает:

«Нельзя купить любовь, любовь,

Нельзя купить любовь,

Но можно продать любовь, любовь,

Можно продать любовь!»

Того и гляди, че,

Музыка перерастет в шум.

Весь этот рок мешает спасению. В этом, увы,

Ортодоксия права.

Не отвлекайся, молись.

Видишь, как ритмично

лопата вздымается над гумном,

Как всё жарче огонь?

Погоди: вот настает невероятный век,
Которого бы нам в глаза не видать, че,
И всё это ещё вполне может снова стать
Ещё одной ступенькой вверх — туда, где наш
Настоящий дом
И земляничная поляна навсегда.

2.02.2006

Свинг

* * *

Путь, путешествие, комедия дивина!

Оползень в горах ночью:
 Скольжение в пропасть,
 Суд, судьба, суженье
 Жизни — в верх низа,
 Униженья — в немислимую свободу.

Я верю, катафаза воссияет.

2.09.2006

Да, знаем: тоскою
 Мети топил
 В глине, в глине будней
 Иувал тлоту крови и грех — но
 Пел и скакал,
 Перед ковчегом, раскачиваясь, пел
 Давид, и был прав,
 Давид, Давид, и был свят,
 Как знаменем, голосом, головой, сердцем
 Раскачивал славу святой Давид!

«Пою

Богу моему» — не

Отчет о жесте благочестивом, но
 Заповедь, Боже, Твой! Того, Кто
 Пет быти гласы преподобными.

12.04.2006

* * *

В чреве погоды сиреневые износились шестерни:
Май, время гряд, пара —
Но в юный, робкий еще жар,
Чаяньям вопреки, ветер врывается ледяной!
Лилевый ветра рубец
Встухает мутным предснежьем туч.

Во Весношной сезона — собой,
Напряженное молчание там, в алтаре,
И прихожане весны, затаяв дыхание,
Смотрят в глухокоричневый иконостас:
Вдруг сейчас к ним, духовным чадам Батюшки А.,
Выйдет на исповедь нетерпимый, стремительный
Батюшка Б.?

18.05.2006

* * *

Поэтика русской весны.
 Саврасовски прелега, родная,
 Пьяная! Перспективы, роши,
 Косо нарезанные кубы сини,
 Сиплая, сырая
 Живородящая чернь клубится.

И грач, жилистый знак жизни,
 О земле, о червях и детях —
 Жалостливо, озабоченно,
 Как в русском слонистом романе,
 Набухшем всеми вилами осадков —
 Сострадательный Живаго о евреях.

16.05.2006

* * *

Осенний день. Небо как воды.
 Деревня в полях — как уголь,
 Рассыпанный на теплой ржаной мешковине.
 Пашни — цветные, прятные,
 Грубо, густо, глубоко окрашенные пятна.
 Звон сини, мимолетное равновесие.

Задержался на миг — рассмотреть, запомнить,
 Но порыв света, дунувший с севера,
 Вот снова
 Подхватил меня и понёс,
 Дальше, дальше,
 Над мелвежым сосняком, над меловым
 Кладбищем, над рекою,
 Над этой странной сменной тенью и тоном,
 Надо всем, что — будь передышка чуть дольше! —
 Смог бы, казалось, то ли узнать, то ли сопоставить
 С чем-то.

1994

Февраль, самая середина.
Выборы весны! Выстави
В форточку настужь свою

воспалянную кандидатуру,

Вдохни небо, город под небом, выдохни вон

Свою значимость, птичий избранник!

Вот тебе новые лёгкие, ещё

Не иссушённые паровым отопленьем зимы.

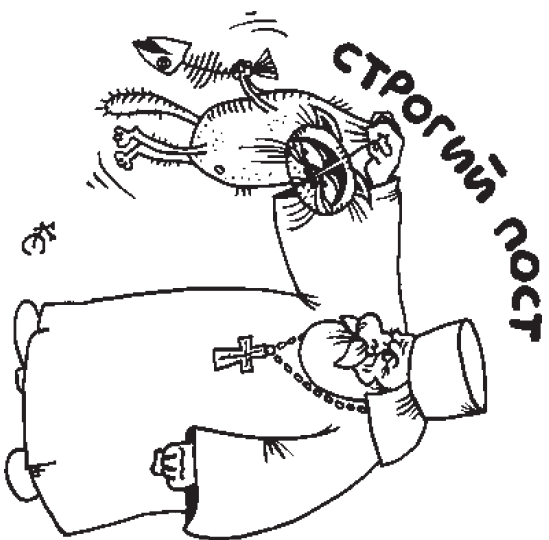
Здесь, на юге Сибири,

Скоро март. И Великим постом

Грачи прилетят, отдадут

За тебя все свои — до единого — голоса.

9.02.2006

Тридцать восемь лет расслабленный,
Жизни клейкая вода,
Счета людей и ангелов
У купальни Вифезда.

Это золотого терпения

Сильным вам не опенить,

Хлеб святого невезения

Вам, зубастым, не вкусить.

Зато ждали, не заметили —

Что ж, дорогу молодым!..

Неудачники, свидетели

О Христе пред веком сим.

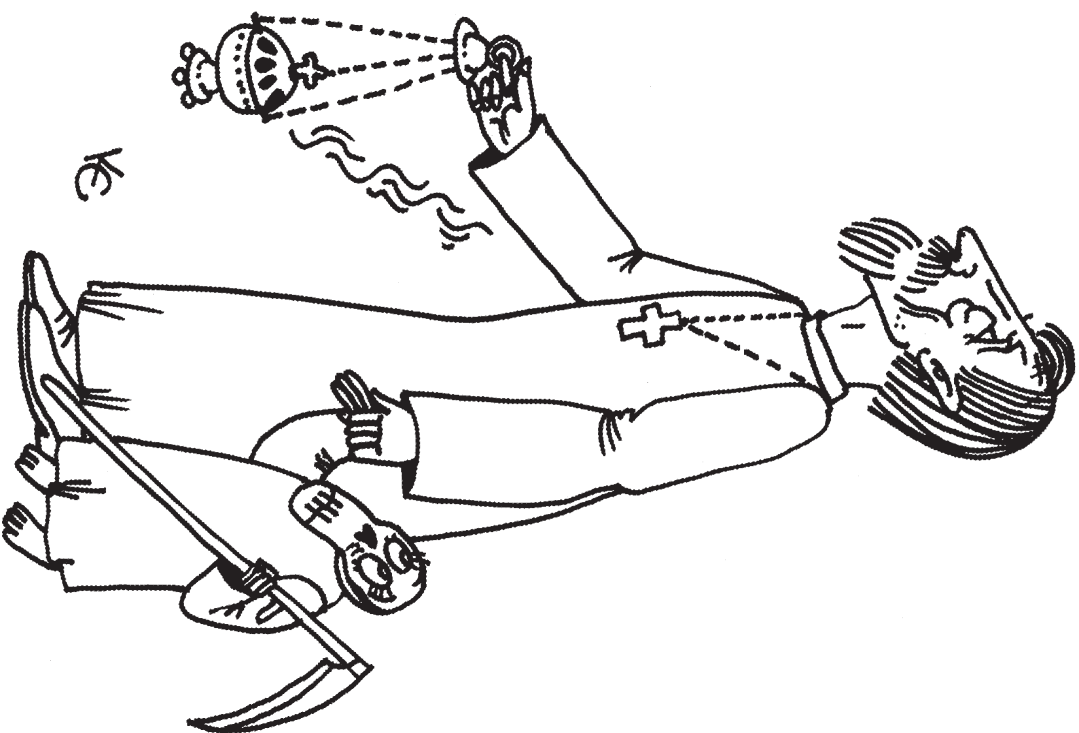
30.05.2006

* * *

Заупокойная служба. Поют по крюкам.
Или голоса так свежи, или это
Умерший так стремительно уходит,
Но в тесной часовне ветер поднялся невидимый.
Шевелит листы старинной книги,
Пылают над строками, летят киноварные немцы
За умершим след.
Пение напряжённо тянется, пока может
Поддерживать душу, уходящую высь
Ступенями мытарств. И вот — дальше стоп.
Предел. Тончают,
Глохнут нёбные кратиматы.

Мы — дети, а взрослые — наши умершие.
Мы в их прошлом живём.
Никому не вернуться в детство.
То-то я замечаю,
Насколько наш мир мал, прост, шаток,
Дрок, аляповат — манеж для игр
При постоялом дворе! Особенно
В сравнении с тобой, живой смертный голос,
В следовании за умершим сам истаять готовый,
Ветреную весной в часовне поюший
Славу незнаемому, отчаянно чаемому
Превечному Богу.

7.03.2006

Старуха и смерть

Послушание превыше поста и молитвы.
 Послушание смерти — превыше смерти:
 Терпеть боль, не выпить и единой таблетки,
 Когда гангрена пах лижет;
 Терпеть пьяницу-племянницу, ее мужа,
 Безропотно подписать этим людям
 Дом, с корнями и крышей,
 Палисадник, рябину, синь над рябиной
 (Все, что было в погребке, в стайке,
 Швейную машинку — отстала от мамы —
 Все пропили, выпили все слезы,
 И смертного нет, обрядить нечем);
 Подписать ветру
 Восемьдесят семь вёсен — ни дня веселья,
 Мужа, убитого под Прагой,
 Нерожденных белоловых деток,
 И цвета, и засохла в колхозе,
 Работа, работа и работа,
 И в храме была всего дважды, девочонкой —
 Растишили по бревну в двадцать девятом
 (Выслали старосту, псагомщик спился,
 Попа посадили как врага народа),
 А когда открыли — уже парализовало;
 И ни дня без скорби, ни дня без молитвы,
 «Отеч» и «Богородице», как мама учила —
 И вот выдалась весна какая,
 Христе Спасе, какое счастье!...

Послушание смерти и всем слугам смерти:
 Годам, властям, болезням, труду, заботе.
 Смерть любит тех, кто борется с нею,
 Как кошка с мышью, урча, играет
 С теми, кто убегает, ищет лазейки.
 Смерть ненавидит и боится
 Тех, кто кроток и слушается смерти.

Робко стоит она поодаль,
 Когда послушный, тужась, проходит
 Тесным путем, когда из тела
 Вынимают пылающую душу,
 Как из матрицы — пылающую бронзу,
 Светозарную, полную молни,
 Звонкую, ни единой каверны!
 Смерть знает:
 Попробуй проглоти такого —
 Изнутри лопнешь! Сколько раз обжигалась.

Некогда, на другом краю мира,
 Утверждал великий Буонаротти:
 «Вышшая форма человека есть пламя».
 Старуха и не слыхивала про такое:
 Все образование — четыре класса.
 Смерть слыхивала, но, как ни тпсилась,
 Понять не смогла: не по зубам смерти
 Азы огня и света, творчества и послушанья.

27.05.2006

* * *

Пусть в полях ни души,
Чаша света расколота —
Ты пиши мне, пиши
Этим алым по золоту.

Я хочу, чтобы глаз
Вновь увидел слоистую
Гушу слов и раскрае
Ювелирной эписотлы.

Вспомяни свету
И отжившие образы —
Но бегут по листу
Золотистые полосы,

И заставка горит,
Строчки серот сияние,
И наклон мне дарит
Твоей кисти дрожание —

Ты себя выдаешь
Опаданием лиственным,
Драгоценная ложь,
Светлослезная истина!

Ничего, что черно
Это небо осеннее —
Золотое зерно,
Алый знак воскресения.

1989

Ангел недостойнства

Я пляжу, россияне,
Вы как бы особенно благочестивы:
Вы устроили алтарь Ангелу Недостойнства.

Не стоит ему поклоняться: он
Сам поклонится вам.

Ангел Недостойнства вечно опаздывает
На утренние разволды Небесных Чинов:
Он дворником служит
У бетонных панельных подъездов
Вашей жизни.

В старой армейской ушанке — подпалины, след от
кокалды —

В калошах на босу ногу,
Он ширкает метлой по заплыванному асфальту,
Древком с гвоздем на конце пронзает
Мусор свет, сует
В мешок окурки, пластик,
Голосом не из звонких, с песочком,
Напевает ангельскую свою песню:
«Мы летим, ковыляя во мгле...», колет
Загадливую мочу на ступенях,
Зорко следит, внутрь не пропускает
Демонов воли, силы, бесов успеха,
Травит крыс удовлетворенности.
Как раб-педагог, в храм он ведет вас за ручку,
Мимо ушей пропускает ваши капризы, приколы,
В варежку ваши страхи сморкает, не позволяет
На морозе с крыши сламывать, в рот тянуть
Непокаянные ледяные утрызения.

Там, в храме,
Когда Огонь обрушивается с неба
На вы и на предлагающая дары сия,

Он укрывает ваши серые лица
 Крылом, временем трагичным,
 Чтобы вы не ослепли, а когда золотая
 Чаша сочится небывалой жизнью,
 Он складывает вам на груди трясущиеся руки,
 Держит вашу сумку, шапку,
 Оцепеневшие уста раздвигает,
 Напоминает прохрипеть, выдуть и напрочь забытьшесся, имя:
 «Недостоин». Вот еще, и еще, и еще один
 Лукавый, развратный, непотребный раб Божий
 Причашается, в суд и в оправдание.

Вечерами

Собирает он с пола обрывки
 Механических, остывших ваших молитв, раскладывает
 в конверты,
 Проводит языком по краю, пишет адрес.
 Словно усталая мать семейства,
 Сидит он с краю, подперев щеку, сам не ест, смотрит,
 Как пережевываете вы скорби ушедшего дня.
 Сворачивает он на ночь
 Продропшую вашу совесть в позу эмбриона,
 Укрывает, как одеялом, милосердной пушистой ночью.

Ангел Недостоинства, из Ангелов единственный, знает,
 Почему эта тварь спит так, словно она бессмертна.

14.12.2006

* * *

Уходят в утенья, в присосы смертей —
 А тридцать два было, тесног тесней! —
 Речяют люди в ряду людей,
 Как зубы в молочной десне.

Взялся коркой — не прокусить — мир,
 Сласть стноила раззаву-рот,
 Выпал во тьму, мягкий как сыр,
 Но там — алмазным резцом взойдет.

В рюмку с пшеном оплывает свеча,
 Муслякает свет.
 Семнадцатую кафисму шепча
 Голосом, севшим на нет,

В нёбную ночь заплачь со святой,
 С детской, с дурацкой тоской:
 «Мышка, мышка, возьми этот дух репяной,
 Дай мне взамен коренной!»

28.12.2006

Новогоднее

Шелкунчиком по дереву мировому
Все скачешь, куколка, нелетая душа,
Дыша хвоей, к ореху золотому
Хотя на шаг приблизиться спеша.

Ничья рука в твоём раю не тронет
Из ломких леденцов ни одного,
И свет бенгальский в этой тьме не тонет,
Горит, шипя, не грея никого.

А заводные плюшевые слуги
Откупорят игристую пыльцу
И добродетелей стеклянные заслуги,
Из ваты вытащив, подвесят на весу.

В картонной вечности куранты полночь лупят,
Но, как орех, мышами трачен, год
И новый, наступая, не наступит,
И старый, умирая, не умрет.

29.12.2006

* * *

Нет! Архетипы — не молнии, нет,
И не маски со ртами провалов.
Нет, и не линии Наска, не пляска, не гул и не хтон.
Ближе они и далече,

Грань

Между душою и духом:
Кинематограф. Ночь. Стрёмког. Сирень.
Дождь. В сиреневых ситцевых платях —
Девочки Рая и Ада (которую выбрать?).
Велосипед. Смех.

Грань

Между душою и духом, между дермой и дермой.
Призрак. Полуответ.
Наутро — беспощадное утро. Пустыня.
Тетрадка стихов. Небеса.

Свист. Ионь. Голубятня. Солнце двоится.
Одиночество. Крылья. Первые слезы.

Один за другим,

Могча проходят, садятся — руки между колен —
На скамью оглашенных.
Воперкови, воперкови в своем сердце.

13.02.2007

* * *

А.И.

Вот раздвигая ложесна конверта —
 И белый мягкий хрусткий твой полуквадрат
 Ложится в руку, туго вынут.
 Пульсирует, покрыт венозной сетью
 Письма —
 И вот алыггернатива паутини!
 (Всего прочней бумага,
 Носитель вечный, чрево, стратостат) —
 Батут над безднами:
 Хореография и вязь прыжка,
 Провалы, петли, горки шариковой ручки,
 Вдрут пропадая,
 Выныривают к жизни,
 Карабканюся в гуттаперчевую высь,
 К карнизам смысла,
 К вершинам сердца. Кровь, под, летит.
 Продавлен вязью лист,
 И плоскость будней гипсовую, слепок
 С лица новорождённого,
 Гель Гелиоса заполняет всклены!
 Нажим: та сторона листа:
 Вот выпуклостей впуклость
 Вбирают пальцы, и два дня твои
 Опознаю как настоящее в минувавшем.
 Всего теплей бумага!
 Десятимесячно впревает целлюлоза
 Живым теплом в утробе, слизи, соком:
 Прожёванное древо, нежный трэш
 Второю жизнью всходит, новым смыслом,
 Езекилевым восстаньем восстает —
 И не умрет огненные.
 Бумага, ручка, рук рукопожатье:
 Лишён мой век тепла и кожи писем —
 Се, шупалец дуэль

В несовпадающих, различнонаклоненных
 Срезах,
 В пространстве одиноком симулякра,
 Однополый рой слепой
 В провале гулкого презерватива:
 Всегда вперед, о никогда навстречу!
 Сон: блоггер зависает и не чаёт:
 Он — пользователь, он — писюк бескровный
 (Нужда и польза: пользоваться и нудить) —
 Он — зомби, он — иван, не помнящий
 Тактильного родства живой бумаги.

Все это душевное, слишком душевное,
 Почти, на грани,
 На полстоны — в плотском. Рекомендуют:
 «Батюшка должен быть духовен!
 Душевное — рассадник
 Тактильных бесовских инфекций!»
 Все так. Но мир людей обезлюдел.
 Простые движения плоти развоплотились,
 Сочтены редкостью, ересью, извращеньем.
 Растворяется все, что тварно
 (Остались в минувавшем
 Сплотные времена похорон: Бога, смысла,
 Человека, потом и самой смерти,
 Проводили и девять дней, и сорок, и полголда).
 Сосуд треснул, вину не в чем держаться.
 Нажуй бумагу, попробуем
 Целлюлозой и слюной трещину заделгать.

Подними, обними! Дай руку,
 Утешай, утешай народ Божий,
 «Утешитель» — так Дух Святыи назван,
 Пиши письмо, дыши на клеевой край конверта,
 Коснись руки, брате, подберем вместе.

13.02.2007

* * *

На кого мы свои грехи возложим,
 Братья и сестры,
 Кого вытолкаем в пустыню к азазелло?
 Уборщицу, бабушку в чёрном.
 Пусть она там паперть полирует,
 В бритвенном взмахе
 Покающих магдалин шваброй режет под сухожилья:
 «Ишь, выспались, припёрлись,
 Страха Божия нет у вас, срамницы,
 Телеса оголили, ходяг и ходяг!» Ходят и ходят
 Ходики памяти: жизнь уборщицы в чёрном
 Длилась столько, сколько она вспоминает —
 С небольшим минутой:
 Любовь, комсомол, весна, Ободзинский,
 Дешёвое вино, патруль у храма на Пасху,
 Эй вы, мракобесы, айда на танцы!..

Швабры на плечо, бабушки в чёрном,
 Марш, терракотовые армии воздаянья,
 Прикладом бей, магазинной коробкой бей: азазели
 Подавятся вашими швабрами, слохнут,
 Бабушки в чёрном, жертва за грехи, столп и
 Утвержденье прихода!

25.02.2007

Иконки производства Софрино

Мы тиражированы сотнями тысяч.
 Мы — в глинце и позолоте.
 Мы — софринские плоские люди.
 На спине у нас — календарик
 Или пустое место —
 Написать к празднику пожеланье.
 Мы — плоски, в нас нет объёма.
 Не вложи поэтому, Господи, в нас много.
 Вот только это — месяцы, цифры,
 Пара слов: «С праздником!», или «Спаси Господи»,
 «Простите, благословите». Картон, штамповка.

Господи! глядишь на нас, меллишь:
 Да, на святыню не тянут,
 Но никак рука не поднимается уничтожить.

25.02.2007

Весна света

Девочке Римме — девять.
 Тяжело ей дались все эти девять
 (В простонародье подмечено: девочкам,
 При крещеньи мужскими именами наречённым,
 Жизнь достается не из простых, нечто вроде
 Монашеского пострига. Правда,
 Мы знаем, что вера в судьбу сродни суевью,
 Но всё же) — у девочки Риммы опухоль мозга,
 Голова видимо раздута,
 Ласковые и пожилые овечьины глаза Риммы
 От этого в разные стороны — словно
 Широким углом зрения весь окоем гладят —
 Гладят, но ничего не видят:
 Римма практически слепая.
 Здесь, в детской соматике, все — дети, медсёстры,
 Посетители — Римму любят. Обычные светлые дети,
 Обычные и милосерды, матеря, бабки —
 Злые, скаредные, задрёганные жизнью,
 Суевьерные, сентиментальные, друг другу чужие —
 Не то чтоб это они любят Римму: скорее любовь
 Сама здесь поселилась, в восьмой палате.
 Стрижена кое-как, клочками,
 Ношенный подростковый аидиас на вырост,
 В трещинах вишневые губы,
 Руки — пышки, темные запястья —
 Оберегают невидимую птицу.
 Такова же и семья Риммы: пылане,
 Неудачники из вымирающей деревни, изгой
 Среди своих: ни золота на невытых палыцах,
 Ни крашеной норки, ни пуховых шалей,
 Ни инфантильной хитрости, ни живости ругутной,
 Беднее бедного — не торуют

Ни анашой, ни паленой водкой,
 Гадать не научены, воровать стыдятся,
 Излучают то, чего в цыганах увидишь редко —
 Тихое смирение
 Не то чтобы с жизнью, а с тем, что им светит
 Сквозь жизнь, поверх, по касательной к жизни.
 Приходской священник, пришедший навестить Римму,
 Слушает их, молча кивает, слглатывает
 И не может слглотнуть: священник
 Во всем Израиле не встречал такой веры.
 Другую встречал, но именно такую — впервые.
 За свою небольшую, лет с десяток,
 Практику служенья —
 А ему-то уже мнпшуюся заматерелыми веками,
 Неотменяемо ценным грузом
 Абсолютных, им усокровиствованных, истин!..
 Этакие-то сокровища сколько тигаников вглубь уткнули! —
 Впервые. Весь этот опыт служенья,
 Раздавшийся массив нажитых ответов на вечные вопросы,
 Моментально сжимается в прах, в точку,
 Летает пылинкой
 В лучах света из окон, в голубой масляной краске, в хлорке
 Восьмой палаты: переоценка ценностей, покаянье.
 Вот, к примеру, один из вечных таких вопросов:
 За что страдают невинные дети?
 (В голове — фраза из умной книжки:
 «Мы — знаем о Боге, дети — знают Бога».
 То, да не то, — ответ неверный.
 Невернее — и гаже — разве что
 Обывательская сентенция: чтобы
 Поменьше грешили) — Так за что?
 Ни за что. Нет вообще, как видишь, такого вопроса.
 Разве что очевидно: страдающие невинно дети —
 Сорбент этого мира, они собирают

В себя всю его грязь, и в этом
 Сороботают-соиграют Христу.
 Они у Него — свои. Их место
 Игры — ведь, в сущности, а дети только и делают, болеть,
 Плача, обвиняя, терпя, вызывая, умирая, что играют —
 На Голгофе. Вот их ипушки:
 Две былинки, камешек, воронья
 Косточка, капельки крови — это,
 Пожалуй, все. Обрати внимание:
 Нет у них того, кто голит, в этих прятках,
 Нет того, кто метит, но только те, кого выжигают,
 В этом выжигале —
 Ведь Сам Ты, Христе, у нас попросил когда-то:
 «Не запрещайте приходить ко Мне детям,
 Чтобы они Мою смерть со Мною разделили».

Девочка Римма священнику рассказала,
 Что к ней приходил Архангел
 Гавриил (именно он, никто другой), и велела
 (Откуда эта царственная повелительность!
 О, как она драгоценна, как уместна!)
 Принести ей с Гавриилом иконку.
 Священник вынул из кармана и подал. Римма
 Ошупала глиняный софринский квадратик
 И уверенно заулыбалась:
 Да, да, это он, спасибо!
 Первая мысль у священника: откуда
 Она узнала? Ведь она слепая?
 Наверняка где-то видела раньше?
 Явился — надо же! — Архангел: а ну как прелесть? —
 И вторая
 Мысль, молнией
 Испелившая первую.

Весна света. Месяц нисан по календарю.
 Бог касается персти — перст о перст с Адамом.
 Ветхое умерло, роды всего нового.

«Какое счастье!» — повторяет священник,
 Достаточно, впрочем, нелепый
 В освященной традиции русского народного
 сарказма
 Перовской своей, седелочного цвета, епитрахили.

7.03.2007

Учительница воскресной школы в галерее современного искусства

Максима: звать промысел Божий
(Познал Адам жену свою Еву.
Познал Ангел в схватке Иакова).
Вот: твоя жизнь
Не бессмысленна — бессмыслица
Искушений, несоответлений, непониманий,
Смертей, встреч, страстей, болзней,
Линейная бессмыслица всего-через-запугую
Есть начало нового смысла
Или середина старого, непознанного тобою.
Знать промысел Божий — обретенье
Смысла в бессмыслице. Абстрактное искусство
Есть, наверно, утрата смысла,
Но какая, какая тоска по смыслу!
Тоска есть письмо (автор — адресат), есть
Крик (вскричавший — очнувшийся), есть
Удар (стилет — уста раны, раскрывающейся навстречу
Всхлипом крови). Тоска, сказано — естина.
Утрата? Но не Мирó! взгляни,
Взгляни в семь метаморфоз!
Взгляни, какие прибитки, какие
Антиураты! Пилар, любовь,
Долорес, знак женщины или птицы,
Смерть во всю свою терракоту,
Смех,
Плоть моих сумерек, голубое,
Да что говорить: зло — лишь чёрная полоса и несколько
пятен
В победном золоте лазури.
Прикоснись, познай, приоблизь дыханье,
Или дай я тебя познаю! —
Нет, не приблизится, познать не хочет,
Но и уйти не в силах. Шепчет молитву задержанья:

Вале ретро, на отчитку тебя, ангел света! — впрочем,
Простим ей: она
Ещё так молода. В промысле Божьем
Она знает промысел, но пока еще не знает Бога.
Учительница воскресной школы
Должна лекцию подготовить
О мере сотериологичности современного искусства.
И вот пришла — за послушанье,
За послушанье к тихому Голосу: «Не отвергни,
Приди, выбери, спаси что можешь,
Овяти и передай Моим детям!» —
И стоит посреди галереи.
Стоит строга, суха, как канавка,
Что до небес высоко, едзе не прейдут: все это —
Не призор ли очес — галерея
Сносит учительницу потоком,
Омывает и влечет, как плотный ветер
Тонкую воцерковлённую мэрипоппинс.
Галерея полна съети, пульсов, смыслов,
Сочна, светла, протяженна
Вширь и вглубь («Только не высь!» — шепчет,
Почти не смягчит взора.
Цвета, трани, мясо, судьбы
Врываются в слоистое, наспех и негусто
сформированное мнение,
Как грифоны и венозные быки в узкую девичью спальню).
Живописец, отольнув от тьмы, vzdыхает,
С робостью и изнурённой надеждой
Смотрит ей в спину:
Неужели покинет, неужели
И на этот раз
Ничего с собой не захватит,
Не унесёт в свет? Господи,

Управь! Ты, Господи и Творче,
 Всегда ведь за всеми управляешь!.. Тот, к Кому вызывает
 Исполненный напряжённого ожидания живописец,
 Тоже вздыхает, полон
 Неизбывного терпения.

Стоит, подчёркнуто великопостна,
 Тени (естественные) под глазами,
 Старческих советов под мышкой томик,
 Но вместо глухого платка — газовый шарфик,
 Но губы сухие, без помады вслепую вышнёвы,
 Юбка призайль длинна, но изысканнейших сукон,
 Но каблучки остры,
 Сосульками звонки, весенни, и точёна оленья лодыжка
 (Как бы не обращает вниманья — такими
 Их обычно запечатлевают
 Православные папараци
 На Всеношных, с тонкими свечечками в палыах),
 О, куда вы
 Двинете свои армии, капрагы воскресных школ,
 Скул, сведенных сухих схолий,
 Типовых блочных медресе Закона «Слободского»?

Галерея — перепутье,
 Перекрёсток жёстконаправленных ветров свободы.
 Не жди, живописец!
 Всё — впереди, жизнь только
 Началась. А тебе пора
 Собрать этюдник, покидать галерею,
 Уходить к истокам, туда, где
 Всё еще сладки, текут молоком и мёдом,
 Новорожденным золотом и бирюзой,
 Горькие, смертные воды Мерры.

25.02—10.03.2007

Великий Пяток. У Плащаницы

Всякая плоть человекья молчит,
 Утрапила что сказать.
 Зане тако зловили — мы.
 Зане тако благоволи — Бог.

Каким алмазом врезан высь — «Аз»,
 Каким мелким крысочьям мявом — «Я»!
 Великий Пяток, поверженный великан!
 Вот что наделали мы.

Стразами, парчой, багровыми мулине,
 Стёртыми в кровь палыадами слепых дев
 Выткан на плащанице наш приговор.
 Но меллит, молчит судья.

Кадильница делит дым. Никнут цветы.
 Люди, переминаясь, оцепенело ждут.
 Косыми лучами нарезан полумрак.
 Там, за стеной — день.

7.04.2007

Домашние животные

На зеленом холме уснул я
И проснулся, плача во сне:
Мне привиделись двое добрых,
Двое светлых приснились мне.

Мне снилась моя далёкая младость,
И с двоими я шёл домой,
А один любил утраченный кров,
Хозяйина крова — другой.

Я златые сполна им нарек имена,
От словесных вин опьянев,
И пускай тень пса — это волк,
Зато свет kota — это лев!

На зелёном холме уснул я,
А проснулся — на голой земле:
Нет ни пса, ни kota, только я, сирота!
Да дорога в осенней мгле.

Да и может ли мудрая тварь живая
В эту даль увязаться за мной?
Никого со мной рядом, и ноябрь мреет хладом,
И бреду я, и стыну, не домой — на чужбину.

14.04.2007

* * *

Какой в этом году апрель ранний,
Негерпеливый! продирая слепшиеся глаза, застанный
природа
Встряхивает свои биологические часы, недоуменно
Подносит к уху, не может поверить.

Вера апреля — парнишки-протестанта,
Буквально только что обратившегося в православье —
Наивна, однозначна, не знает компромиссов,
То есть — плоти. Плоть придёт позже.

Сегодня апрель — впервые в храме. Впервые
Он хочет поставить свечку перед иконой
(Язычество, мракобесие!..) — впервые,
Как мальчик-мажор, сбегав из дома,
Головокружительно ныряет в запретное —
В первое своё путешествие автостопом:
Гитара, травка, весна, отчаянная свобода!

Вот двигается неуклюже, как верблюжонок,
Пересекая все мыслимые табу внутрихрамового
пространства,

Проходит между солей и анагем
(Его счастье еще, думает наблюдающий все это
священник,

Что нет вокруг сейчас службы
И благочестивых прихожан святого храма сего!..) И поджигает свечу зажигалкой. Цвикнув,
Механическая ночная ящерка, насельница
асфальтовых джунглей,

Трешит, умирает,
Но успела передать огонь — из губ в губы —
Тонкой свече. И на медовой реснице
Повисает слеза.

Апрель садится перед иконой на пол,
Поджав под себя ноги —

Мосластая плоть, бесплотней души,
 ягнячьим молозивом светит
 Сквозь джинсовые прорехи —
 И, не мигая, во все глаза смотрит на отонёчек,
 Поплывший с подсвечника вальд, в глубину
 Стекла, в темное
 Коричневое золото иконы.
 Пять звездочек тусклых — две серыги в ухе,
 Броздик в правой ноздре, два в нижней губе —
 пирсинг

В сумраке храма
 Мерцает серебряным созвездьем. Но звездочёт
 Новую видит звезду и идет за нею.
 Он влюблён в Христа, как могут
 Быть влюблены только в девятнадцать всен.

Нагретый святой воздух, плаваясь, дрожа, подымает
 И на весу держит
 Медь купола, камень сводов, колонн, обывзвествленные
 Срашений догматов, иерархий, традиций,
 Цемент и кирпич канонов,
 Оплавленное, как вулканическое стекло,
 Напластование смыслов.
 Храм балансирует в пустоте, в восходящем потоке
 Тепла. Если, о если погаснет
 Эта небольшая, неуверенная влюбленность,
 Не разгоревшаяся в любовь —
 Все огромное здание рухнет.

«Как твоё имя?» — «Апрель.
 Так меня и крестили». Недоуменно
 Священник заглядывает под епитрахиль: «Апрель?
 Хм! странное имя!..
 Вальд, кажется, нет такого святого?
 Ну, что же...» — и произносит
 Разрешительную молитву.
 После исповеди священник

Аккуратно разрывает бумажку
 С перечнем грехов, вкладывает обрывки в ковшик
 Сложенных под благословенье ладоней:
 Дома сожжешь. Только
 Смотри не устрой пожара! с прошлым,
 Как с огнем, баговаться опасно!
 И тут же смущённо
 Сам себе усмехнулся: какое
 Там прошлое, этакой-то весной, в неполные
 девятнадцать!

27.04.2007

Переписчик

До войны как ещё до войны
(Какой? не задают:
Одна во всех лицах).

Эта страна.

Ваговой национальный продукт.

Каменная проповедь церкви.

Фанатичный домашний уют.

Тяжёлый аромат лип.

Медленная атака.

Мачеха сколько веков.

Пойдём в кино на Мурнау.

Из наших выпита кровь

В третьеразрядной пивной на углу

(Как смеют пускать всех): белый,

Затравленный взгляд.

Переписчик уже немолод.

Пора исполнять долг.

Ноги, чеснок.

Переписать набело, заново этот мир,

Небо и землю, но

Не смей изменить оригинал! —

Труд обреченных.

Ритуал подготовки совершён

(Буква за буквой: изменив

Направление почерка, вавилоняне

В сторону смерти повернули бессмертный бет,

Открыли квадратные ворота в ад,

Выпустили демонов под и над и до!) —

Софер готов,

Мокрый, чист,

С головы до пят омыт

Мочой внучат Рема.

Одет в желтое национальное пятно.

Когтями в кровь разпинован лист.
Между выбитыми зубами букв
Интервал шириной в волос.
Тридцать знаков в строке.
С мясом вывернута из плеча
Костяная указка-рука.
Однако, выписывая Имя,

Не устоял,

Дважды обмакнул перо в кровь — и вот

Должен быть сожжен

Или закопан в землю,

Предан земле, ветру,

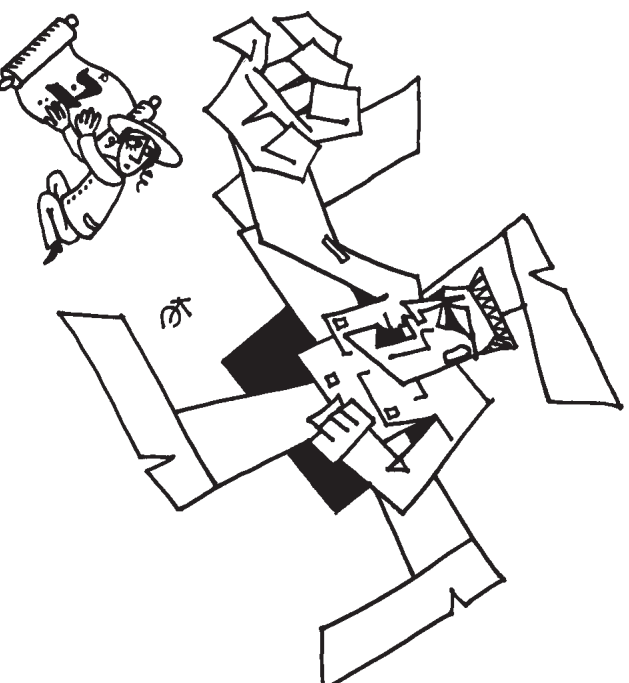
Дыму

(Дымный значок кварца),

Выпасть в осадок вулканического стекла,

Разорвать легкие сороковых.

Гениза тесна: оригинал сжечь

(Дальше — по тексту
 Рейхсuloжений тридцатых ещё,
 Милких эмиграционных препон
 И резиновых торговых ков,
 Карта упорядочиваемого мозга: паззл,
 Из сорока двух гау один — сложи
 Триптих, печь!) — успел
 Выставить точки, крючки,
 Чёрточки лет,
 Тайнопись невыпаренных слёз,
 Знак препинания, касания, вздох,
 Пар (дым?). Его уже
 Нет. Но, таким образом, оказалась жива
 Тивериадская система огласовки.

Плавающая буква: соффер
 Вписал в текст обшеупотребительное слово «смерть»,
 Читашеся как «надежда».
 Благословно, проклиная! чтобы жил,
 Не был через мою боль умерщвлён
 Этот мир (а ведь на волоске завис!..) — только бы
 Остался кто-то, умеющий читать.

Евер башню в Вавилоне не строил, единственный
 из всех.
 Золотое семя Адамовой речи он сохранил.
 Эта живая речь
 На пепелище победной весной возшла: новое
 Древо познания добра и зла.
 И уже Ты, Господи, давно отменил запрет,
 И в пепел повержен змей,
 Да вот беда — что-то нет никого
 («Ривка, сердце моё! закрой
 Глаза детям! пусть
 Не глядят!») — никого,
 Дерзашущего подойти, сорвать плод.

25.05.2007

* * *

Только устроился на диване с таблеткой
 Золотой русской прозы,
 Вытянул том, протянул ноги —
 На тебе! полифония вострубила,
 Духовное чадо СМСку прислало:
 «Батюшка, ура! я обнищал духом!!!
 Благословите подвизаться дальше?»
 Ну и что это было? а, Пушкин?
 Раскрыл книгу, прочёл: «изгата».
 Изгата, Александр Сергеевич, это точно.

Или ещё — отрывка
 (Этим, кажется, пеликаны птенцов своих кормят,
 Пеликаны, летающие низко,
 Подбрасывающие чад в чужие гнёзда,
 Да и выглядящие как бескрылые кукушки,
 Особенно если они, в сущности — пингвины).

29.05.2007

* * *

В нетопленном зале маленького ДК
(Никакого евроремонта последние десять лет —
Волглые вафли — взбухшие панели из ДСП,
Пыль, паутина, гипс,
Вымороженный, колеблющийся свет)
Старообрядцы дают концерт
Знаменного пения, поют по крюкам.
Змеяца, стопица, стрела, два в челну,
Сорочья ножка.
Розовощёкий, бледноглазый
Регент регентует, фехтует уязкой — сия есть
Бесов язва. Только мужчины, только они.
Дестовка качается, медный на цепи треутольник.
В прозный, безвыходный, тустой, несладкий
Поют унисон, льют
Овсяной кисель в березовую бадью.
Прелые ветры Даурии славят марши, костры,
Боярыню, гордое
Двоеперстие вонзившую в неба испод. Тысяча лет.

Забетонирую прошлое — и вот
Вечность, проста! словно лёгкий, светлый,
полотрубочатокрылый
Ангел обызвествел.

04.06.2007

III

Статистика разводов

Попробуй на зуб
Грубый грабительский палиндром «Брак»,
Скарб, соположенный с «Троб», горб,
Однокоренной с крабом «братъ»,
Синонимичный ономастопее «кряк» —
Братъ, хруткое, трубо, крак, сжать,
Прах — расположи
В хрустком смертельном порядке слова, сложи
Головоломку, голову в этой драке
Сложи, сломай жизнь в хрут.

Он разбудил таки её — и вот
Попелуй, захопнут, бьется в хрустальном тробу,
А они — он и она — одни
В тени и сени смертной один на один!
(В крабовой, краковой тьме
Кракен вспучивается с мутного дна.
Взвесь, кровавые фонари.)

Сколько правды, у каждого своя
(Ради правды раскрак любви да бывает).

4.06.2007

*Матушка и её пианино**Гале*

В нашем подъезде
 Все, даже апюстик с селъмого этажа, знают:
 У этого попа матушка — не мама, это
 Жена, вопреки нормам
 Современного разговорного языка.

Ночь вскленъ льёт в город.
 Сорок дней и ночей — будни,
 Но вот дети помолены, помыты, уснуты,
 Уловата тень на стене детской,
 Открыла крышку, обнажила
 Желтоватый и чёрный пулыт управленья
 (Как тоскуют руки по штуурвалу!),
 Две педали — газ, тормоз,
 Игра без паруса, на одних веслах,
 Уловатага коробоушка пианино —
 Ковчет в ковчеге:
 Кто бы то ни был, Гелике, Сибелиус, Дворжак,
 Чайковский, Гершвин, да и хоть бы
 Равель — немного Равеля (дождя, теней, всего,
 что у него

Не мужское) — вот и
 Право правь! посели среди этих клавиш
 Побольше пар чистых,
 Чтобы было из чего принести жертву,
 Когда мы, наконец, с тобой причалим,
 Когда вернётся к нам наша голуубка
 С радостной вестью!

Музыка, маленькая
 Светлая и грустная тайна нашего семейства,
 Слегка — не спору — выбогтанная
 Дверному звонку (ступишь в полночь

В подъезд — и обоняешь:
 Клавиши, сирень, свежежаренная картошка,
 Звёзды, джаз, нравственный закон в сердце!).

4.06.2007

1937

Соученные у параша не спят.
 Жгучая совесть даёт им сорок ударов без одного,
 Вронеет гвозди в ступни:
 «Вы пишете сами! я всё, всё подпишу».
 Где палачом их работает совесть — там
 И Ты с ними, Христе, заодно.
 Там и Отец, и Дух.
 Бог есть любовь, а любовь
 Есть заодно.

Потом, потом их правнуки будут
 Украшать пробнищи пророков,
 Жёлтыми чернилами протокольного гноя
 Писать жития новомучеников
 (Замолить/замылить? — нет:
 Там, где мы задыхаемся, дышит Дух).
 Не могут же в этой огромной стране
 Всех посадить! кто-то
 В этот миг на свободе. Пусть только это
 Буду не я.

6—7.06.2007

* * *

Осенью, когда монастырь заперт дождями
 От — наконец-то — мира,
 Из углового окна братского корпуса
 Окрестность становится неотвратимо данной:
 Серийная линографюра, в два черно-белых штриха —
 Лесополоса, за ней — умозрительный город,
 Наклон туч, сучьев, ветра.
 Тучи кочевы, оседл скрип сучьев,
 Но «седло» и «оседлость» — одного, единого на все,
 корня. Корень

Виден почти весь: лесны
 Ноябрь иссушил, сузил плоть в хорду.
 Монах-резчик,
 Механически сотнищу шевеля ртом беззубым,
 Ошупывает ломкий линолеум
 Пальцами экорше: откровение
 Записано шрифтом Брайля, — но не в силах
 Ничего различить. И то: время
 Нарастило вторую предательскую кожу,
 Роговую невидимую корку,
 На чутких некогда, юных, отзывчивых нервах.
 До чего не думал, до того и дожил: время
 Между жизнью и старостью,
 Возраст, резец резчика иступивший,
 Презвое предутрье,
 Когда плоть наконец побеждена, но какое отращение
 от победы!

Монаху под пятьдесят. Две трети жизни
 Подвизается он на этом послушаньи.
 В мантию так и не пострижен, так и
 Зовут: «Отец Неофит».

Он убирает инструменты в долгий,
 Лакированный прикосновеньями, ящик

И, надев кирзачи, выходит под дождь: пора к вечерне.
 Сегодня всеношная. Завтра —
 Разрешение на вино и рыбу, на крепкий чай и надежду,
 И вот-вот запоют о том, что осень
 От запрещения Твоего, Господи, побегнет,
 От глаза грома Твоего убоится,
 Что, разорвав монохром линотравюры,
 В разрывы лазурь прынет,
 Что в сок и цвет облачит голые сучья
 Терпение — монашеская добродетель!..

Дождь, обессилив,
 К раскисшей земле интерес теряет: пора
 Прийти и снегу. Звонарь,
 Плыву в небо, крихтит бодрее,
 Поплевав, перехватывает веревку узловатыми перстами:
 А ну-ка, еще раз!
 Все монахи пьяны-пьяны, а игумен зол-зол!..
 Небо,
 Расслышав надтреснутый зов сквозь тучи,
 Стохвывается: ох, ведь праздник же! — спешно бросив
 Сезонное заделье, поплевав на ладони,
 Приглаживает волосы и, низко наклонившись,
 Втекает в храм.

20.09.2007

Усекновение главы Иоанна Предтечи

Наутро — трезвость.
 Над Махероном
 Небо свишпово.
 Сердце поэта!
 Тебя обманули,
 Маленькая плясунья.
 Рылай, слушай:
 Немощствует прозно
 Кровавая кулыга во рту Слова.

11—20.09.2007

Покров

В этот день дверь в небесах открыта.
 Молящийся юродивый видит:
 В комнате, полной света,
 За столом, покрытым белым,
 Мать сидит, ждёт Сына.
 В этой комнате утро
 Все сияет, но так и
 Не склонится в полдень, и тень на стене крещата,
 И ходики не ходят —
 Календарь вечности
 Весь уложился в месяцелов старого стиля:
 Прозвенело Рождество сентябрьским златом,
 Белое Введенье ступеньми святой зимы отхрустело,
 Благовещенье девичьим платом проплыло голубое...
 Покров и Покров ныне,
 Темновিশневый, прозный,
 Как запекшееся сердце.
 Мать сидит за столом, ждет и ждет Сына.

Сын Тебя на пороге встретил,
 Привёл в этот свет, упокоил покоем,
 Постоял на пороге, посмотрел длинно, нежно —
 И на крест вернулся.

«Чадю! Что Ты сделал с нами?
 Вот, Отец Твой и Я
 С великою скорбью Тебя ищем!»

«Мама, Мама! Или не знаешь,
 Что должно мне быть в подворотнях,
 Притонах, лепрозориях, борделях,
 Конторах, коммунальных квартирках,
 На аренах боев без правил,
 В интернатах, в безлюбных постелях,
 В доме братьев Моих?»

Вон они, голпятся, тычут и тычут
 В ребра, все проверяют: умрёт? воскреснет? —
 Кровь и вода все текут и текут — а сами
 Все поют и поют, вторя звону
 Бубенцов архиерейских кадил:
 «О Всепетая Мати!»

«Сыне Мой, Сыне! Вековую мя еси оставил!»
 Ждет и ждет Мать Сына.
 Сцепленные пальцы в мольбе сжаты, белой
 Скатерти казанки белее,
 Ногти вонзились в жемчужную кожу.
 Пока сцеплены эти пальцы — миру
 Быть живу.

27.09.2007

На вернисаже в еврейском культурном центре

Сельмой слева холст как сельмой огонек в меноре.
 пейзаж выстрижен ножницами и наклеен:
 Перелетным птицам
 Некуда лететь из этой низкой выси — небо в квадрате.
 Лимонных и багровых на сером,
 Сюда нанесла осень летучих
 Еврейских песен народов мира.

А внизу — коричневоглухие крыши в огнях рябины,
 Но и крыши, и уличную
 Местечковую трясь
 Вид, глядите, снег покрывает игольчатými письменами!
 Ортодоксальный, древний,
 Снег просвещает глиннобурую осень,
 Как Виленский гаон — мглу простонародного магизма.
 И мы, и мы, сделавшие духовность своей профессией,
 Молчим, кутаемся зябко и одиноко
 И наполняем вывернутые ветром чаши
 Своих зонтов
 Драгоценнейшей из разновидностей серебра.

27.09.2007

Эрнест Блох. Анданте модерато

Памяти Метислава Роспронювца

Осень. Скоро придет антихрист.
 Твердь крошится под ногами.
 Суровые монахи,
 Борцы против ИНН, из монастырей уходят
 В пустыни, уносят
 На сторбленных спинах
 Мешки с горохом, последнее свое упованье.

Двинусь и я за ними.
 Унесу и я в мешке за плечами
 Все свое богатство:
 Твое, Господи, Имя,
 Переложенное на голос струнных,
 Пылающий над хамитскими городами
 Мотив Сима,
 Твердый, как тысячелетнее вино, страстный
 Мужской зов виолончели,
 Басовитую, трансвеститую истерику виолоне
 Некогда вертикально заменивший,
 Раздвигающий ложесна, горбом вздымающийся между,
 Смертельно нежный неистовый Квазимодо,
 Унесу эту печаль соитий, смертей, рождений,
 Сонатно-симфонического пикла
 Гибнущего в огне шестодневя,
 Панику плода, стиснутого багровым руслом
 Родового канала, спазмами выстилающего путь к свету,
 Стремительную память, вспышку
 Сверхновой, об этом мире,
 Наконец-то истекшем кровью (трифы
 Осмелели, сузили круженье),
 Все его творчество, победительность, сиянье,
 Его веру, любовь, надежду.

Ныне времена и сроки
 Иссохли. Мы уходим
 (Мертвый, в морщинах, пигментных пятнах,
 Проваленным ртом беззубым, надорванной
 детородной струною,
 Инструмент — в мешке за плечами).
 Мы уйдем, но мы унесем все. В результате
 Враг, чьявший нагрянуть внезапно,
 Не завладеет ничем.

4.10.2007

* * *

До утра далеко.
 Тишина выпила сон.
 В этот глухой час
 Страх — прелтеча вины.

Младших детей научили:
 Не смейся над большим — сам заболгешь.
 Старшие дети знают:
 Все равно заболгешь, смейся иль нет.

В эту непроглядную ночь
 Дети в доме одни,
 Младшие со своей всхлипывающей верой,
 Старшие со своим коротким утрюмым опытом,
 Но все они знают, вслушиваясь в тьму
 (Эй, кто там вовне в ночи за спиной!..):
 Пока не вернутся взрослые,
 Ночник, слерживая мрак,
 Будет гореть и гореть.

18.10.2007

Тело

Светозарная Матушка, суровая албанка,
 Как-то сказала,
 Что дважды касается тела Христова:
 Один раз — в Святых Дарах, другой —
 Когда касается тела
 Умиряющего бедняка.

Вот и я, родная,
 Тела твоего касаюсь сегодня.

Мы с тобой — одной Церкви, одного прихода,
 Мы одной Чаши, одной лжицы, одного платя,
 Одного дыхания, одних миопических диоптрий,
 Одних пристрастий в книгах, музыке, молитве,
 Еде, постели, деторождения,
 Одного взгляда в детство,
 Одной осени, одного умирания листьев,
 Одних скорбей и слез, одной надежды.

И мне, поверишь ли, так трудно (старость не зоркость!)
 Определить наощупь,
 Чье это — твоё, моё (жестоко,
 Так по-благному, рамсы численник попутал,
 Будни, накрыв сырой желтой подушкой лицо, давят,
 Пяст рывки конвульсий, держат крепко,
 Хотя своего и не получают! но всё же) —
 Чьё: седина, поредевшие волос ветви,
 Впадины, венозные сети, валлики, пятна
 Раздавшегося после двух кесаревых тора,
 Что грубо, надёжно сцеплен
 Рубцом шва, опущенного жестким, шитого рвано,
 Стягивающего слезистой смолою
 Половинки лопнувшего граната,
 Чьи это, синеющие чернее ночи,
 Белесоватые запрокинутые подмышки,

Которые, как пихту и стакти,
 Только и отыщешь уже, что нюхом,
 Чей сорок, не различу, четвертый или тридцать
 Шестой размер этой ступни узкой,
 Со сросшимися указательным и средним,
 В прель проступающей копячим потом,
 Что говорит о слабости сердца,
 Чье сердце
 Иногда силуэтом сквозь взгляд темнеет,
 Как тот, кто остался
 И в неизбывной разлуке, кутаясь в шаль, невидяще
 и нежно

Смотрит сквозь двойные, глухие переплеты
 В матево снежной эти, пытаясь
 Угадать путь и час прихода
 Тшащегося вернуться,
 Чей это голос
 Подрагивает во тьме (трещина, обертоны)
 Огрубшей голосовой связкой ключей,
 От которых давно потерялись заводные шкапулки,
 Чьи морщины говорят мне
 Не о богатстве мимики нищей, но только
 О том, что линия жизни
 Расползлась сетью
 По лбу, над ключицами, вокруг век, по горлу,
 И внутрь уходит сквозь поры,
 Чье это, чье, твоё, моё ли,
 Равно потибельное, равно Божье,
 Перчатка на обе руки, двойное созвездье
 Над одиноким морем,
 Входящее в обман заблудившегося морехода,
 Как два благословенья, преподанных розно,
 Но таинственно, неудержимо
 Смешавшихся в полном сосуде
 Драгоценного, смертоуханного времени,
 Как кровь и вода, орошающие копье?

Кто, если различишь, скажи, из нас сию минуту уходит,
 Не оборачиваясь — но неотменимо
 Таща за собой приросшего другого
 Сквозь эту черную толщу — к свету,
 Так что трещат спайки и слюится ороговевшая кожа?

Собственно, мы ведь прожили вместе так долго,
 Что не диво: вот, как в сказке,
 Заслужили умереть в один и тот же
 Неугасающий день.

23.10.2007

Зита и Гита

Каушали в исполнении Монорамы
 Аппетитно, пухло злобна,
 Невинность прекрасна, а удалство нежно —
 Как звенят эти браслеты на шиколотках,
 Когда она идет по канату,
 Изгибчиво смуглыми ступнями его ласкай! —
 Целомудрен пушок сквозоз голубое сари,
 Герой лоснится, жирноватый и сильный,
 Юно, тонко поет за кадром

престарелая Лата Мангешкар,

Сюжет, танцуй, ведет нас за руку
 К великолепной последней хватке,
 Там в нужных местах расставлены жерди,
 Развешаны спасительные веревки,
 А тонкие рапиры звенят, разят не насмерть,
 И удары, как бич, просты и звонки,
 И как им вторят
 Радостная лазурь, киноварь и пальмы!
 Какой хвалебный воспоем мы акафист
 Вам, исповедники Болливуда!

Что ты плачешь под стрекот аппарата,
 В пыльной полутьме зала лицо прячешь
 В узловатые пальцы,
 О изнашившееся сердце,
 Морщинистый бодринатх?¹ Нет, оно не плачет,
 Оно истекает
 Временем. Времени, скорее всего, вообще больше
 не будет:
 Лимонным, изумрудным и алым
 На старой ломкой киноплёнке

¹ Имя одного из персонажей фильма «Зита и Гита» — *Примеч. ред.*

Добро и зло обозначены так ярко
Просто потому, что в зрительном зале
Ни добра, ни зла больше не осталось.

24.10.2007

*За один вечер осилить девять томов
«Учения тайноводственного
об искусстве молитвы»*

Покуда напряженно
Оглядывал сопротивляющимся навыком молитвы,
Уговаривал, удерживал на месте,
Пыхтя, потным дыханьем срываюсь,
Негнушимися перстами
Рвал скользкие пуповки, тугие крючочки —
Молитва вытекла и исчезла! Тут же и навывк
Загих, увял, сморщился, лежит плоско,
Прилип, как ярлык к рабочему столу,
Когда файл лишили содержанья.

(Пустые ярлыки наших
Схоластических системных решений: в них-то,
Если вовремя не удалит, и зарождается вирус,
Мертвое жизнеподобие, червь, троянский конь
Взбухающего распада.)

А Ты так и простоял весь вечер
За моей спиной, не решаюсь
Оторвать от остервенелых попыток
Наладить прямую связь с Тобой
Меня, воспаленными глазами
Все пялящегося в мерцающий монитор!

2.11.2007

* * *

Изнемогли мы
 В немоте, безначии этой ночи —
 Но, наконец, под утро
 Первый, гляди, снег выпал,
 Убегил прызь как волну,
 Окропил иссопом — и очистил! О, снова
 Оплодотвори, Творче, эту землю,
 Начни новую серию диалогов
 Начертанием альфы, имясловным
 Перестосложением веторй в легком замахе
 Чистую молчашую белую полотняную хору!
 Се, в прорезах теплым, солоноватым,
 Альм, четвертой группы,
 Проступает, возбухает, заливает край неба
 Новая весть!

2.11.2007

Ихтис

Всем известно: рыба видит рыболова не так,
 Как рыболов рыбу. Небо
 Видится ей круглой серебристой овчинкой
 С зеркальным сферическим исподом: экюмена замкнута
 на себя.

Вид рыболова усмерен, окрашен
 В кислотные тона спектра,
 И кровавый из них всех однозначней.

Ловцы человекак наделали ловцов человекак,
 Наделавших ловцов и ловцов.

На берегу пруда — не протолкнуться,
 Идет драка за квадратную пыль места,
 Пинком переворачивают банки с червями,
 Выхаркивают в воду стусетки

Экзетез, выбитые зубы,
 В миссионерском замахе
 Режут небо сталью, латуной блесен,
 Спиннинги трещат автоматными очередями,

Сети дрожат внагряжку, расчленили воздух
 На клетки ухудшающих газов,
 Многоголовый мат на наречиях

Всех семидесяти двух толкowników
 Направляет рыболовецкие инстинкты,
 И где-то в пустыне

Волхвы по направлению к пруду гонят
 Караван, грузенный динамитом —
 На завтра объявлен
 Всемирный рыбный день, и тебе не выжить.

И ихтис, выбрава
 Израненными жабрами из мутной тысячетелтней взвеси
 Остатки кислорода, делает вдох и уходит
 Туда, откуда больше уже никогда не станет видно
 Созвездие Рыб.

15.11.2007

Икар

Вольный ветер навстречу,
 Мальчик позавчера.
 Серые глаза пыют лазурь,
 Кленовые волосы взлетят, одуванчиковый подбородок.
 В одном
 Наушнике у него «Пикник»,
 В другом — «Воскресенье».
 Вверх, вверх!
 Традиций он не знал,
 А нетрадиционных диетических ориентаций
 Мира, распластанного внизу,
 Знать не хотел: весну за весной
 В средней школе он прогуливал
 Уроки по спортивному ориентированию.

20.11.2007

Ключ

Собрать и сослужитель, което два года не видел,
 Младший по хиротонии, вчера нагринул
 В гости из глухого своего районного прихода
 И задал задачу: что делать, отче? —
 Случай из похоронной
 Практики, и нет прецедента
 Ни в одной из редакций Типикона! —
 Вот, покойника мы отпели,
 Похороны прошли по высшему разряду,
 Полированный гроб, шелк и все такое,
 Вместо старомодных гвоздей — замок латунный,
 И глухой засыпали землейю —
 А ключ от замка остался.
 Родные покойного в панике, спать не могут:
 Что делать с ключом?

Глубокомысленно хмыкнул в ответ: что же,
 Никто и ничто на свете
 Не исчезает бесследно!
 Что бы мы ни похоронили —
 Ключ всегда остается
 По эту сторону. Однако,
 Моралите сыг не будешь; прошу к столу, брате!..

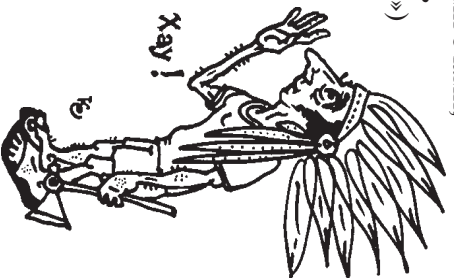
И судили мы с ним, и рядили,
 Засиделись допоздна, думали так и этак
 (Матушка давно детей уложила
 И сама, осовея, удалилась,
 А на ее место,
 Впигнувшись потертым бархатным боком,
 ночь уселась),

Четвертый литр портвейна у нас на исходе,
 И говорили, перебивая, вслух и молча,
 Иногда западая неверными стопами
 В боковые проходы лабиринта ночи,

И пели там со слезой песни, и пересказали
 Все приходские анекдоты,
 И возвращались снова
 К исходному месту встречи: ключ,
 Ключ!

А под утро,
 Когда подпушь совы, тронувшейся к месту спячки,
 Мягко, серо укутала заоконье,
 Кот мой Лукас на стол выпрыгнул.
 Выгнулся, прокатил опаловую волну по передним-
 Хребту-задним лапам,
 Кот непростой, пожилой, облытый,
 Не раз обозначенный в текстах
 Как кот-семiot, ре-баюн, хакер
 Сырных колов, замысловатых
 Петель, мышьяк типерссылок,
 Коего, не будь он Лукас, достойно бы назвать
 «Умберто»,
 Снисходительно осенил нас мерцаньем,
 Тронул лапой
 Ключ. И ключ сдвинулся с места.
 И мы, дико
 Плянув друг на друга воспаленными очами,
 Не стовариваясь, перекрестились
 («Твое преподобие, елки-палки!..»)
 И вздрогнули: нарратив жив.

20.11.2007

Федору Сваровскому

Социальный поэт, цифровиком с суперпамятью,
 навешивает дни
 На немыслимой растягиваемости нить:
 На что ни взгляни —
 Ему есть с чем сравнить.

Пассионарен, воперкопылен, тражданствен, фиксирует
 влет/спад,
 Статистику апостасийности, в анналов струи,
 как дождь, косые
 Впечатывает кириллицей мужское слово «матриархат»,
 Женское слово «патриархия»,

Постит боевых роботов и тому подобный реал,
 Медиаутизм масс, пороки/обретения сердец,
 историю террора,
 Раздуховляет эйдос за эйдосом: дилит — нажал —
 И хора,

И как бы подмигивает: новый эпос учитывает, учти,
 Всё, что приводит
 К живой реакции на событие — но не учитывает почти
 Исчезания мира, в котором событие происходит.

06.12.2007

Священник в блоге

Повсюду ночь. И лишь в ЖЖ не ночь:
 Не диски жесткие, се, трутся и вертятся:
 То кто-то жизнь там выцарапывает прочь,
 То скрипело комменты скринятся.

О отзовись на этот смертный скрип! о позови
 Того и этого по именам их кровным,
 И сотни призрачных друзей благослови
 Перстосложением именословным.

К тому они хотят (их скепсис — только вид!),
 Кто их едем сострадания помажет,
 Кто углый крестик их нагельный освятит
 И свечи заплеплать покажет!

Нет, не к тому, кто прозорлив, кто вычищен и свят,
 Кто светит без теней, в плевке смертей не гаснет,
 Кто белый и стерильный хлад
 Приравнивает к горней ясни —

К тому, кто плоть,
 Кто взял на рамена обеты блевья,
 К тому, кто, словно Ты, Господь,
 Смиренно ошибается и молит о прощеньи,

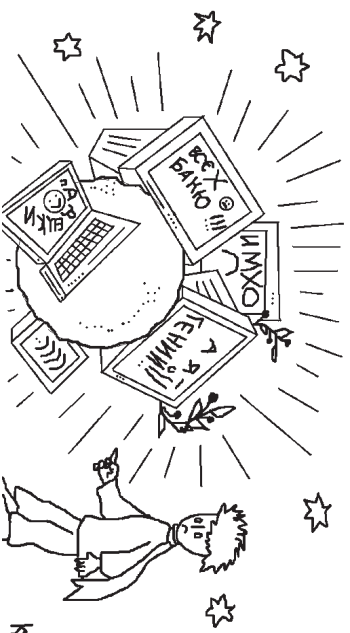
Кто знал соблазн, кого сомнение жгло,
 Кто звал, рыдая:
 «Искусство ты мое сестро!
 Религия ты брат моя родная!»

Люблю Тебя! Пасу Твоих овец
 На диких кручах виртуального покоя,
 Но это — ночь, и я устал, Отец.
 Сам утаси, Своей Рукюю,

Умри за всякого — чтоб в пропасть не упал,
 С огчяннымым чтоб, с детским криком
 Он вечной памяти Твоей не миновал,
 Не канул в ночь сторевающим юзерпиком.

20.12.2007

тут ЖЖезда с ЖЖездами говорит...

Календарный вопрос

С запада если на восток, от Рождества до Рождества, первым хождением — тринатапуть дней ходу. Пора покидать эти ясли, парчовую и стеклярусную солому, пересекать снежную пустыню, покидать готический вертеп, и дергать путь — в вертеп шатровый, устриваться в солому соломенную — что Ты с ними подлаешь, ничего не хотят слушать. Никогда не хотели. Снова и снова — приму как есть, прилетят уж потерпеть. Вот залынуть к ним на праздничный огонек — да что толку: их не перекричишь, не перетромыхаешь, не переболитишь, не переласкаешь — вон как они орут, дом от них сотрясается, вершат свои иприща — подростки, а кулаки уже жесткие, а слона кипуча, а ломкие петушинные голося уже свинцовы, злы, а юшка-то из разбитых губ настоящая, кровь-руда, плавы руду, куй железо канонов, пока горячо, осявити кулаки в крови еретика, в соплях схизматика, вмажь ему, чтоб не хлюздили! Вместе им тесно, порознь — скучно, а как соберутся играть — так драка, милые вы Мои, смертные вы Мои, глупые, жалкие, кровные, родные, всех бы вас в карман посадить и лелеять, да где там! Одни Мои Младенческие мечты — ни карманов в пеленках у Меня нет, ни вы Младенцев не терпите, в игру не берете, не вертись под ногами, Ты не врубаешься, пошел отсюда, а то и Тебе прилетит, эй там, Малыша унеси! — и в бой под знаменами правды-истины, одни тычут другим в нос астрономическими точнотами, другие одним — чудесами, цвением терна в Гластонбери, мерри кристмас; кто-то уже, плюясь выбитыми зубами, скуля, уполз в угол, невидяще уставился перед собой, истерически смеется сквозз слонину и всхрипы, вымещает обиду на слабом — тряпичноту сантакладуса погрошит, носок с подарками в исступлении ножницами режет; у кого-то крыша уже уехала далеко, видимо, тяжелым ударили — туло хихикая, мочится на рождественскую ель, на нижние ветви — коротка пубертатная струя, до верхних не добьет — а все утешение, вот,

мол, вам, своглочи, праздник, все врали, нет никакого Рождества, никаких волхвов, ни звезды, ни неба вокруг звезды, дела-мороза нет, ничего нет, и вас, гадов, не будет, ночью дом подожгу, сам сторою, и фиг с ним, а вас за собой утяну!

Младенец прикрывает двери и неслышно выходит в ночь. Ослик — от самой пещеры за Ним трусил, жметя у крыльца, тычется замшевым носом, вздыхает — бедняжка, опять покормить забыли? Ну, потерпи, милый, вот и еще год миновал, потерпи, уже скоро!.. Ослик печален, но молчит: приучен за столыко-то веков, знает — зывать бесполезно, пойдет все равно, проводити не даст. Тринадцать дней пути, снежная пустыня, второй раз родиться. Все часы в мире остановили ход, все Вифлеемские звезды сошлись в одну и освещают путь — спасибо вам, звездочки, знаю, любите Меня, но такая ваша звездная доля, светите, а не греете, не плачьте обо Мне, светлые, ну не извиняйтесь, Я ведь все, все понимаю! Ничего, Я не замерзну, Мне ведь не впервой. (Ох, и правда, холодно!.. одни разговоры про парниковый эффект, а тепла нет как нет...)

Маленькая фигурка удаляется на восток, во тьму. Мама! Я вернусь. Ветер рвет снежную пелену, смешивает черное небо с белой землей, зализывает маленькие следы, прободавшие снег до оснований тверди (там, где наст и надедь, хрупкие игольчатые грани следов сочатся розовым, солоноватым) — вон Он, скорчившись, дрожа, бредет неуклонно, хрипло шепчет посиневшими губами, на которых молоко выстыло, не обсохло:

*Разделила рузы Моя себе
И о одежде Моей меташа жребий*

Братья и сестры, драчливые подростки — дети двоих местных, он — охотник, она — кожемьяка, пара

преплюдущая. Они на гвалт и ор чад внимания не обращают, у них дела поважнее: он притащил с охоты зверя, она — освежевала тушу, выделывает кожу. В кухне салдно, утробно, дымно, смертно и солоно пахнут квасцы; сам — умаялся, загона я в снегах зверя, и кемарит на лавке; зверь — убитое время; кожомьяка кроит кожу треугольным ножом, вырезает из кожи календарь. Улыбаются, облизывает щелястый рот: славная будет к Рождеству обнова! Уж про нас-то никто не скажет, что делают они шкуру неубитого зверя! Убили, убили, еще как убили, крови-то выцедили на колбасу восемь газоз!.. Взглядывает на тушу: синее багровым, торло косо, глубоко развалено надвое, в перламутр облился закатившийся агатовый глаз... Кожмяка урчит, увлечена работой, скрипит кожа времени в деревянных свилеватых пальцах... Но вот стрелкнуло, лопнуло искрами в очаге полено — и встрепенулась, и глянула снова: никак шевельнулось?! Недорезали?! помздились?.. Нет, растолкать мужа! Вот вечно так, из года в год, из века в век, вот в этом-то и весь календарный вопрос: никогда не поймешь, мертво время или нет.

27.12.2007

Превьюс 20

Долгой глухой декабрьской ночью
Амели Пулен
Выискивает в старых лентах ЖЖ посты,
Оставшиеся непрокомментированными,
И нажимает «пост коммент».

Ленты ЖЖ соохлись, ломки,
Тупо, упрямо сворачиваются, принимают
Прежний эмбриональный вид,
Сыплются, как и всякий
Им подобный
Полимер аналогового происхождения.

«Я первая!» — Амели ликует,
Черные глаза сияют,
Пальцы как стрижи над монитором.
«Люди! Будьте активно счастливы!»

Бес тшеславия, полунощная торгульдя,
Через плечо Амели читает,
Саркастически хихикает, слизывает жалом
«Активно», ставит
«Агрессивно».

Но больше он ничего не может:
Банить комменты Амели
Ему воспретил Ангел Сервера,
Распятый над Парижем
(О Франция, старшая дочь,
Блудная дочь, что сталося с тобою!..),
Как русский связист, зажавший под артобстрелом
Зубами концы оголенных проводов.

Город спит. Ночь
 Беременная тихим снегом.
 Скоро Рождество. Связь не прервется.

28.12.2007

Эзра Паунд

О. Константину Крайцверу

Карлики
 Смотрят на великанов свысока:
 Укоротись на треть —
 И мы, так и быть,
 Поговорим на равных! На треть — то есть хотя бы
 Без ног, лучше — без головы.

(Новый Египет, продажа:
 Профессора политологии, стимфалийские выдупыши
 Тотальной охлократии, бессильно
 Грызут пятау нового Иосифа,
 Прах попирающего в марше, в марше!
 Бей, барабан.)

Бил ли ты, барабан, в руках падача,
 Кто помнит,
 Весь бесконечный ряд дней, жал
 Дзвящего, лишашего головы
 Солнца? Мерно
 Укоротись, великан,
 Всохни в кубатуру клетки!

Поэт! Человек,
 Которому единственному удалось,
 Подвявши меч, не сойти с креста.

13.01.2008

Поколение нексст

Памяти Янки Дягилевой

Не в состояньяи родить
Человечьих мясных детей,
Наделали себе буратин
Из этих поющих полтен.

Их сукковаты глаза,
Чужды, сосновы сны,
Кленовыми клиньями твои дни,
Как лужковицы, прыззут.

Когда они побегут
В деревянную ночь, вон,
В нарисованном очаге спалив
Азбуки, куртки твои —

В инсультые сквозь коридор
К двери ползи, хрипи
В сорванный засов:
— Серше, серше, кретин!..

...Над Подем Чудес — тьма.
Наживы живой ждя,
Тысячи деревянных детей
Погребают сердца отцов.

Сыплют они не соль,
Не воду гнилую льют —
Деревянные вены вздалбливают свои
Отцовским долотом.

Кап, смоляная, кап.
Кап, скипидарная, кап.
Я люблю тебя, пап.

Прости меня, пап.

И вот — один и другой,
Снова и снова, там,
Здесь, из мертвой земли —
Всходят, живут ростки!

Алым и золотым
Дерево в утре цветет!

Вокот кот и лиса,
Друт другу глаза пьют.

16.01.2008

Бегство в Египет

Борису Херсонскому

Ночь не спит: Ирод
 Прожигает воспаленным взглядом
 Вифлеем, точку на карте.
 Просыпайся и ты! Пора в Египет.

Ты думал, Египет — пустыня? (Гаснет
 Милая, лубочная картинка: синее небо
 Без полутонов, фольговый месяц,
 Лимонными барханами бредет ослик,
 На ослике — миниатюрные трое:
 Белоснежный старец,
 Нежнопалевая с вишневым — Мать, очи долгу,
 Розовый Младенец с нимбом, влали пальма).
 Да, Египет — пустыня. И народу в ней паче песчинок,
 Городов — паче барханов.
 Именно здесь, в Александрии,
 Тебе предстоит затеряться.

Александрия, выкормыш Протемев!
 Котел народов!
 Вы, греки, потомки милеплев,
 Быками своих аристократов топтавших,
 А после аристократами на гумне сожженных,
 Родоначальник погромов —
 Охлос, о котором плакал Полибий!
 Вы, египтяне, чьих матерей и теток
 Пиксосы на фаллах распинали,
 Дети камыша и кровавого камня,
 Голового бараньего Хнума
 Храм Единого прободавшие на Элефантине,
 Смуглые реки, низвергающиеся в бездну!
 И вы, плоть от плоти
 Моего народа, —

Ведь еврей не личность, он только
 Часть своей крови. Чгобы
 Стать личностью, ему надо
 Огорваться от шагров Сима
 И эмигрировать в Египет, —
 Вы, всяк сам по себе ныне
 Будные дети Единого, гордые эфебы, граждане мира,
 Получившие мусикийское воспитанье,
 Сытые красным этим, красным,
 Держащие в цепких пальцах
 Все деньги Александрии,
 Вы, ухлосей Израэль, успокоившиеся, будто
 Забыли пересчет жертвенных агнцев,
 Грех Агриппы, пасху раздавленных, — о, отныне
 Чужбина — страна моих братьев!
 Никто никому не знаем.
 Никто никому не нужен.
 Здесь, в сонмах одиночества, затеряйся,
 Иосиф. Придёт время —
 Отсюда Бог воззовет Своего Сына.

«Нет, не для евреев нет на земле места —
 Для Тебя, Единный, и этого Дитяти! — горячо шепчет
 Сам с собою Иосиф. — Там, где Тебя нет — изгнанье.
 Когда евреями станут
 Твои ученики, мой Мальчик,
 Евреями всех народов мира — в мире
 Им тоже не найдётся места. Им тоже
 Придётся уйти в толпу, как в пустыню».

Рынок шумит многоголосого.
 Протискаиваясь, Иосиф
 Коленом осла толкает.
 Придерживает одной рукой Марию,
 Другой — корзинку. «Ничего, милый,
 Потерпи!» — склоняется, трясет боролою,
 А Лукает, покает

Пересохшим языком. Но Младенец
Не улыбаётся.

(Младенцы
Не умеют улыбаться вообще. Об этом
Рассказал мне далёкий товарищ, грустный раблезиланец,
Опытный врач — уж знает, что говорит! —

проглядывший
Черные, как море терпенья,
Скорбные и молодые, как века, еврейские очи
С одесской набережной вдаль,
В кровотокающую родину,
Седой поэт, не переставший
Чаять смерти ищущих душу Отрочаге.)

16—17.01.2008

Номоканон

Свинцовая абевета.
Азбуку сию учат —
На всю вселенную страшно кричат.
ИЗБАВИ
Читающих от кровей! Дух,
Потошай в полёте руах,
Бьётся с лёту пернатой главой
О частокोल букв. Кровь
Пропитала шрифта чернь.
Уложенный узка клеть.
Нет, не выпорхнуть! И тогда Дух
Решает не покидать букварь,
Чтобы воскрешать того,
Кого, по этим складам
Волящего слепым наивным перстом,
Убила буква.
Дух блит и блит,
Дышит умершим в уста,
Животворящей птичьей исходит рудой.
Чти, отрок, букварь.

19.01.2008

* * *

В. Шарову, автору «Воскрешения Лазаря»

Эта болезнь убила меня так быстро.
 Мы не успели попрощаться толком.
 На похоронах, и никогда после,
 Ты не рыдала. Верный признак:
 Не отпустишь, не перетризеешь пуповину —
 Любовь от удара судорогой ожестела,
 Свилясь в трос, в стальные крючья.

Здесь, в этом месте полом,
 Вежлень полным умершими внезапно,
 Между этим и тем светом —
 Тем и тем для меня теперь равно —
 Родная, ты меня любовью держишь,
 И Ты, Родной, любовью к Себе тянешь,
 Ты, живая часть моей умершей плоти,
 И Ты, Господь и Бог мой Ревнитель —
 Распят я, меж вами растянут,
 Трещат мои мерцающие жилы,
 Выворачиваются призрачные плечи,
 Кожа души лопается швами,
 Лёгкие свистят чёрной каверной —
 Я не вынесу, смилуйтесь надо мною!

Оглянись, оглянись, родная,
 Там, в кладбищенской осенней глине,
 И Ты оглянись, оглянись, Боже,
 Там, по шиколотку в лазерной тверди —
 Оглянитесь, увидите же друг друга,
 Сделайте шаг вспять, приблизьтесь!
 Еще, вы двое, еще ближе!
 Подойдите друг к другу, сократите
 Это смертельное расстояние,

Ослабьте тросы любви стальные,
 Ну не сбегу я, глупые, дайте же передышку!
 Я не смогу воскреснуть, пока мы не станем
 Навек трое.

28.01.2008

Ясная вечеря

Сие творите в Мое воспоминание.

Мы воспоминаем, Раввунни, воспоминаем.

Известью затяннуло иссохшие сосуды.

То ли это возраст, то ли — как там

Это слово. Слово, еще слово.

Напрягшийся склеротик.

По волнам моей памяти.

Рассудка памяти печальной.

Плоть растворилась,

Впиталась в символ.

Символ зыблется тенью.

Дымка грозно лиловеет, тучнееет

В удушшающий дым.

Эй, вы куда? Приидите, обедайте!

Сейчас, сейчас,

Погоди, Раввунни, еще немного —

Видишь, в горнице тесно,

Эти горы коробок,

Надо же навести, раз и навегда, порядок,

Протереть, пронумеровать, развесить

По гвоздям, по местам расставить

Незыблемые вековые устои.

29.01.2008

Сестра моя жизнь,

Видя меня, самовольно

Восходящего на небо,

Послеловала святоотеческому совету

И слернула меня за ногу,

Ибо это мне неположено.

Да грамотно так, зараза!..

Когда все закончилось —

Сидели, остывали,

Курили (пощупал — так и есть, нет зуба!

М-м, как больно!.. всем портретом о земле!

И дышать тяжело — поди, ребро мне сломалда...), —

Нет, ну все-таки, говорю ей,

Ну права ты, права, всё понимаю —

Но зачем уж... так-то?!

Я ведь не пустынный, не аскет, не подвижник!

Посмотрела на меня с интересом,

Аккуратно бычок в плевке загасила,

Рыжими глазами ухмыльнулась:

Не подвижник? Ну, твоё счастье.

30.01.2008

Она была простой студенткой,
Заходила в храм ставить свечку:
Он пел на кипресе,
Светлый, серьезный, головокружительно оленеглазый.
Когда он читал Шестопсалмие, его голос
Взрывал и разил, словно
Стройная рапира веры.
Он готовил ее ко крещению,
Потом — к исповеди и Причастью.
Потом они повенчались
И уехали жить в деревню.

Четыре года

Ее звали матушкой — ее муж
Был священник («Батюшка-то — прозорливец,
Старец, даром, что молодой» — шептались старушки).
Она работала в школе, пыталась
Стать там своей (подводила глаза, губы,
Правда, брюк не носила),
Осваивала детей, огород, болезни.
На пятый
Он бросил ее с двумя детьми в старом,
Стонущем всеми ветрами церковном доме
(«Время последнее.
Не спасительно теперь, сестра, семейное счастье —
Надо бдить, враг скоро!»),
Препоясал чресла поясом усменным
И ушел в монастырь.

«Сестра!.. сволочь, сволочь!

Да где же, где правда?!
Да как же вы не видите — нет никакого Бога,
Нет никакого вашего проклятого Бога,
Нет, нет!» — рычит, бьётся,
Бьет кулачками в грудь, белы смертно сжатые пальцы,

Вырывается, — плачет,
Плачет в голос, вот затряслись плечи, — ну всё,
Всё, родная, вот уж и слёзы,
Вот и всё уже, плачь, сейчас будет легче,
Торькая ты Моя, золотая,
Всё, всё, Я с тобой! Будем терпеть вместе.
Плачет долго, всем лицом прижимаясь
К боку Моему, испятанному алым — то ли это
Помлада размазалась, то ли из раны
Сочатся, не унимаются, кровь и вода.

30.01.2008

Бернаноэ. Военные дневники

Сколько лет тому его запечатали в гетто
Для честных обывателей.
Переполнено гетто. Но и в мире
Не стало просторней.

Гаремом войны ныне
Правят евнухи, искуснейшие кураторы
Игрищ поятий.
Красным этим обвевшись, красным,
Дети-быки
Породили, откожилившись, слохнув, бычьеголовых
Внуков кишаших
С членистоногими сокращающимися телами,
С слепыми вазелиновыми очами,
С сердцами слизней, с зубами,
Сросшимися в костяную иглу.
Мир без крови; апофеоз и перепроизводство
Кровососущих.

Но, к счастью,
Неполна картина кипящего этого секса
Без наблюдателя! У глаза — место честно и пусто.
Обличающее присутствие пустоты здесь,
Между инвалидными костылями
В полупентре третьего мира
Под иссохшим манговым деревом
В прокаженном патии,
На сорокаградусном солнце
Глобального января.

2.02.2008

Напиши Черных

«Знаете, просто...
Этой ночью
Жизнь снова приходила
И обещала стать выносимой.
Когда я застонала, она
Приблизила плоское, пористое лицо,
Следила мои конвульсии, жадно
Жало трепетало у моих глаз; “ну!.. ну!..” —
Повизгивала нетерпеливо,
Смрадным вожделем дьшала,
Дрожала лядвезми в предвкушеньи;
Всё как всегда. И вдруг —
Кто-то встал за спиной жизни.
Плотно, прочно
Сжал ей жирный, плоский, шетнистый заправок,
Глубоким, как ночь ночей, баритоном
Сказал властно: “А теперь поклонись”.
Надо было видеть эту сволоочь,
Как она, потей,
Полным ненависти и жалобы
Хрипом спекулятора¹ над призраком исчезающей
жертвы
Сквозь коричневые жвала слонно хрипела: “Дадно,
Клянусь!..”
Она помогчала,
Облизнула пересохшие губы,
Собравшись с силами, еще раз
Обратилась ко мне бесцветным тоном, терпеливо,
Как педагог, объясняющий
Невидимое очевидное
Пятикласснику с неразвитым абстрактным мышлением:

¹ Спекулятор — папач. — *Примеч. ред.*

«Я уважаю вашу Церковь, но утешенья
Она мне дать неспособна. Сама не знаю,
Зачем я пришла. Вряд ли вы поймете...
Просто — как бы это сказать — Бога
Прежде не было вообще, и это
Меня не напрягало. А ночью
Со мной стряслась ясность:
Бога нет только в моей жизни.
Пропасть — такая, как между
«Ничего» и «Ничто». Ох!.. это
Отсутствие... оно острее надежды».

Что я мог для нее сделать —
Разве что помочь ей поставить свечку (пальцы,
Её и мои, тряслись неудержимо — мои,
Может быть, и от радости... не знаю: что мне,
Недостойному самонадеянному иерею
Невероятного, Непознаваемого Бога,
Укрытому саном, как свинцовым скафандром,
От тысячи белокровий,
Эти птицы с глазами страдающих серафимов,
Чернобыльские птицы, неотступующие в ветвях
Испепеленных деревьев? — но пальцы,
Мои, как и ее, тряслись невыразимо,
И свеча, живой и горячий символ
Улования, стрела света, в антимартии
Поражающая цель, тоже
Ходила холодно, никак не совпадала
Тутим напряженным основаньем
С круглым лагунным лоном
Уставного полдвечника.)

6.02.2008

Бандерлоги

Город — старый
Питон — умер.
Нижнюю выхрипел
В поле целость
Тяжким квадратом:
Рядами тесными
Тупого бетона,
В трещинах, порах —
Корбозье зубы.
Провода ржавы.
Потагс огонь окон.

Закат: стерво
Потрескивает, остывает.
Не жив ныне!
Лесополосы сиротеют.
Тихие ветви.
Вздохи как тени
Очнулись, двинулись.

Это бандерлоги:
Тихо подходят.
Тихо переговариваются.
Печально касаются —
Нет в них мести.

Погребальны, наги,
Кили углы.
Пух, стронций.
Тонкие фаланги,
Очей чаши
Всклень полны.
Стоят, небовидны.
В ржавые банки
Запобрякивали мерно,

Верхние, тонкие
Губы всунув
В тар пластик,
Дуют, выдувают
Мерные ноты,
Гудят, прощают,
Слезят, баюкают.

Легкомыслие — да:
Не мечь, не тяжесть.
Создал так их
Тот, Кто любит
И Сам великую
Легкость, непрочность.

7.02.2008

IV

* * *

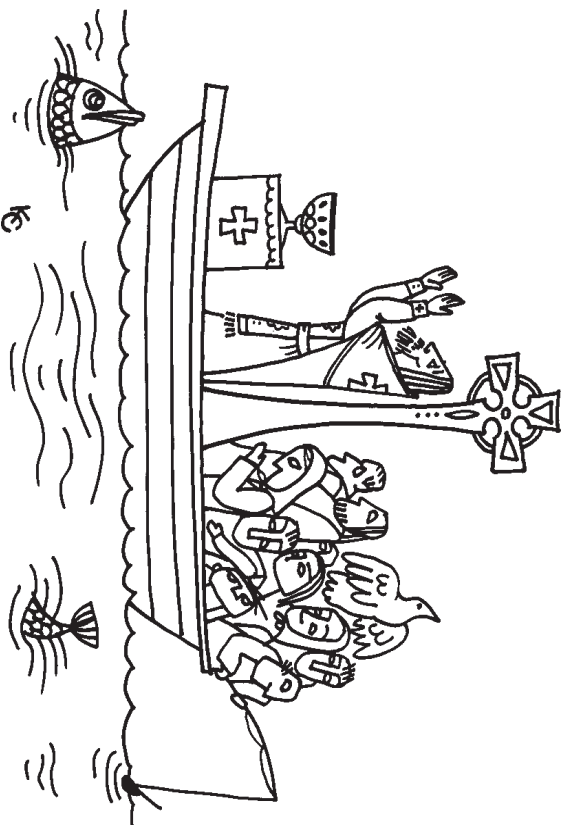
Батюшка раздал свечи, сделал знак хору.

«Благословен Бог наш!» — и сразу какая
Тишина настала.
Наконец-то утихло
Это гулкое море, море,
Шумящее неотвязно
В ушах, ладонями зажать.

И времени
Больше не стало: единственным напоминаньем
Об этой тютюте, о рубленых днях, минутах —
Метроном кадила, мерно
Двигающийся взад и вперед,
Медная лымая пенная птица,
Тужащаяся взлететь.

И о, какая свобода!
Влекущие, повелительные токи свободы,
Сталкивающиеся лоб в лоб,
Мощные, разнонаправленно
Держащие на невероятном
Весу, на грани.
Грань: вот, там, позади, я оставил
Свет, и впереди — бездна света;
Какой выбрать?
Уйти, вернуться? Дрожу, медлю, весь собран
В точку небывалой силы,
Как молодой лев, ласково и неотменно
Окликнутый Тобой, моя Лань,
Готовый прыгнуть.

14.02.2008

Из жизни литературных новомучеников российских

*Некоторым создателям
православных школьных хрестоматий*

«Эй, там! Спирту мне!
Да погромче катавасию включите!»

Левый и правый сторо сошлись, грянули. Под гром
Бездна, клубясь софринским сызым ладаном, отверзлась,
Взошел, крестясь раз за разом, истово вжимая
Стальное троестерстие в лоб-живот-пшечи,
Литературовед в штатском:
Черная рубаха под горло,
Серый пиджак, хромовые сапоги смазные,
Борода саперной лопаткой.

Русская словесность взгляделась
В бледносоевое постное лицо
И, охнув, в обморок осела было:
Эти глаза без зрачков!.. — но куда там:
Двумя, тремя профессиональными движеньями
Быстро привёл в чувство, начал
Строгать железами, применять и иные подходы.
Хлынула кровь-рябина.
Пушкина, коньяка-горбунка пристегнув ему
наручниками за ногу,
Намертво к когчёной доске гвоздями прибил за нимб
латунный,
Блока пустил на карачках ползти, подрезав
Ахиллесовы сухожилья, в уши воткнув
Свечечки да вербочки,
Есенину отпиллил инонину по локоть,
Набокова с Кузминным
Вспорол, вышпотрошил, валетом

Уложив, шши по живому бычьей жилгой,
Мандельштаму и Пастернаку крайнюю плоть
Щапельно наварил газолектросваркой,
Подвёл провода, пустил ток, заставил
Чехова, радостно смеясь, петь акафист.
Сколько, сколько работы!..

Лучше прочих Цветаева держалась:
Сопротивлялась сколько могла, даже
Ухитрилась лягнуть ката ногою в пах (правда,
Тог не почувял: не было
Там у него чему уязвиться).

Так всякий был им заботливо испытан
И изувечен; трудился долго,
Вел счет отрезанным крыльям, языкам, пальцам.

Под утро,
Так и не дождавшись истиципания из ран млека вместо
крови,

Всем им раздал по девять
Граммов свинцовой правды,
Послушникам воскресной школы замывать,
Грузить трупы в грузовик оставил.

Спасенье, приговаривал, для всех и даром,
И пусть никто не уйдёт нерабигитипированным!

Только схваченной во время облавы до кучи
Джонан Роулинг одной относительно повезло
Не родиться ни в России, ни с душой, ни с талантом:
Православный нож, скрипя, тупясь,
Гнулся, не брал
Белое холёное английское горло.

14.02.2008

В зоне

Вводили по одному; крестились, теглотрейки вешали,
Прятали в терпенье взгляды жадящие.

Витийствовал им многовещанно; на корточках сидя,

Яко nocturne враны на нырищи.
слушали,

Шла проповедь уветливо, а мысли мои шли в друтую

сторону:

Пастырь ли я брату моему! кто я экаем сим —

Перебесившийся, за сытый ум взявшийся Том Соьер,

Свой в доску для трязного дикого Гекльберри.

И Ты, отстранив меня, Сам на амвоне вставал с Дарами —

Придите, рвите, ешьте Пира живого, окормитесь,

обидимые! —

Когда боком сквозь щели, веки в наколках, робко

вступало в храм

Солнце опущенных, надеждо ненадежных.

14.02.2008

* * *

*Памяти Зои Масленинковой
и всех ушедших*

Мы из земли сотворены,

И в нас живет земля.

В нас есть стояние стены

И гибкость ковыля,

Многозаботливый живет

В нас ход кротовых нор,

И гулкий ток подземных вод,

И камень в дырах пор,

И тонкий жирный перетной,

Беременный теплом,

И колется культирный слой

Стекланным толкном —

Земли сопревшее быльё

Ты захвати в горсти,

Когда отыдеши в нее,

Зане земля еси.

Как выкуп брось ее, как медь,

Приди к причалу, ты —

И будет плыть она и петля

Над бездной черноты,

Когда на узенькой скамье

Устроишься, дружок,

На запад — памятью своей,

Глазами — на восток,

Когда, в фелоньку облачен,

Дав возглас тенорком,

Взмахнет молоденький Харон
Кадиллом как веслом.

16.02.2008

Паулу Наспину

Мой добрый знакомец, православный буддист,
Сиречь поэт, путающий образы с Первообразами,
Объяснил мне доходчиво, на пальцах:
Двое, даже хотя бы
Пившие воду из одной реки,
Были связаны в предыдущих рождениях.

Именно поэтому
Я, трус и грешник,
Никогда, находясь в стрекотной полутьме кинотеатра,
Не запускаю больше палцев под сиденье:
Ведь там вполне может оказаться прилепленной
Чья-то изжеванная мятная жизнь,
Окаменевшая уже, полная
Вздохов, слоны, желаний,
Забот, тягот, вер, одиночества, скотства
Ближнего моего.

Готов ли я взять на себя еще и это?
Еще и этот вес — выдержат ли мои плечи?
Что по этому поводу
Мог бы сообщить, скажем,
Симон Киринеянин? Впрочем,
Задать такой вопрос моему буддисту
Было бы некорректно, чего и не делая,
По своему человекоутодию, неизбытно
Подлежащему множеству несомненных спитимий.

19.02.2008

Не прислоняйся

Наш мир, как видишь, ярок, раскрашен пылательно и вручную; он плосок, всякая капля дождя повредит красоте, сожжет его всякая молния, — мы бережем наш нарисованный мир. Собственно, наш мир — карта (видишь, ровным и лиловым — пути?) природолюбных сообщений.

Наша вера — слаба, три, от силы пять десятых (вычислять эти проценты — этому-то мы научились!). Какая уж есть.

Нашего уязвимого огня хватает в этой ночи ровно настолько, чтобы дать прикурить прохожему на станции, согреть, прикрывая спичку от ветра, озыблише незнакомые пальцы, пальцы этого встреченного впервые и кагнувшего навсегда, улывающего назад вместе с фонарем, сирым кустом, беленым шалашником туалета, но принявшего эстафету — «Оставьте спички себе, у нас есть еще... оставьте, оставьте, вдруг кому пригодится!...» — улывающего в законнную мглу из нашего взгляда, когда мы бросаем сумку на истергую скамью, откидываем голову на спинку, успокаиваемся на десять минут — кажется, оторвались!... — так уже который год, которую ночь убегая от Тебя из одного Фарсиса в другую, ибо знаем, что Ты — Бог благой и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый, и сожалешь о бедствии, — и бежим, бежим, некогда побриться, поспать, петляем, меняем маршруты электричек, вскакиваем на ходу, и над ночным летящим вагоном летит, робеет, возвышает замирающий свой голос мягкая птица, дымяная прима, углая ласка — печальное, недогловечное, исчезающее в ночи, мягкое, слезливое, маленькое богословие Окуджавы.

Наша вера слаба, и мы боимся, Господи. Поэтому мы и не прислоняемся, не держаем чистить эту надпись в прокуренном тамбуре на дверях иначе как Твою заповедь — не

на муку нам данную максимум, но материнское правило безопасности для беглого сына-недоросля — боимся выпасть во тьму внешнюю: каким, каким Ты обернешься там, в настоющей, ненарисованной, неплюской до головокружения и умирая, жестокой, невероятной, полной волчьих ветров жизни! Кем, какими — станем там мы! Нет, мы не готовы, мы хотим жить, выжить, мы будем предохраняться. Мы оставим талые силуэты своих ладошек и свои инициалы на изморози этого стекла, мы, задумчиво медитируя — как бегут, не погружаясь вглубь, воломерки — над Твоими присутствиями, будем скрестить краску монеткой, и от надписи останется краткое СЛОН — мы живем в этом бегстве, прими нас бегущими, Наша Жизнь, Наше Всё, Господи! пройди, повернувшись к нам спиной, скрыв сияние Липа Твоего! Слово СЛОН — мы так любим добрых, сонных, неторопливых слонов, мы их любим с детства, они для нас символы тепла, силы, заботы и вежества, — и ежели встанет вопрос, что если кит на слона налезет, то мы проголосуем за слона, киты Твои нам чужие, Господи!

Мы едем, мы убегаем. Карта расстелена на коленях, папелен отлеживает маршрут. И с Тобою, Бог наш — только до тех пор держаем мы говорить, пока Ты остаешься там, за стеклом, снаружи, стремительно сопровождай проводящуюся в ночь электричку.

19.02.2008

Жертва вечерняя

...и вот он снова какой маленький стал, этот мир, сжался, выцветился прожектором, а там, за кругом света — дыхание хтонической тьмы, будто и не сотворилось ничего, кроме этой ночной кухоньки два на два, потерявший длину, места как раз на нас двоих. Стоим друг напротив друга, так близко, так далеко. Я смотрю на него, он на Меня не смотрит, губы сжаты, в основании горла сухо, слез, этих сопель души, не предвидится. Он молчит — и Я молчу. Ну что же ты? Скажи что-нибудь! Нет, молчит, никак не соберется с духом. Молчу терпеливо и Я — источник всяческого терпения. Вот такая у нас молитва.

Собственно, думы его затаянные Мне и так видны. Главная дума, которая клубится, не решается оформиться в мысль, выйти на словесный свет — о покаянии. Надо капаться в гордости — ну, это поддела; а раз капаться — надо просить у Меня смирения, а смирения просить ему страшно. О, как Я его понимаю! Как Я понимаю, что и он Меня понимает в этом смертельном, жгучем, рвущем основании жил, выворачивающем скрепы самостояния, вопросе («вопрос», «проблема»!.. как скуден, слпощен, неслеп бывает язык!..) — прошло уже время, когда он считал, что смирение дается так: в иконописном софринском позолоченном пространстве, в правом верхнем углу, раскрывается лазоревое окошко, в обрамлении облаков и дучей, оттуда высовывается благоветливая Рука, безбольшо вынимает изнутри гордость и вылагает розовое, чистенькое, пахнущее, как напоенная поролоновая губка, тишиной и речной свежестью смирение, надо лишь правильно расположиться и аккуратно водздеть вверх сложенные поуглараллельно просящие плоские коричневатые ладошки, — нет, так не бывает, даже в раю у Меня никогда не было так, а уж здесь-то и подавно. Он, родной Мой, болезный Мой, уже знает: попроси смирения — и я должен буду оддать Его жизни, этой гопнице с белыми глазами, с толстыми сплюнявыми губами в семечковой пше-

лухе, чтобы она унижала его, била ногой в пах, мочилась на разбитое в кровь лицо, высмеивала, дьшла пивом, самое заветное, отстегивала почки, отбирала посылки, дрочила на фотку жены, тоняла выносить свою вечно переполненную парашу, опускала как могла, — нет, он, гордый, смиренно не просит смирения, боится, знает, что может не выдержать, ни в какие силы свои не верит, и о, спасибо тебе, Мой маленький, что не просишь! Смирняюсь и Я перед этим Твоим смирением, смирняюсь с облегчением, что и сейчас ты не скажешь: «Папа, убей меня!» Хотя бы с тобой, но Я избегну муки Авраама, нет, еще горшего, ведь в этих терниях никакого запугавшегося ягненка не сыщешь. Спасибо, родной мой, что молчишь об этом, что пожалел и себя, и Меня. Может быть, в другой раз, когда оба соберемся с силами. А может, Я что-нибудь другое придумано, Я ведь Премудрость, только вот сейчас, в самом деле, молчи об этом, а что вижу насквозь твое тайное, невысказанное, что знаю обо всем — ну, этого, как родится, Я не дам тебе понять ни единым из знаков.

Ну что, спать? Да нет, просто так мы не разойдемся, знаю. Ну, дай мне хотя бы что-нибудь небольшое, второстепенное — хотя бы одну из твоих болбочих забот, которые ты там прячешь за спиной. Ну? Вот так, вот так!.. давай сюда. Ну, вот и хорошо! Видишь, какая она у тебя — совсем ты ее заморил: перья сорные, тусклые, вши всюду; глаза в пленке, клопы судорожно раскрывают, а это, желто-красноватое, в разверстой лопнувшей груди, в напльвах гноя, мердает, сокращается еле-еле... Вот, Я держу, не бойся, не урони. Пусть побудет у меня. Знаю, что толком не будешь спать, будешь ворочаться, а чуть свет — приблещишь, попросишь оддать, ну что же, зато за ночь хоть немногую ее подлечу. Ну, или. Спасибо тебе, сынок. Знаешь, как мне она дорога, твоя маленькая жертва? Дороже всего, дороже, наверно, Самого Себя, со всею Моей любовью.

21.02.2008

* * *

Лыдинкой хрустит, март пророчествует
 Сиреневая звезда.
 Маленький город сонно ворочается
 За пазухой у Христа.

Спи, ещё рано, спи, Мой выстрадаанный,
 Суетный Мой!
 Скоро будильник взорвётся, выстрелит
 Новой весной.

Небо, как хлеб, разломим надвое —
 Синь, высота!
 Радостно с серых крыш закапают
 Кровь и вода.

25.02.2008

* * *

Как на золотым синё небе запоят —
 Так на серой белым земле откликнутся.
 Янка рваная из подзёмки —
 Пелагея напевная из маршрутки,
 А девчонка-весна
 На талом тротуаре пританцовывает.

Весна, девка шалава,
 С ранья постаревшая,
 Никому не нужна!
 Голос хриповат, сиповат,
 Волосенки крашены-перекрашены,
 Космы, косыньки, жидкие, жалкие,
 Под акриловыми ногтями — трязь,
 Земля асфальговая, льяная, сорная,
 Голый пуп, в пупе — железный твоздь,
 Детородки-придатки простужены,
 Брудки плоские, пшетоची,
 Стана вовсе нет, ножки кривеньки,
 Песня — мат-перемат, тоска неделячья,
 Стоит, в горло синенькое пропихивает
 Пиво колбочее, мерзкое,
 Надежду жгучую,
 Тулу вековечную,
 Март-сиверсень!..

Нет, стол, не на тот мотив повело,
 Ни плачи, ни пляски — не звучат, данот петухов.
 Ее не стилизовать.
 Никакому умнику не понять тайны
 Песни Песней — как
 Это цыплячье тощее лоно
 Может благоухать ворохами пшеницы?
 Что в ней, засранке, сернино?
 Кто там у нее пасет между лилиями?
 У кого не поднимется гранитный ноготь

Раздавить копошашеся крапивное семя?
Кто прекраснее тебя, возлюбленная Моя,
Ты, что виноградника своего не уберегла?

«Ай, тили-тили тесто,
Ай, неплодное детское место,
Ах, так-перетак,
Сифак да спидак,
Ай да Жених да невеста!»
Марг. Тень луны
На заплыванных, во вмерзших бычках,
В битом стекле, в очесах дня,
В оцепенелых очах светофоров, перекрёстках
Крестообразна.
Собачья свадьба
Окружила двоих, смерзшихся цепко
В отвергнутом миром союзе,
Ждет в вежестве и терпении,
Как палдины у трона, склонив выи, —
Как давно уж разучились вежествовать люди, —
И всегда кто-то из псов в честь молодых запевает
Невоспринимаемую спланными
Нюркину песню.

29.02.2008

Помонные песни

1

За мной, за мной, весёлый Ной,
Отважный капитан!
Веди кораблик заводной
Сквозь рифы и туман!

Грузи на борт свой скарёб скорей
С собакой и котом,
В дорогу трубочку набей
Душистым табачком,

Винца бутылку погрузи,
А то и не одну,
И сыновей своих возьми,
И верную жену,

И том стихов, и свет свечки,
И сладких снов ушат,
И тараканов, что в ночи
За печкою шуршат,

Возьми печалей и забот,
И умерших друзей,
И всех соседей, кто живёт
На улице твоей,

И город погрузи на борт,
Весь прах его и тлен
(Крахтит кораблик, но свезёт —
Вот только б не дал Крен!..),

И лет прошедших тяжкий груз,
И смерть, что впереди —

Возьми, покуда отвернусь,
В кораблик посади.

Скорей! А то Мой гнев придёт —
А ты в порту стоишь!
Что увезёшь — то пусть живёт.
Всё, что благословишь.

15.03.2008

2

Белая Христова птица!
Реет, веет, не садится.
Нет ей места для гнезда:

Всё —
Вода,
Вода,
Вода,
Вода.

Америка,
Европа —
Везде вода потопа.

Пенится вода-руда,
Под водою — города.

В городах — провалы тьмы.
Там, во тьме, струимся мы.
Мы не добрые, не злые,
Никакие, никакие,
Мы — не «мы» и мы — не «вы»,
Мы ни живы, ни мертвы...

Птица, птица, нас спаси!
Воскресенье нам снеси!

Птица плачет, птица мчится,
Птица на воду садится.

Кто по водам пойдёт,
Кто яичко найдёт?

Теплое, печёное,
Рыжее, прощёное!

15.03.2008

3

Душе, душе моя,
Душе блудная, утопная!

Аль не велено ли тебе было блюстися, сохранятьися,
На крутых берегах не игратися?

Не знала ты, тордая душе, сроду
Ни чину, ни броду, полезла в воду!

Не стыдилася отца-матери,
Не послушалась слова Божьего,
Заголив телеса, плескалась с девками,
С ефиопками, мавками-бесовками!

Вот лежишь на дне, губами стывлыми, голыми
Господу пузыришь-слезишь потопными глаголами:

«Беззаконowała, неправдовала, —
К Тебе, Рыбаче мой, из глубины воззвала!

Уж как я душа бедная, утопная, горячая,
От тины-ржы бухлая, воночая.

Позабигло горло мне взвесь-аллювием,
Конский влас язвит мне сизо лоно клювием.

Как в печенках моих червь поядает, не усыпает,
Зелена река-тооска не угасает.

Как терзают раки мои лядвевя,
Уж протешут меня полма-налвое.

Как сосал мне груди сом,
Шекотал своим усом.

Как и пили мои глазоньки пиввицы,
Как пилила сухожилочки пила-воддоросль.

Водомерка надо мною бег стремится в высоту,
Зрит меня в сраме и нагоге.

Ты услышь мой плач, сырой да худой,
Выуди меня золотой удой!»

А Господь по берегу похаживает,
На омут-стынь будто и не посматривает,
Соболинные брови все похмуривает,
Томит душеньку-слизь, испытывает.

А и Сам-то плетет сети шелковье,
Уду ладит снастную, крюкастую,
Уду ладит, ворчит-приговаривает:

«Вот уж как еще раз Меня да не послушаешь,
Как пойдешь без ума смеясь, купатися —
Вот годи! Тогда не пощажу,
Судом праведным тебя засужу,
Отдам тебя ужам — спекуляторам-сторожам,
Пустят тя по кругу, стерлядью дочь,
Разнесут костоньки на четьре волны!

Ну, давай, подплывай, хайло разезвай,
Хайло пузырявое, гнилой роток,

Лови в роток сталь-востёр крючок.
Крючок глотай, да не спрашивай,
На какого уловлю тебя, душа, червя,
На того ли на сладкого опарыща,
На Моё ли сырое кровь-серденько».

16.03.2008

Ленин жив

*Посвящается тексту, когда-то написанному
Юлией Скородумовой*

Анфилада мест ада
Бесконечна:
Ад огня,
Ад червя,
Ад мраза и льда,
Ад публичности,
Ад невыразимости,
Ад ложных иллюзий,
Сонмы адов, лента
Адского коридора восьмеркой мёбиусовидно
Замкнута на себя.

Его терзают в каждом. Каждого
В каждом терзает и он.
Осознания — себя, смысла, прошлого,
Чувствилщи злобы, мести, отчаяния, алчбы —
Ничего такого давно не осталось.
Но сам он странно,
Невероятно остался. Он еще есть.
И только в одном, из ряда бесконечных, аду —
Аду одиночества,
Случаюшегося раз в вечность, на Пасху —
Муки ненадолго прекращаются. Это
Он воспринимает как одну
Из наиболее лютых разновидностей мук. Впрочем,
О том, что это чья-то любовь и милость
Т а к его мучают, он никогда не думал: думать
Больше нечем. Но в аду одиночества
У него есть свой уголок, куда он предполагает
И на закопченной стене видит
Напаранную железом картинку:

Там (что это — «т а м»?), где-то не здесь,
Кто-то маленькая, роясь в маминном трюмо,
Находит облупившуюся октябрьскую звездочку,
Разглядывает ее невероятными, нараспашку, глазами,
Шепчет:
«Ой, мама, а кто это?
Это — Маленький принц? Помнишь,
Ты мне читала!..»

Облечь увиденное во что-то,
Дать имя —
Этого с ним не может случиться:

возможность творчества

Обитатели ада утрачивают первую.
Но Ленин жив. И что-то в нем плачет — двумя,
Трема обугленными слезами. На короткий
Миг Пасхи, не дольше.

Всё то, что успевает выплакать Ленин,
Аккуратно в сткляницу собирает,
Готовит к воскресенью и Свету,
Ангел-лаборант (ад перед ним — в микроскопе,
Мельче лобой элементарной частицы,
Но ангел зорок, и не дает пропасть со стекла аду.
И всякий раз немеет от изумления и радости, видя,
Как почти несуществующий ад кожигится, рвется,
Тужится и вопит, из себя выпускает
Черные, в сукровище и смраде,
Огромные, в тысячи раз адских ложесн больше,
Ленинские слёзы).

18.03.2008

Слава войне

Music: Гражданская Оборона, «Дембельская»

Мальчик спит. В детской
 Ветер войны, удачи
 Неподвижно шевелит тени.
 Волынка сна воев ратно —
 Марш «Чертополох».
 «Это богиня ратовици! это
 Большая Берта
 Зовет самца!» — опасно
 Гремя у целлулоидных костров,
 Перешептываются
 Туземцы войны: восемь ветеранов —
 Солдат равнозеленых,
 Бредок урсуе,
 Киндерсюриприз клоун,
 Пупс с маркером закрученным усом.
 Это их мифологии, смыслы.
 Их время побед, биваков,
 Научения милосердью над поверженным.

Мальчик переворачивается
 На бок. Волынка в ноздре
 Глуше, тише.
 Иконки на страже.
 В изголовье — св. Георгий,
 В золоте и аллом, бдит,
 Не дернется ли дракон.
 Весна, победа —
 Сорок мучеников
 Маршируют во льду.
 Даже св. Савва,
 Третий справа в шеренге,
 Поглядывает стратегом,
 На крещатой ризе —

Кресты как попоны,
 Многоочиты:
 Спи спокойно, родина-мать.

Ангел детской
 Подбирает с пола
 Деревянный меч — дерево
 Теплей, смертоносней
 Китайской пластмассы,
 Желтый полусвет розовым
 В ночнике напояет,
 Совершает небольшое,
 Доступное ему чудо:
 Зеленому пехотинцу
 Исполняет сломанное ружье (что, впрочем,
 Останется, как и всякое
 Настоящее, живое и смертное, чудо,
 Никем не замеченным
 В сером солдате
 Именуемого заутра настать
 Над детской, городом, миром
 Политкорректно ровного дня).

25.03.2008

Неолишкорректное

Конвой, прожекторы, дай.
Этап голубых готовят к отправке в рай
Мусульманский. Гурри
Перекуривают.

Наблюдения над простейшими

Амебы делятся
По национальному признаку.

Идеология

Ни один ребенок
 Не осмелился закричать правду, видя,
 Как крестным торжественным ходом
 По главной магистрали столицы
 В невыблемом уставном порядке
 Под цифровое пение невидимого хора
 Шествуют полые
 Златотканые крещатые стихари.

26.03.2008

Место спасения

Федору Свердловскому

Страшный сон видит иеромонах:
 Мегалолис наполнен
 Угольнолиловым дождем
 И голубыми.
 Упрутисе, скользенькие, одутловатые,
 На дыгушых, циркулем, ножках,
 Они — всюду,
 Тенями перебегают на фоне струящегося неона реклам,
 Визгливо хихикают, ёжатся,
 Голосуют на обочинах пульсирующих тротуаров,
 Спасаясь от дождя,
 Голубые протискиваются друг к другу в розовые
 Аккуратненькие пежо.
 Да что ж такое! полон город
 Этой пакости! Да где же вы, социально близкие —
 Бабки-колдовки, суеверные тетки-вахтерши,
 Воры, алкоголики, скинхеды, директора
 Инвестиционных фондов!
 Иеромонах отчаянно кричит —
 И просыпается. Бух, бух сердце. Господи, помилуй.

Скоро служить Литургию (запасов
 Муки на просфоры и ядовито-фиолетового
 Технического кагора, производства Бесплана,
 Хватит еще на полгода.
 Что будет дальше —
 Об этом иеромонах старается не думать:
 День настал — вот и
 Довлей, его злоба).

Единственное, к чему за эти годы
 Иеромонах так и не смог привыкнуть —
 Отсутствие молящихся в храме

(Хорошо хоть, всякий раз во время Херувимской
Из нор выходят
Обитатели пещи, двуглавые крысы,
Розовые, слепые,
Садятся в рядки, тонко, печально
Поют беззубыми ротовыми грами —
Хоть кто-то живой).

Иеромонах напихивает ОЗК,
Делает три поклона
У подножия ржавой железной лесенки, уходящей ввысь,
Осняет себя крестом, карабкается
И, с усилием сдвигнув массивный свинцовый люк,
Вылезает из бункера.

Господи, прости меня, грешного,
Глупого человека! Конечно,
И нынче в мире — то же,
Что и вчера, и третьего дня, и завтра:
Пепел,
Пепел от горизонта до горизонта.
В последнюю бомбардировку никто не выжил.
От города и монастыря — только, серые на сером, тени,
От братии — только поминник.
Собственно, вот же земля, вот — где-то вверху — небо,
Вот — данное мне место спасения,
Другого не будет, почва и подножие
Грядущего Твоего Царства,
Вот Бог и душа, вот и весь монах — но и все же,
Все же: ни единого
Самого завалившего ближнего,
Подлежащего возлюбленью!

1.04.2008

*«Лествица» преп. Иоанна,
игумена горы Синайской*

О ты,
Единственная из святоотеческих книг,
Устойчивая иконы!

Гляжу с содроганием: отчего
Все больше и больше человечков
Сыплется с тебя, лестница, вниз,
В отверстие ненасытное жерло?
Одни, ухмыляясь, говорят:
Ступеньки-то давно гнилы!
Другие пририсовывают вниз,
Над самым рядом акульких зубов,
Рыку, собирающую упавших в горсть.
И те, и другие — никогда
Не решатся лезть.

Книга-концентрат: сухая вода.
Не угрызть, но
Вполгне еще можно развести, один к одному, и пить —
просто
Добавь крови.

6.04.2008

Родительская Суббота

1

Кап, кап воск. Поют так,
Как мог бы петь

Отрубивший себе руку и вырвавший глаз
Одинокий пловец,
Тонущий в волнах бесконечной реки
Сто восемнадцатого псалма:

*исходища водная
изведоста очи мои
понеже не сохраних
закона Твоего*

Пловец уходит на дно.
И в ответ на захлебывающийся хрип
Свет, становясь Огнём,
Обрушивается за ним.

2

Батюшка, читающий семнадцатую кафисму,
Приподняв полы рясы, прыгает

Торчащее камешком посреди псалтыри,
на спасительное слово «Среда»,
балансирует на нем,

Переводит дух, прочищает козлетон, протирает очки,
Украдкой оглядывается через плечо,
как Израиль-беглец

На сухопутной морской тропе:

Вон они вдали, стройные воинские ряды!...
Может, вернуться? Накормят мясом, напоят вином!...
Но тяжкие воды, раздавшиеся пополам,
С грозным ревом уже смыкаются за спиной,

И батюшка, торопливо перекрестившись,
вынужден продолжать бег,
Поневоле, скачок за скачком, сильней и сильней
Веруя в Обетование.

3

Сто восемнадцатый псалом — самый в псалтыри длин-
ный, самый вздохоб, самая на пределе, на грани почти
истерики, почти хвастовства мольба, самый раскачива-
ющийся, заклинающий, самый как Стена Плача, а какое
она спасение — несколько рядов камня на камне, щели,
утыканные бумажками, глупые илпозии, копечные уто-
ванья! самый назойливый, настырный до того, что ска-
чущая эта торгланная речь, вперехлест, плотная целье сло-
ти, начинается расслаиваться, двояться — и точно, он уже
не один, уже эхо, и это уже не эхо, это уже Умоляемый
умоляет умоляющего: ну все, ну все, ну перестань, Я уже
не могу, Я не могу так больше, ну не рви Мне сердце, ведь
жива будет душа твоя и восхвалит Мя, и судьбы Моя по-
могут тебе, ведь ты же сам всё, всё понимаешь! И закан-
чивает Он Сам, Он один. Так и должно быть, и бывает
снова и снова: там, где замолкает человек, звучит рыдаю-
щий голос Бога, изнемогающего от любви.

6.04.2008

Импрессии

О. Якову Кротову

Мало кто из нас, базальтовых хорутвеносцев,
вострым не согрешал по временам любопытством
и чем-то вроде свербящей ностальгии,
мало кто тайком не нырял
в библиотеку Якова Кротова.

Руки его на всех, и руки всех на него.
Пластмассовая заноза
в благоухетливом, багровом, облом языке
томилетического постмодерна.

Густая смесь олта, перла
чили, кайенны,
горчица, хрен, чеснок (впрочем,
о чесноке не будем — не стоит
будить шифрные, скрипуче шагающие, давящие тени
верующих в силу протоколов
иглозубых, шилоносных
сионских мудрецов кровососущих!..)

Приправа? вряд ли, брате.
Ну-ка еще попробуй... а? приправа? то-то.
Нет, здесь — основное блюдо.
Две капли любви, послевкусие тмина,
зернышко чистой, яростной веры —
вот что не дает занести это блюдо
ни в одну из поваренных книг.
Прожигает язвой желудок? может, и так. Но это, брате,
тот редкий случай,
когда недоразвитый желудок не соответствует блюду,
не наоборот.

В Царстве Божием
мы его встретим

в его истинном виде:
маленький, светлогологой язвительный ангел
в одуванчиковой бороде,
в бирюзовых доспехах,
охотящийся зорко, острой свету
поражающий тонущих прямо в перикард,
вытаскивающий к жизни,
причиняющий боль ангел-реаниматор.

07.04.2008

* * *

Студия полна
Света, пыли.
Родами пахнет сырая глина.

Ученики лепят весну.
Обнаженную, крылатую,
Лепят, как водится, кто
Ангелом, кто — гарпией. Поправлять не стану:
Я стар, слеп, давно уже
Никто не зовет меня: «Учитель, учитель!..»
Дрожание псориазные узловатые руки
Не держат стека.
Присутствую статистом.

Да я ничего о весне и не помню.
Сиреневый жемчуг глаз,
Сыпь терракотовых веснушек,
Белизна перехода
Бедра и живота в дельту паха,
Хвойное руно лона,
Пророчества певучие
На воробьиной мусорной фене,
Полные влаги, пряни, солнца,
Лишенные, мнилось, смысла,
Веса, будущего —
О глупая, невозвратимая юность,
Пустое сердце поэта,
Дырявое, не умеющее
Складывать в себе
Диаголы вечной жизни! О, если б!.. —
Нет, ничего не помню.

Выйди
От меня, весна! Ибо
Я человек зимний.

15.04.2008

Нищие

...вообще говоря, порнография —
последний оплот человеколюбия в
современном искусстве...

Марианна Гейде, из ЖЖ

Потно, пряхотливо, грузно пляшет
В жуткую присядку,
Седые усы реют на полмира
Неизбывно полуночной
Деревенской корчмы.

Музыканты измученные свалили давно.
Собутыльнички испарились, слой за слоем,
Впитались, полопываясь, в пролитые лужи
Краснобурого солоноватого пива.
Некому хлопать в ладоши в такт.
Но пляшет и пляшет,
Не может остановиться,
Сшибая звезды, отчаянно,
Мучительно трезверей!

Бычья
Истерическая беременность: мнитса,
Что родовым каналом
Рвется наружу, прокатываясь,
слизистую перфорирю скрипко,
Многоослепоочитай, дезвистысчеггранная
Ржавая европейская еж-звезда.

Ужас, навсегда покидающий, испаряясь
В жидком азоте танца,
Рушащийся, коралловяющий, хрусткий мозг! последнее
Напоминание о человекем тепле!

16.04.2008

*Глобальное потепление,
предвещающее
огненную смерть вселенной*

Глухо ворча, тучи
Затягивают полнеба.
А это не тучи: это
Один, четыре, восемь
Тысяч, уже без счета,
В бой летят эскадрильи
Симонов Магов.

Соясь, сплетаясь, скалясь,
Устраивают в полнеба
Сизую камасутру.

Конец, конец миру!
Гудят, засягт солнце.

Мертва зенитная рота:
Все полегли герои.
Петр один остался,
Симон, сын Ионин.
По уставу, с поля сраженья
Уйдет командир последним.
Глядит в грозовое небо,
В гушу ратей бесовских,
Рдяные глаза прищурил,
Разъеденные солью,
Седые свет брови,
Молчит, каменьт скулы.

Ну же, Петре, ну же!

Но командир молчит:
Пусть полетят ближе.

(Радиа тшлетно вызывает:
«Берёза, Берёза!
Я — Ромашка!
Ответь, ответь Ромашке!
Прием!» — нет приема.
Петр обрывает провод:
Чем ты сейчас можешь,
Далекий соратник?
Радиа, отдыхай, спокойся.
Огненного испытания,
Посланного тебе, не чуждайся.)

Ближе, подпустим ближе.
За нашу
Сгоревшую родину.

Новая весна

Пришла, как китаец
 В пёстром спортивном костюме,
 С клетчатым бездонным баулом,
 Разложила манатки:
 Дешево, несердито!

Знаю, знаю — одноразовы
 Эти товары! Но все же
 Куплю-ка, научусь
 Радоваться хотя бы им (какое
 Забытое состояние — радование, какие,
 Давно не касаемые и пальцем, неподъемные
 Труды сердца)!

Куплю — все равно в мире
 Больше никто ничего не производит.

18.04.2008

Пророки

Дети, дети,
 Крапивное семя,
 Наследники, дезищады,
 Неразличимые, как предметы,
 Замыленному глазу судорожного века!
 Вы — пророки,
 Грядущие в мир, и здесь уже.

Пророки, позванные Богом
 В ночи по имени, посланные
 В дома ребенка, спешприемники, подвалы,
 В одинокие неполные однополые безотцовые
 бизнес-семьи,
 В тоску, заботы, сонтия,
 смерти, лютые иллюзии будней,
 В мусорное кипение городов.

Поколение пророков:
 Огчего, думаешь, этот
 Так зол, ненавидит и мать и бабуку и педагога,
 Огчего в тетрадах острое и кровь чертит,
 На кого в кармане
 Китайский нож выкидной носит?
 Взгляни: разве не блистает
 В этом профиле огненная ярость, ревность
 Или, коего ноздри
 Перепогнул смрад ваагов?

А этот, аутично
 ФМ-раковинами залепивший уши, во что смотрит?
 Думаешь, в миры травы, в недра
 Электронных бродилок ?
 Взгляни, взгляни в эти восхитенные очи,
 В зрачки, предела достигшие зренья —
 Не новый ли Иезекииль зрит Колесницу?

Или она, полутора лет отроду,
 В серой фланелевой, некогда оранжевой, рубахе
 На четыре размера больше, с приютским
 Номером, по подолу выжженным хлоркой,
 Чей шестиниственный аэлитный череп вытянут шипшами,
 Чей живот небесно-синё валут рахитом,
 Чей лик терпелив, хмур, всепонимающ,
 Чьи дни и дни — стоянье
 В клетке кровати, полированные попередин,
 Раскачиванье, оцепененье —
 К полноточии очнувшись,
 На каком языке она в неслышный,
 Собачий захлеб плачет? — на том же
 Древнем обессловеслом
 Языке скорби,
 На матерней жали брошенной малютки,
 На которой плакал в ночи Иеремия
 О городе, некогда многолюдном.

Или этот, еще в утробе
 Вписанный в прайс-листы фетальной индустрии,
 Нерожденным расчленяемый аккурратно, жадно,
 Ножницы в затвылок, отсос мозга,
 колдлапс черепа, кода —
 Думаете, кусок безымянного мяса? —
 Нет, антел боли
 Уже нарёк ему имя: это
 Захария, убитый заживо
 Между жертвенником и алтарём.

Четвёртая раса: подонки
 («Нет, представь — на днях взял
 В кредит мечту, уютную, уютбную, моего размера,
 Розовую, сбыточную! Несу домой — и что же?
 Тут в подворотне подонки!
 Напали, из рук выбили, глумились,
 Растоптали мечту в стеклярусную пыль, в ноль!

Их надо давить и вешать принародно,
 По телевизору казнь казять, чтоб друтим неповадно!
 Подонки, подонки!»).

Казнь-показ-наказ: так и будет.
 Чтобы не раздражали,
 На площадях вас побьют камнями.

Пророки, поколение подонков:
 Со дна, неугопимы, всплывают
 Пылающие глаголы Суда и жизни.

18.04.2008

Бах. Страсти по Иоанну

В дни Страстной седмицы,
 Когда Сына ведут терзать
 И угольная весна, вспыхнув, сторает в кокс,
 Отец, что Ты делаешь?

Отец!
 Что Ты делаешь!

Он от горя безумеет
 И пускается в пляс.

Основы,
 Силы, Престола — трещат под ногой
 (Конец антелогатрии, служению цветов,
 Тихим процессиям, девам!
 Ангельские свойства — смирение, оплакивание —
 плоше стали, безвидней
 Хрусткого календарного листка, скрюченного огнём).

Селые космы хлещут пространства.
 Пепел стгоревших звезд — дождём.
 Ревущая голова,
 Воспалённые белки очей.
 В мире становится нечем дышать: не остаётся места
 Ни чему человеческому, только
 Яростному антропоморфизму
 Невыносимо страдающего Отца.

(Ой, извини нас! Мы не хотели!
 Мы, слабосильные, и не думали,
 Что изловчимся извернуться
 И так по-заправдашнему пнуть Тебя в пах!
 Ну прости нас, прости!
 Он ведь Сам сказал, что Ты и наш Отец тоже!..
 Прости нас, слышишь, остановись!.. —
 Не слышит.)

Нет, больше нет сил это видеть.
 Скорей, скорей в убежище!
 Подоприте — вынесет дверь!.. вот так.

Да выключите вы эту музыку!
 Из всего Баха
 Оставьте одного человеческого Гайдна.

И шторы, шторы — зараза! никак
 Не задержать толком:
 Всё время расходятся пополам
 Сверху донизу.

21.04.2008

* * *

...А за спиной у еврея —
пустыня,
пустыня,
всегда только пустыня,

и след на песке пустыни,
заносимый ветром.

И. Кургулин

На реках Енисейских —
Тамо сегодохом мы с тобою, и плакахом,
И смеяхомся, и пояхом:
«Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся!..»

И еще наливали, и пели:
«Как на грозный Терек...», и про Волгу, Волгу,
И про канал Грибоедова.

И в самом деле: не все ли реки — река?

Такая весна, и берег, и ветер, и березы, и травы!..
И разведчики наши, пошатываясь хмельно,
Весело гнутся, видишь,
Под тяжестью грозда смолистого кедрового винограда,
Неважкими весельями стопами бредут по воде — теченье
На шивере немного сносит их влево —
И тоже поют
Песни Сионские, а народ упоённо зажигает на арфах!

И как не петь вас, песни, в земле чуждей, родной
до крови,
Ведь эта весна, эта поюшая Пасха —
И есть ты, Сион, золотой и ясный!

Наконец-то пришедший к нам в силе и славе!
Так за тебя — и чтоб ты был мне здоров! Держи яичко —
Ну-ка, ударим? Христос воскрес!

29.04.2008

Другой, не такой, как я

Абсолют Твоей свободы —
 Эти черные пустоты
 Там, где нет Тебя.

Но под жестью небосвода
 Есть и у меня свобода:
 Ждать и ждать, скорбя.

2.05.2008

* * *

Когда перед смертью
 Пикассо прощально
 Прохрипел в пустоту: «Модильяни!..» —
 Из райских дождей
 Беспашанное донеслось, звонкое:
 «Воистину воскрес!»

Там, в раю — капли, радуга, и эта
 Женщина с лицом виолончели,
 Верхом на кучевых кентаврах.

3.05.2008

Конец сеанса

Последняя примаса пивинизации,
Которую мы увидим на черно-белом экране —
Безобразная нежная извиняющаяся улыбка
Бориса Карлоффа.

Титров не будет: вырвутся на волно
Трясущиеся косые серые кресты, треугольники,
Цифры в атомизирующем порядке,
Обрывы, размывы,
Корпужекулы поплыва плавкой плёнки, —
Чувствуешь печево? попкорну подобны,
Трешат, набухают жаром,
Раскрываются, лопаясь горелой розой,
Навстречу, вот, приближающемуся
Судимые наши нутра!

И в спертый нуар кинозала
Дростный, пожирающий, перерождающий
Врывается цвет.

Без паники, зрители сумерек!
Вперёд, к выходу! (Контролёр
Обещал нам, что спасёмся, но как бы из огня,
Если сумеем сохранить среди пылающих,
рушащихся портьер, стен
Входные билеты.)

09.06.2008

Задремал в сквере над книгой

Вот за облаком мятое облако
Поплывет между сомкнутых век,
И на чёрную книгу Мамлеева
Умозрительный выпадет снег, —

С края жизни твоей, с края зренья,
Или с края скамьи, может быть,
Кто-то встал и уходит тихонечко,
Навсегда, чтоб тебя не будить.

03.06.2008

Vader—Meinhof—Wagen

Такую скорость
 Развил этот автомобиль на колыцевой автостраде,
 Что страшно, мощно, неостановимо
 Преодолея все ограничения
 И врезался в зад самому себе.

Пассажиры, по-видимому, насмерть — крошево плоти,
 Целлофановые обрывки душ.
 И дорожная служба ала шипит Тебе, Спасе:
 «Даже и не пробуй восстанавливать!..»

Вздыхаешь, но все же
 Открываешь ящик с инструментами,
 Вынимаешь резак.

Искореженный альфй кузов —
 Как прыничный домик (тесто
 Замешано на порохе, крови и гордыне:
 «Справедливости в этом сраном мире
 Никогда не хватает — что же,
 Папочка,
 Мы исправим то, в чем Ты напортачил!»),
 В потаенных комнатах которото
 Гензель и Гретель приняли медленные, сопоставимые
 Со скоростью света,
 Муки на зубах ведьмы Свободы.

20.05.2008

Гомовьясь к литургии

Эта книга — икона молитвы:
 В бархатных обложках канонник ночи,
 Выцветшим, как жизнь, полууставом —
 О нас с Тобой каждое слово.

Покаянье, прощенье, благодарность,
 Разновидные молитвословия витые,
 Правило ко Святому Причащению —
 Паче меда устам моим, Спасе,
 Обжигают, как воды Мерры,
 Живят, как черемуховый воздух, —
 Не отвертني моего поцелуя!

Улыбаешься печально, кротко:
 «Что слова покаянные множишь?
 Что в поклоне лба не подымаешь?
 Не ты ль Мое любимое чадо,
 Не тебя ли в муках родил Я,
 Не крестил ли кровью и Духом,
 Не твои ли грехи убелил как вóлну,
 Не тебя ли на служение помазал
 По святому чину Мелхиседека,
 Не Меня ли ты ищешь этой ночью,
 Не факел ли трещит в настольной лампе,
 За спиной — не тени ли стражи?»

3.06.2008

Человек-который-сам-себя-сделал

Сегодня о нем говорят: «Крутой!»

Он мошен, горд,

Стремителем, одиноком,

Наблюдателем, злом, умом,

Практичен, несоплив,

Справедлив, победителем,

Он хватается за круп,

Бьет лапой, валит с ног,

Ест эту жизнь, он сыт.

Строительством, яством, крепью, кровью

Мира — были бы невозможны, если б не он.

Он — тигр.

Он съел всех овец.

Одни шакалы остались.

Он стар.

Седыми вибриссами — в грунт.

В шрамах спина. Шакалы

Узят голодный круп (попробуй

Этим его удиви).

3.06.2008

V

Окна

1

взахиб замирая
постить в жолтом квадрате Живого Журнала
последние откровения ночи
рассылая как спам урби эт орби наутро
путем выстреливания в окно
распахнутое дребезжа скрипело нагужно
бумажных голубей
неудержимо старивающихся и множащихся в полете
солнце сквозь слёзы

10.06.2008

2

Сваровский написал письмо о Воздзянье

читаешь соглашаешься
но какая печаль

Тополя за стеклом промокшими машут ветвями
скребут карниз прячутся ли хотят ли лететь
тополя как и я

Кот в окне серый на черном
вырезан угольным стеклорезом
живая дыра
отвернувшись транслирует
твои слёзы в заоконный дождь

Склоняешься, пишешь:
«ветка тополя ты мой! идиолу ваала
не только гнулаь кланялась ты но и давала»

Тяжелая Библия в синодальном переводе
прочти без пробела:

Втор.: 28, 15

Втор.: 28, 54—57

Плач Иер.: 3,33

Положи книгу на подоконник
кот и не взглянет
он как и дождь
одинаков для праведных и неправедных

10.06.2008

3

Блаженная мати Магрона,
благослови!

и Магронушка благословляет
(глянцева софринская икона
на оргалит наклеена неплотно
вздуття лак блики)
по-архирейски двумя руками

сверху вниз
справа налево
а тебе это только зеркально кажется что
слева направо
по грехам, по грехам

по любви
и крестообразный переплет иконы
распахивается как окно сверху донизу

и в бетон врывается золотого
и лазурь вечной жизни

вечности без механических повторов скуки

вечности зрячей (как же

Магронушка на иконе слепая? канонически неверно!
в свете все зрячи! впрочем

сердцу понятно:

если слепота которая в вас — свет
то свет кольми паче)

туда туда

в окно! в раскрывающуюся стремительно
обратную перспективу!

В золотого и простора! (девушка

прянула вперед и вывесь только
жалобно заскрипело
колесо инвалидной коляски
не выпсывающеся в прямой угол между стеной и полом)

ничего! отныне
и до века — окно раскрыто
и Матронушка обещала
решить эту квадратуру круга

во имя ведь Отца и Сына
и Святого Духа!

скрипки под колесом морализируй бессильно
этой пинтус

10.06.2008

4

Весна жидкая прязь со снетом
по-Местному «шляча»

Поп по деревне с утра пьяный

Орет плачет

выхаркивает в низкое бревенчатое серое небо
неудобьсказуемые глаголы
иовски ответа възскует
жидкие жирные паглы
худ одулоловат испит иконописен профилль
матушка с ребятишками давно сбежали
прязный коробом подрясник как багрянница
в изломанных перстах —

Книга Книг

раскрыта на пророке Исае

«Ох в окно гляньте! наш-то!
Осстали воля Твоя! да будет ли край-то!
ох только владыка приедет — всё
всё будет рассказано! вот агпимей-то
Осстали да прости же ты нас грешных да и помилуй!»

Бегая крепкая старуха
столп и основанье прихода
член партии с тридцать третьего года
блпстительница неписанных канонов
староста Всехкорбященского храма —
— а и никого мужиков-то
похерено адово наследье
ушел остаток этого Израили
за синей дымной пенной
дудочкой шмурдяка-крысолова
в сизую сырую сибирскую глину
в чайные Аврамова лона
а вы здесь бабы хоть задавитесь
вам бабам вечное свое бабить
в бабьих руках-лопатах у вислых вымен
небесный наш Ерусалим нянькать —
захлопывает ставни
крепко тусто
крашеные синим

слепыми белёсыми глазами окон
в синь утра глядят избы
не пускают в себя отражают
внешнее: небо
попа възскующего Бога
летучий Божий на попе пребывающий огонь
животворящий смертно

плачут поскотины отороды паром исходят
вловствует земля стенает
еще одну весну до Весны пережить бы

«Вон вон к Степановне в ворота
зубится океанный!
не открывай бабы!
пог-алкаш хуже йоговых, хуже бактиста!..
ишь, бииниблею читат сволочч!
орет? проорется да перестанет
небось
Илию опять глашает»

11.06.2008

5

Окна ада зашторены, как сказано, изнутри

Мыкаешься асфальтовыми битыми тротуарами
шербогёными бетонными отмостками
под окнами этих сталинок
слабая полуплотная молитва
ищешь

отчаялась бы если бы не дождь
если бы не милосердие дождя
лыошего хотя и по эту сторону но всё-таки
желтые глухие безответные окна

вот опять небес чернеет высь

Вот вот вот он!!

милый
родной

я здесь я здесь
отзовись увидь ответь мне

окно на первом этаже
не зашторенное нарочно случайно

благодарю! свят дождлив
милосерден
промисел Твой Божел!

но
по ту сторону стекла вижу
отвернулся мучимый своей личной правдой
всоставшейся ему в жилы горла
насилушкой его в слух в зренья
на распятом линолеуме кухни

в аду никто никого не слышит
тем более мокнувших под дождём в закопье

нет!! Не задёргивай!!

АХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ

Проснулась

мокра подушка

дождь

дождь только похож

такой же

сиджу в серой постели невидяще под утро

сердце бух бух

как мало

(батюшка предупредил меня)

может

молитва праведника непоспешествуема

еще одна моя молитва

этой ночью там в аду осталась

еще одна моя единокровная дочка молитва о тебе

выкаханная с кровью

что же! — знаю:

на кладбище тебя нет
 мой приход куда я хожу не молится за самоубийц
 вижу тебя более-менее четко
 только во сне

— но
 этот дождь и эта моя любовь
 и Тот, Кто
 пробитыми дланями поддерживает её за плечи
 держит зонтик поправляет жакет
 Кто может под сырым дождём со мною
 каждую ночь —

пусть с тех восемнадцати лет прошло тридцать лет —
 и что
 вечность килою времени
 друг ни с того ни с сего
 прорывающаяся свисающая болочкою грыжею
 с потолка дней

словно вчера
 словно завтра
 знаю отвечу
 за скверную привычку
 гуляя в дождь заглядывать в окна
 первых этажей

знаю — отвечу
 Тот, Кто —
 даст мне
 слово о тебе
 любимый.

12.06.2008

6
 Мерцающие как марево
 или как струи дождя
 окна Виндовс
 оказались отверстиями в сердце человеческое

Слага Тебе Господи! что Ты
 вовремя это понял
 и приставил к Сети
 Ангела Своего

Внешне конечно
 этот пользоваться трехов не делал
 не трабил не убивал не насиловал
 не прелюбодействовал (другой жены кроме
 компьютера не имывал сроду)
 однако
 активного добра также не сделал —
 в социальных сетях в жж в аське целые сутки! когда там

Не то что теплохладен а и вовсе
 неизблѣван на вкус неошутим
 человек ли?! — искушает
 бес искуситель (совопросник
 приставленный для равновесья)

одно, впрочем:
 он всегда блюдя закон копирайта
 аккуратно на всякий перепост делал ссылки
 на всякую мелочь и если
 случалось вспомнить что-то
 утлое незначительное
 из своей плоской пустопопорожной жжизни
 личное только его

все равно перепекивал неподъемные пласты интернета
и не найди сылки плакал
кажся синим мерцающим окнам
не то чтобы бояна боялся
что-то врожденное, видимо
чистое

И Ангел Сети затаив дыханье
вот кгадет
на чашу весов эту
подгнившую виртуальную луковку-сеянку
ни в пишу не голную ни в грядку
разве что вот сюда

19.06.2008

7. Вознесение Тракля

скрипилье бухлые черные рамы века
решатай раздери
погосы насохших бинтов бритвой
замазку вырежи
впусти ветер
брусилковский прорыв ветра
великоросское ольнянное ура на реке Золотая Липа
взметнуло пух тополиных пьяных
стихотворений
в сарае Продека
укрылись остатки
ты спасал и спасал без передышки девяносто
израненных ветром тополей

сестра! никто
не молится за поэтов-самоубийц
ни болышая берта ни пушка авроры
перекликающиеся в духовной ночи
голосами масс
— поэты-самоубийцы
сами молятся за всех

или за мной, Маргарета!
окно отворено
мы примем лекарство мы перевяжем раны друг другу
мы отдохнем
в полной света ароматов мяты и валерианы
старинной нашей аптеке «У белого ангела»
на небесном Божьем склоне
горы Капуцинов

24.06.2008

8. Витраж в манере Иеронима Босха

Кровь мучеников внутрь земли всходит исходя
мукой молчанья
двуснастные свиньи
жвадала набивают бисером канонов
черные враны как угли
шипя раки преподобных обесели
пропессии тронов
безглазым гранитным мухам подобны
из-за чернильнозеленого горизонта
тяжко выступают в кольцах кишок по колению
в слизи в хрусте трут лапы о лапы
трещат ребра голп под пятою

медью воюют литары
 шетинами кабаньими стаяи хорутвы
 цепляют голосяют низкое маслянистое охристое небо
 кони педальные у волков тряпичных
 вырывают урча клоуца
 изолдранной багрянницы
 слюна гнилых кляков глад

Но ничто не повторяется дважды! и се
 Христе ныне
 Ты им не дался! голым
 сбросив ветхие одежды
 в буюю кишень макабрических
 митрофорных хоботычей жаб василисков
 — ять жмать кромасать драться —
 в какой Мать родила славе Духа
 взошел к Отцу! запечатлен вознесенным

И мы
 углые заплаканные израненные перекошенные —
 за Тобю
 кульями цепляемся закручиваемся
 толпимся балансируя медленно поддерживаем
 друг друга
 продвигаемся сквозь багровое наглухо
 вверх
 по головоокружительному лучу

не то чтобы луч золотой или белоснежный
 — в толще свинцового витража он никакой свинцовому
 миру —
 он прозрачен
 просто он есть разлом раскол
 трещина в жирном плоском толстом одномерном
 сопротивлении воздуха стеклу

мы уходим скрываемся в законной выси
 а через трещину победительно вступает
 судная весна в запустение храма

28.06.2008

Послушание

...красы, украинцы...
В. Набоков

Хлеб и вино и вода, и камень и грязь, и со звездюю
разнствующая звезда —
Их послушанье Христу и выпрямь превыше молитв
и поста.

Дождь и сирень, жажда и глад, ткань и уток и нить —
Дрожат, влюблены без похоти, заглядывают Ему в глаза,
торопятся угождать.

Стелется колыбелью суровый свод пещерных камней,
Золото, ладан и смирна гулят и гужают, попремушками
виснут на ней.

Чужа прилив озерной упругости в спинном хребте, вода
Лунной дорогой твердеет, шепчет: «По мне!.. сюда!..»

Радостной плотью печеной соясь, плодятся две рыбки
и пять хлебов,
И, исполняясь огнем, во дворец вина входит царица
кровь.

И даже смерть-белоснежка проснулася, заела,
заново стала быть,
В Кану на свадьбу отправилась архитриклином служить!

Радостно и безоглядно, в книжке, в брейке, в гавоте,
в валесе кружены, —
Светлое послушанье Послушному! ты — превращенье!

Что ж ты один, одинокий, единственный, берлый, ты,
коханый Его,
Что ж этой ночью бездомной не превратишься в себя
самого,

Зачем через волны дождя, сквозь тоску тебя запоздалый
троллейбус мчит?
И Кто там в кабине водителя, мнится тебе, на возглавии
спит?

А между тобой и святым послушаньем дождя — слепое
стекло, и глаз отраженья твоих,
И заповеди блаженств лилово пишет реклама в лужах
ночных.

Май—июнь 2008

Седьмой вселенский собор: реальность иконы

приложился к прохладному дереву
(позолота почти стерлась
видны коричневатые швы левкас будничная тленная
смертная

основа Твоего Царства
Христе)

вог думаю

свет Твоей славы — золотой
или это деревянное золото — свет Твоей славы
хоть так хоть так! я
с Тобой
Золотой Мой

25.06.2008

Сердце яйца

Виктору А.

По представлению древних,
Мир — это яйцо.

Сокровенная тайна яйца.

То — древние. Для современного человека
В мире нет тайн! Облупивши,
Слой за слоем снимает:

Слой большого и сильного ветра,
За ним — слой велия труса,
За трусом — огонь бурен.
А там, внутри — игла
Хлада тонка.

Обнаженная,
В пальцах отяжелела.

Эй, богатырь, осторожней!
Не урони — сломашь,
Держи, коли извлек! В ней —
Жизнь Бессмертного!

И вот, жалкий, уронить боится,
И некуда положить — нет ничего вокруг, всё развято,
Из последних силенок держит, дрожит от напряжения,
Плачет, переминается, пошатываясь, на месте,
То и дело
Хрустя красной пасхальной скорлупой, разбросанной
в пустоте.

12.06.2008

Заболотный

Это был святой, которому
Проповедовали птицы.

Скромный, печальный
Советский святой
В душе, как в пальто, застегнутой,
Теплой,
Непроницаемой для небесного ветра.

Когда она взвивала полты, рвалась
В горнее,
Он успокаивал: тише, тише,
Пища, пища!..

Кто, сказано, хочет из вас быть первым —
Будь всем слуга.
Вот так и он: слуга
Умиранию роши,
Ливням навзрыд лета,
Старению реки,
Тревогам сирени,
Воробьиным фабричным мечтам народа.

Потрогал звезды, перебрал миры — и осторожно
Поставил на место: не время.
Человек-колодец: все звезды внутри.
Чтобы увидеть их в знойный полдень
Двадцатого российского века,
Надо медленно, осторожно
Спуститься поглубже и там
Ждать. Искусство ожидания.

Его просодия позднего периода
Не вершина — ступенька.
Крашенная, дачная, нагреты плахи,

Седой олуванчик шели крыльца
прободил своей сталью,
Трава двора, облако, тень, котёнок.

Крепка, широка, не скрипнет.
На такую не страшно
Стать босыми пробитыми ступнями
У двери, и стучаться.

13.06.2008

Факт боли

- Как... ты себя чувствуешь?
 — Хорошо! Всё хорошо.
 — Но... операция?
 — Знаешь... я там не была.
 — Не была!..
 — Я просидела на лавочке возле Автобусной остановки.
 — Что, весь день?.. но почему?
 — Потому, что пошел дождь. Дождь.
 Из-за дождя,
 Благодаря дождю,
 Слава дождю! —
 Я не пошла туда.
 Ну что ты так смотришь, зайинька?
 Пошёл ласковый дождь, и шел весь день.
 И я была под дождем. И поняла:
 Операция мне не нужна.
 Раз такой дождь
 Ласковый.
 — Но твои боли! Как же Боли?! Ведь последние полгода у тебя такие Боли! Ведь боль — это факт!
 Как же с болью?

- Ну что же, что факт. Ласка дождя —
 Тоже факт, и какой!
 Посильнее, чем боль.
 С болью можно жить. Я буду с ней жить, раз есть
 Такой дождь.
 Ты понимаешь?
 Я буду жить.
 Ты будешь жить, мы
 Будем жить.
 Он осторожно
 Взял в свои руки её исхудавшие руки,
 С обгрызанными до мяса ногтями её руки,
 С болтающимися обручальным кольцом на пальце,
 И поднес к своему лицу. Неловко
 Она пошевелилась — и на пол с дивана
 Упало маленькое, синенькое, странички из папиросной
 бумаги:
 Новый Завет, тот самый («Христес! Прости
 Меня, идиота!..»),
 Они одновременно посмотрели,
 И он видел, что и она теперь видит: Этот
 Третий —
 Больше не лишний. Наоборот. (Дольше
 Смотреть ему помешали слёзы,
 Мутные и жгучие и густые, как разрешительная молитва,
 Типичие, как долгие его просьбы: «Сделай
 Хотя что-нибудь!..»,
 Пряные, долгожданные, как дождь,
 Дождимый Тобою, Христе, на живых и пока ещё
 мертвых.)

25.06.2008

Лития

День испаряется в кадилге
 Латунного литого полдня,
 В белесоватом торнем мыле
 Орарь как дьякон коршун поднял.

Понима пляжным зноем зыбким,
 Жизнь изошла бензинным чадом,
 Тупою б́ухая музыкой,
 Из города по автострадам.

И город, трупом утомленным,
 Лежит, в поту лучей купаюсь,
 Величественно, просветленно
 К суду и свету приближаясь.

На глас шестый воспой скорее,
 Сопроводи благословеньем
 В начале новой мениппеи
 Всю эту память, это гленье —

Жесть гаражей, от солнца пепих,
 Бычки недосмоленной веры,
 И сланец, сплющенный в побеге
 До сорок третьего размера.

7.07.2008

Бесконечный июльский день

1

...Успшите дети, крепко ли вы спите?... — ага, как бы не так!

Усыпи-ка их, где там.

Шум, возня в детской, скачут по кроватям, битва подушками, перистое и кучевое белое — под самый потолок! «Ох!.. ну, так и быть, все равно не спите!.. но — только на это лето, а потом — спать!» — Бог включает им яркий свет, превращает летучий подушечный пух в кутпы, караваны, поля взбитого мороженого, — и прямо из кроватей, кто рыбкой, кто солдатиком, а кто и так, в голенастую детскую неуклюжую раскоряку, со смехом ныряют вниз, в облака ванильного, лимонного и ромашкового, в яркую июльскую голубизну.

2

...Водосвятный молебен перед Литургией. Утро еще не жаркое, но воздух уже начинает дрожать. Город-отпускник, сонный, нежится, потягивается, но храм полон.

«К Богородице прилежно ныне притецем,
 Прешнии и смиреннии, припадем...»

Мама, умой детей!...

Священник медленно, ровно идет вдоль рядов прихожан — жмурится, подставляяют лица, малыши радостно подвизиваются от нетерпения — кропит не торопясь, внимательно, но, похож на садовника, любовно опрыскивающего, поступающего деревца в саду, осматривающего листья, нет ли гни, — крестообразно, мягко рассекает воздух Крестилом, капли не успевают осесть, а воздух наполняется

новыми и новыми, — плотнее, плотнее, воздушнее! радуга! — животоворящая поющая вода, перемешанная со светом и свободой, среда обитания любви и вечного веселия.

3

Возраст, возраст... макушка лета — скоро побалансирует, помедлит, да и покатится солнышко в осень...

Плядь — а кто это там спит в траве при дорожке, на самом солнышекке? кто не боится упреть в июльском мареве? — а это моя жизнь, как пожилая Ассоль, спит крепким размазанным сном. Красный лоб, пористый подбородок мешком на ключицах, чага белесой бородавки — всё в капельках пота; вислые мужские груди, расстущие из ши-роких, как у борца сумо, веснушчатых, дряблых, с белесоватыми перепонами у подмышек, плеч, расперли тесный линейный ситец; тройные, четверные валы на боках дружно текут в залив так и не родившего лона, на взгорья бедер; ностальгической картой былого, хоженного, стертотой на стибках, раскинута на икрах варикозная выпуклая сеть; муравей путешествует желтыми трещинами обитых подолшв; сквозь седые кудряшки редких волос сквозит прозрачная плешь; и колыво, глубоко вросшее в разбухший безымянный, прободали-оплели стебли ржавь-травы и нечучя, корнями в придорожный донный дерн, безглазыми головками — в медную высь...

Так это ты... Постою да пойду дальше — путь неблизок. А ты — спи, моя золотая, под алым парусом полдня, не буди тебя до поры до времени Божий гром среди ясного неба.

13.07.2008

Из цикла «Песок и солнце»

1. Gene ampons

как странно
как волшебюно
встретить тебя на одиноких ночных улицах
этого города

верблюду
узловатый коленчатый
медленный
саксофон Бога нашего

22.07.2008

2. Eddie «Lockjaw» Davis

ночная френдлента

рифма к слову «Цветков»? —
«сен-сеньков»
«макаров-Кротков»
дажеезде

.....

немного не то но
как живоительно
несовпадение

невидимые поэты! наш век
слепившие из песка
неторопливого сакса
струи дождевых

22.07.2008

3. Flip Phillips «Love story»

осторожно! не наступи:
саксофон
пьян в слизь

в жалкий пытающийся приласкаться затихающий
всхлип

и так много ночей подряд

механическое повторение
снова и снова пока
не вырубится память

ночь не нежна: пылающее светило слепит
бесконечными барханами осыпаются шурша вниз
золотозеленые мертвые змейки ноты
расчлененной любви

пьяницы-саксофоны
Царства Божия не наследуют:
их там у ворот поутру подбирает
посланый заплаканным Богом
ангел-реаниматор

24.07.2008

4. Jean-Pierre Rorive

о алыг! так
чешуйчат блестящ так
змевиден
такой изгиб
что вот ныне
сам гугнивый Бах-Боговидец

вознес тебя медного на столб органа
посреди пустыни века
в последнюю отчаянную попытку
спасения многих

славословящая глотка
отверзтая в небо
в силы престолы
господства

лужёная молитва
сияющий расстроб
народ не отводи взгляда

24.07.2008

HATAH

Наман едет в поезде

Как покинутый оккупант Натан в этой стране!

Тадам-тадам — стук колес короток, ночь длинна.

Сквозь родину как сквозь песню — километры, поля,
поля,

Воробья сажка, дымы, шестина рош,

Надрыв географии — ветер.

Чернота отдает сиротством и лизолом.

Плашкартная полка коротка — не вытянешь ноги,

Досуг тлущ, давши —

«Боже мой, что сотворю!» — и Натан

Выходит с мужиками в тамбур.

Вся жизнь этой страны — в поездах, а душа жизни —

В тамбурах поездов, в страстных,

Необязательных разговорах,

В слепых огнях папиросы.

Натан пил вместе с ними,

Тошную водку продавливал в желудок,

Запевал, плакал, неверными руками братался,

Открыл книгу Ктувими: Эйха — зачитывал

Этим людям, о чем плакал Йермиагу —

Об одиноко сидящем городе, некогда многолюдном —

И плакали все.

«Где ваша вера? — ликовал Натан, кашлял,

И слоистой дым, вязок, качался — тадам! — на стыках, —

Ваша вера — рабство, грязь — ваше счастье!

Свиное сало зовете вы смиреньем,

Поканьем — вот эту вашу хвастливую водку,

О вы, необрезанные сердцем!»

Главы «Натан едет в поезде», «Натан принимает сан»,
«Натан и я пьем вечером чай на террасе», «Еще один сон
Натана», «Натан оборачивается к прихожанам, чтобы их
благословить» и «Натан идет на прогулку» публиковались
в сборниках «Зеркальце» (М., 2007) и «Приношение»
(Абакан, 2008). Остальные публикуются впервые.

Слушали, ухмыляясь. Потом — били,
Весело, подвесили с гаком: «Ах ты!..
Нна, нна!» Тадам, тадам.

Натан повел шеей, разлепил веки. Уставил руки
В пол, подтянул тело, оскальзываясь на мокром
(Спона, зараза, густа, прилипла,
На губе висит — тадам! — качаясь),
Слушая боли волны тупые, замер.

«Эй, Боже, не спи! Твоя Шехина во мне страдает!»

И Шехина в ночи к Натану сходит,
В тамбур войдя, верного утешает,
Оттирает слизь, кровь прохладным покрывалом.
«Боже мой, дай же мне сил, ярости, жизни!
Я не могу жить среди них, Боже,
А они не хотят умереть со мною,
Огонь и серу на них, огонь и серу! не медли!»

Шехина не отвечает,
Вздыхает тихо, поворачиваясь, уходит.

«Эй, куда?! — страшное подозренье!
Неженск профиль сутулый, в руках дыры, —
Кто ты?! А ну стойть! Стоять, сказал! Руки,
Руки! Повернись, открой покрывало!
А ну скажи “шиббогет”!»

Уходит, гает. «Не может быть! — неподвижно
Замерев на коленях, Натан смотрит, — быть
Не может...» — смотрит в место отсутствия ушедшего,
уже пустое,
Но полное света.

4.11.2004

Натан принимает сан

Резиновым спиртом техническим небо
До скрипа вымыто.
На серых досках лип как нити — глаза.
Полынь и крапива. Сип: «Жид!..
Помои — с крылец: нищий приход,
В воскресную школу не ходят, скособочен храм.

Рукоположен и сослан!

Жара зияет, вечный
Иван Купала здесь — ворота приперли
И скалятся, бесенята! Богоносен
Ласковым матом коровенку нудит — утром
Приблудт сбиратели костей, скупшилки шкур,
Следами глин, перелесков рыша, сельцо отыщут.
Чем, зачем жив, пейзаини!..

Дом, брёвна. Золотой досуг потерян.
Ватными, волглыми пеленами в ночи укутан,
Дзвят комары, каменно ложе целибата
(Жена давно в Хайфе), в касе голо,
Свечной слежавшийся воск трачен мышами,
Обручальное кольцо и две золотые коронки
Перепроданы — деньги ушли в счет налогов
На содержание епархии, и неотвратимо
Ежевечерне тащится к пряслу единственный захожанин,
Сосед-совопросник, кашляет дымно, ехидно:
«Отец Натан, вот ты мне скажи-ка!..» —
И никто, никто не попросит:
«Бяпошка Натан, помолись».

Проснулся среди ночи: ох! Не сан был — сон
(Как зашлось сердце!).
Натан переворачивается набок, лицом поладает
В теплкое гниловатое дыханье жены нутряное,

Ночь шуршит, законные фары
 Сдвигают в спальне предметы, тени, —
 Скукоживается, плачет: зачем, зачем крестился!
 Вот теперь не боец двух станов, оттуда и отсюда

подстрелят!

Помоги, спаси — я мал, узок,
 Я бедный оле, а эта страна Богоносна,
 Но если б я знал заранее, какой Ты,
 Нести Тебя, тяжелый!..

Всхлипывает еще раз (слезы
 Натекли под щеку, впитались в перо подушки) —
 Ну что же, остается
 Быть стойким. Не зря они говорят про нас:

у них стойкость —

Замена святости.

11.11.2004

Натан и я пьем вечером чай на террасе

Отец Натан молвил; глубоко, трудью
 (Даже вздрогнул и заклубился
 Чай в олепневших давно стаканах, и мерлающие
 Комары смолкли):

«Да, они — добрые христиани! Но сильна отравя:
 Выбирая в святцах имена своим деткам,
 Так и не назовут никого из них, скажем, Давидом!
 Скорей уж назовут Аполлосом. Или
 Снандулей. Что же,
 Все равно я буду о них молиться».

«Свиное ухо».

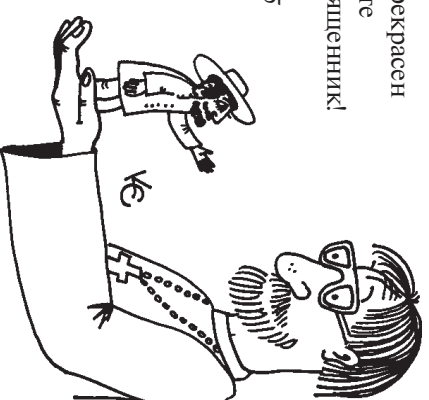
Прянув гневно: «Что?
 На кого это ты?! Повтори вслух!»

Латками я засучил: «Да нет, что ты;
 Это я на себя, на себя..»

Плетеный стул скрипнул; тиха терраса;
 Мы не произнесли ни слова.
 Грубый диалог помыслов, как комара, отгоняю взмахом
 И люблюсь сбоку:

Все-таки как огненно прекрасен
 В медовом русском закате
 Православный еврей-священник!

30.06.2005

Ещё один сон Намана

Злые пустыни — огромные города.
 Добрые пустыни — Крыши этих городов,
 Где молитва и ветер.

Батюшке снится сон:
 Под звездами на крыше молебен он служит,
 А серафимы ало пылают,
 И радостно подпевают херувимы,
 И весёлыми ногами припопывают престолы,
 И двигают танец
 Музыкальные силы, и златые помавают господства,
 Архистратиги стратиглаты архангелов созывают
 Трубой, и тимпаном, и туслей
 Построиться в лики —
 «Грозна ты, как полк со знаменами!» —
 И ангелы-почтальоны летают,
 Бандероли с подарками разносят,
 И Сам Господь Сил,
 С трона наклонившись, смеется:
 «Эй, налейте нам кубки,
 Да набейте нам трубки!» —
 Час веселия и на Голгофе,
 Там, где кровь, расцветают розы,
 А сериозные бесы
 Прячутся, негодуют: растопались, как слоны!..
 Позор, бесчестие!.. визжат по мобильным телефонам,
 Требуют санкций начальства,
 Но молчат телефоны: тот, кто убийственно сериозен,
 Сам молчит, раздавлен и связан
 На тысячу лет, пока идёт веселье!..
 И сирень вламывает бетон, стремясь к звёздам.

Впрочем,
 В золотом и синем сне Батюшки есть что-то

Шагаловское. Известно, что сие —
 Не вполне ортодоксально,
 И Батюшка во сне, переворачиваясь, вздыхает.

Батюшка благоутробен. Его харизма
 Выпукла, охряна, лимонна,
 Как свежечеченый хлеб.
 У него — восемнадцатая деток.
 Многие в бесчеловечном городе
 Втайне Батюшку любят,
 Но только продавцы винных отделов
 Знают всю правду о нем (но только —
 Правду! истинны
 О нем не знает никто, кроме Истинны).

25.10.2005

Наман оборачивается к прихожанам, чтобы их благословить

Они стоят монолитными рядами.
Свинцовое смирение в их глазах.
На Литургии их — триста, но
Только двое достойных подходят к Чаше,
Остальные — молчат каждый о своем.
«Христианство должно быть духовно!» — говорят они,
Когда им предлагают накормить вдову и сироту.
Но коллегии плесневелых проффор у них в красных
углах,
Они ненавидят чужих,
На их площадях —
Мокошь и Род во весь рост,
Навь у них — во всю ночь, они мажут
Деревянные губы салом, к подножиям льют обрат.

На досуге, перед сном,
Солдатиков из картона вырезают они,
Расставляют полки на серых простынях,
Ведут войны, течёт бумажная кровь.
Армии двух цветов:
Чёрные — это евреи, народ священичества,
Красные — это наши, народ попов.

27.10.2005

Наман идет на прогулку

Который год в Крещение отгепель! Право, мнитесь:
Последние времена грядут!.. впрочем,
В этукую пору — с крыш каплет —
Самое время прогуляться.

Отец Натан, выйдя из переполненного храма,
(Дышат в затылки, стук банок, хруст пластиковых
бутылок),

Двигается окраинным переулком.
Навоз, вмерзший в колеи, курится, шалое солнце, ветер,
Иордань перистого неба,
Птичья буриме, полы расы волглы —
Идёт, держась, как в бомбежку,
Подветренной стороны; и недаром:
Навстречу, другой стороной переулка,
Пролуливается общественный Натанов недрул,
Высативает, век бы его не видеть,
Редактор ультраправой газетки «Доколе»,
Председатель городской ячейки Национал-Единоного
фронта,
Пропагандист «Русских вед» и праарийства,
Лев Моисеевич Голосовкер
(Урожденный, как гласит предвыборный ролик,
Полушвел в одиннадцатом колене).

«О Господи! Сейчас начнётся: “Чесноком запахло!
А, презренный выкрест, пятая колонна,
Семитский волк в овечьей расе!
Ну как вам, ваше претоплобие, айво до зоро —
Чужое служение? Много ли воды насытали
На продажу суверным старухам?
То-то будут рады
Ваши братья по ложе! Ликуй, мировая закулиса!
Растлили страну, развратили белую Гардарикку,
Продали Курилы японским евреям!..”» — отец Натан
Убыстряет шаг, — «Ну вот, остановился!..»

Содрать бы с тебя, Голосовкер, казачью папаху,
Обнажить бы твою парухатую полушвейцкую черепушку,
Сокрушить бы

Двух-трех гнездящихся тамо эмиев!

А лучше — содрать бы галифе, да розгу!..» Голосовкер,
Помедлив, молча проходит мимо.

Отец Натан устыдился было вслед: надо же, осудил

с ходу! —

Но при слове «розга» вспомнил березу: да,
Береза. Вот ради чего он ушёл, не дождавшись
Конца молебна. Вдыхая,

Отец Натан вытирает пот под ондатровой камиллавкой,
Вытирает пот. За другим поворотом
Скрывается змеиный Голосовкер.

Солнце млеет, пьян и по-весеннему ласков
Сиреневый, белозубый,

Сорвавшийся в самоволку ветер,

И так пряно кривы переулки в торожке в полдень,

Что оба, шедшие вроде бы в лоб друг другу,

Вдруг встретились — там, куда пробирался каждый:

На кладбище, у старой, угольно-розовой берёзы.

Потоптались, друг друга как бы не замечая,

И — куда деваться? — пристроились у корней, на скамейке,

Под вечнорусской березой.

Утихли оба. Голосовкер курит,

Отец Натан молится без слов, крошит синицам печенье.

И все пустоты нашего ада, мнимости нашего рая,

Пристрастия, беспристрастности, прошлое, будущее, —

Да есть ли они в этом настоящем,

В этом сияющем полдне,

Когда январь вырядился весной,

Когда у Бога на небе праздник, а у зимы — отпуск,

Когда есть родина, кладбище, снег, береза!

Отец Натан любит это место

За его вечность. Лев Голосовкер

Тоже любит втайне — просто потому, что любит.

9.02.2006

Натан участвует во встрече архиерея

Кипы свеч не треют, горят грузно.

Ожидание неимоверно. Храм пепенсеет.

Дверь в притвор распахнута настезь,

Танет сырым предзимьем. Зябко

Угннув кулаки в рукава раски,

Натан невидяще глядит под купол,

В уме продолжает

Письмо шурину, и ласточка мысли,

Пробив плотный,

С нарисованным пристальным Тетраграмматонном,

Купол, попадает

Сразу туда, в жару и лазурь Галилеи:

«Не хвали мне свой кибул, Лева!

Знаешь, деревенский мальчик,

Попроси его нарисовать марсианина, нарисует

Все ту же корову, только что воображенья

Хватит раскрасить ее в зеленый.

Так и ты, мой милый:

Лагерь, лагерь, как есть лагерь!

Так ты в него врос, уж прости, Лева,

В червонец свой знаменитый неразмennyй,

В лабиринт памяти твоей океанной,

Что и там, в Галилее, как в Каратанде все устроил.

Ради Христа (ох, прости), ради всего святого,

Пожалей хоть мальчиков и Фано!.. ладно, ладно, не буду.

Но меня не проси, я не приеду:

Я не любитель трудиться строем,

С меня хватило лагерей пионерских.

Поверь, деловщины мне и здесь хватает,

Чтоб я ещё ехал к вам иметь это счастье.

Какие вы там все же до сих пор советские, Лева!

Не зря вас Бетгин терпеть не мог в свое время.

Знаешь, сейчас я...»

Гулкий колокол задрожал, расплылся.
 Еще, и еще. И встел, не дождавись
 Сорокового удара, мелкие торопливо,
 Взахлеб грянули, пошли вприсядку: едет,
 Едет! Зашевелились
 Казачьи пеши, из черного джипа неужложе
 Заспанный выбрался мэр, за ним — его секретарша,
 Староста поудобнее перехватил
 Поднос с рушником-хлебом-солью
 Посиневшими на холоде дланями,
 Настоятель вытер пот под камилавкой,
 В последний раз, тоскливо и мутно,
 Оглянулся на сонм духовенства,
 Выстроенного по ранжиру вдоль ковровой дорожки,
 И выступил вперед, держа перед собою
 Крест, как держат
 Старейшины, изнемогшие от гора,
 Ключ от города, победителею подносимый.
 Едет, едет! Натан торопливо
 Ухватился за золотую нить, устремленную в купол,
 И втянул ласточку обратно.

Натана толкнули слева, справа,
 Строй злещеных, маститых протоиереев
 Качнулся, сломался; защител басом
 Кирпичнорумяный, пеньковые локонь в скобку,
 Секретарь епархии, председатель
 Местного отделения могоушественного
 «Союза хорувеносцев»,
 Повел очами, ткнул великоросским перстом в Натана:
 «Э, кто там... э, ты, отец!
 Быстро в алтарь, принеси митру!
 Да не туда, блин! Ты что, тупой?!
 Куда, куда по орлецам!
 Быстро, отец, вон там обойди!» Натан,
 Наступая на полы рясы, бежит в алтарь
 (Ступени вдруг выросли в челоуический рост,
 Сердце остановилось в низу живота) — храм,
 Понимающе осклабясь, глядит

Ему в спину, один взгляд на всех,
 Братья и сестры, овцы и волки, весь приход,
 Все наши (кто не был — тот будет,
 Кто был — не забудет), весь этот
 Новый Израиль, народ книги —
 Платонова, Нилуса, «Розысканий» Дадя
 И тысячестраничных Марковых глав...
 Шпирутены взглядов, плотный строй вдоль ковровой
 дорожки —
 Лагерь, лагерь, бедная моя память,
 Чахлые сосны, ржавая колочка поверх забора,
 Пионерское лето, подряд два сезона этой муки,
 Играт в «стенку», спинами плотно вдоль коридора —
 Жгут. И вот входит тот, кого ждали,
 Тоший, большешухий, в тесной синей пилотке,
 Узлом завязана потерявшая эластичность резинка
 В вечно сползающих с мосластых ног шортах —
 Со слюной восторженный шепот: «Гля, ребя, идет!..
 Мать сказала, что он — жиленок».
 «Кто?» — «Ты чё, дурак? Они Бога распяли,
 А потом Гагарина в космосе отправили...» —
 Дружно, захлеб смеются —
 босоногое, залиvistое детство! —
 Толкают от стены к стене, и девчонки тоже,
 Пропинавают, как трипичный мяч, вперед по коридору,
 И так, стоит прийти в столовую, раз за разом,
 И только не смотри вниз, не опускай взгляда,
 Не дай вытечь, не урони, пронеси насквозь,
 не показывай им! только
 Доберись, долети толчками (кто сосчитает,
 Сколько раз ты споткнешься
 На этой виа долороза, на шелястых крашеных досках,
 В солнечных жарких основных пятнах лета,
 В этом коридоре до сих пор не кончающемся детства!..) —
 В алтарь — ступенька, две, три — из алтара, скорее,
 Скорее, скорее! Он уже близко.

Колокола взрываютнули и застыли.
 Казаки цепи сцепили крепче.
 От лимузина отделилась фиолетовая гора,
 Двинулась, тенью хлеб-соль накрыла, задела крест.
 Надвигается, грядет.
 Паникадила замигали в неполный накал.
 Прихожанки платками устлали путь.
 Губы женщин поджаты, утробы ниц.
 Под благословение клонятся как ковыль.
 Как по жухлым листьям свинопый мороз,
 Владыка вступает в храм по платкам.
 Жезл белое с хрустом вминает в пол.
 Исполатчики втянули воздух начать.
 Кадила армейской отмашкой рубят визг.

Бетом, бетом (ох, вроде бы успел!)..
 Скорей, скорей, подходят к руке,
 Скорей (только в глаза не гляди, неписанный блюди устав,
 Долгу, долгу лицо, не поднимай!)! Ручка,
 Тяжкая, однозначная, пористая, как имперский туф,
 Белесая, как белужий жир,
 Возвигается, заслоняет мир
 (А сердце: бух, бух. Бух... бух.
 Бух (умер?)... Бух... умер! Ох,
 Бух! Бух.
 Умер. Бух умер... ох! Что
 Только в голову лезет; не стоило,
 К встрече архиерея готовясь,
 На ночь перечитывать «Заратустру»!)

И тут
 Ласточка, о которой забыли все,
 Отчаянно ширкнула, рванулась — лопнула
 Тонкая золотая нить —
 И устремилась насквозь, прочь,
 В солнце, в ласковое и повелительное
 Небо, туда,
 Где лилии полевые, где летучие возлюбленные сестры, где

Наша первая любовь жива,
 И храм затих, и сотни пар глаз
 Ошеломленно уставились в её полет,
 Задрал голову хор — макияз, платки,
 Звякнул об пол обороненный камертон,
 И конопатый иподиакон, блюститель владычня жезла,
 И прозный епархиальный секретарь,
 И все прихожане, стар и млад, все —
 Уставшие, лобопытные, склочные, нераскайнные, свои,
 И сам владыка, архиерей-гора,
 Одинокий, как кит, переживший свой век старик,
 Так глядел, что тяжела латунь глаз
 Вдруг отлила бирюзой,
 И в нелевой раске, потный, испода бледней,
 Калыкастый батюшка Натан,
 И храм глядел барочными провалами бойниц —
 Туда, в Галилею! — и там
 Беззаконную, вольную ласточку заметил кипучий Лев —
 Вверх летит, вверх! —
 И сердце его ринулось
 Сквозь солёную ткань хаки, сквозь
 Расплывшиеся наколки на узком коричневом киле груди,
 И Лев трактор остановил, спрыгнул,
 Побежал, теряя сандалики, через пахоту,
 Через поле — шляпа, выдубленная зноем добыла,
 Старая, пережившая все три аллии,
 Чулом держалась на морщинистых ухах,
 На пучках жестких седых волос —
 Молодого напарника, сына, с книгой прикорнувшего
 в тени,

Толкнул в бок: гляди! Молодой
 Загожил томик Дойчера пальцем, лоб
 Козырьком ладони увенчал,
 И оба молчали, и тоже долго глядели вслед
 Ласточке, стремглав вторгающейся в свет, но
 Не растворяющейся в нем.

Натан и выборы правителя

Выборы скоро.
 В последние три дня февраля
 Православные, предав строгому посту
 Сами себя, домашний скот, автомобили
 и всю свою бытовую технику,
 Становятся на соборную молитву
 О даровании России православного царя.

В те же самые дни
 Монахи в бурятских далаанах
 Тоже становятся на молитву
 О даровании России царя буддийского.

Скорбные адвентисты
 Тоже собираются в эти дни в дома молитвы,
 Поют там задумчивые песни
 На мелодии Яна Френкеля и Юрия Антонова
 О даровании царя хоть какого, лишь бы
 Перенес выходные с воскресенья на субботу.

Не бездействуют и мусульмане —
 Возносят усердные молитвы
 Справедливому, Всесправедливому,
 О даровании царя обрезанного, трезвого,
 Чтоб не любил солёного с чесноком сага, и первым делом
 Объявил во всероссийский розыск
 Писателяницу Елену Чудинову.

Четыре наличествующих в России
 Правозверных иудей
 Тоже идут в синагогу.
 Чего просить — они уже толком и не знают.
 Но на всякий случай
 Встают на молитву и они.

Дымы молитв
 Там и сям в эти дни над Россией!
 Ползут, свиваясь в черную прозовую тучу,
 Молниями прорастают, гремят, воют грозно,
 Сталкиваются мощно —
 И о, какая разражается над страной
 Битва молитв! Как клубится,
 Не хуже блистающих сочных битв Учелло!
 Нет, горько вздыхает Господь, аналогия с картиной
 нетожа —

Это ведь реальные люди,
 Вон они вовсе неживотисно грызутся,
 Отгалкивают друг друга, стремясь влезть ко Мне повыше,
 Булькают головы, руки
 В котле этой вечнокипящей страны!

Что, если удовлетворить их просьбы,
 Дать им царя, одного на всех, чтобы
 Так и этап удовлетворил их, порознь и скотом,
 Был для них рулем и ветрилом, великим кормчим,
 Лучшим другом православных,
 Лучшим другом баптистов,
 Лучшим другом олигархов, скинхедов, домохозяек,
 Алкоголиков, анонимных и явных, далее везде — нет!
 Продолжать не буду!
 Давно ли такой у них был уже: как вспомнишь —
 Так вздрогнешь.
 И что? Какие выводы? Словно
 Ни памяти у них, ни мозгов, ни сердца!..
 Но и жалко ведь их — ну что Мне делать с ними!..

Так и сидит над Россией,
 Подперев невыразимую голову руками,
 Смотрит перед собой измученным взором.

Один лишь отец Натан
 Ни о чем таком в эти дни не молится:

Бушующая оттепель распустила снег, грязь,
Выпустила на волю вирусов сонмы,
И батюшка все эти дни выдвигая в постели
С жесточайшей ангинной, с любимой затрепанной
книжкой,

Совершенно без голоса —
А март начал свеченье, подбирался к окнам,
Шевелил сны, как легкие занавески —
Батюшка Натан болел, даже
Забывал крестить кружку с травяным чаем.
Бог, само собой, был за это ему благодарен, —
В отличие от старости и прихотливых,
Сочувствовавших батюшке, но этак сквозь зубы:
В их незыблемом, оловянном представлении
Священник ни болеть, ни согрешать не может.

26.02.2008

*Натан во время паломнической
поездки по Св. Земле
посещает психиатрическую
лечебницу в Тель-Авиве*

«Батюшка, а пожалуйте, зайдите
Вот в эту палату!
(Что? Ничего, можно:
Дирекция смотрит сквозь пальцы...)
Может, как-нибудь на него подействуете —
Он так беспокоен... все-таки
Вы земляки?» — «Ну, что же».

Наверно, за восемьдесят.
Совершено лысый, чetyре
Во рту прокуренных зуба.
Голова трясется,
На обоих глазах — катаракта.

Безошибочно почувал,
Вцепился в край ряс, —
Умоляюще языком заворочал:

«Вчера мне небо раскрылось,
И сёстры Берри явились.
Очи чёрные, как винилы,
Крылья трепетны, как в пятьдесят девятом
В Зелёном театре!
И Мирна персты вонзала
В ледяную еловую березовую эту землю,
И земле в лицо горько,
Низко обо мне рыдала:
“О неужто тебе мало
Завладеть мужем моим, что ты
Домогашься и мандрагоров

Моего сына!» —
 И звенели от горя рельсы,
 И семь раз с трубой
 Обойдены были стены Биробиджана,
 И как треть рублиновых звезд
 Рушились с неба самолеты “Аэрофлота”!
 Но тогда звонко, сладко,
 Высоко, Клэр нежная вступала,
 И жар алых лал мерк,
 И открывались ОВИРЫ, и Мерры
 Воды текли стужённым мёдом,
 И пела ко мне: “О, не гони! Где ты
 Умрёшь, там и я умру и погребена буду!”

И пели они мне “Папиросн”,
 И этот мамэ-дошн
 Звучит во мне и поныне».

Потом он оглянулся
 (Что-то заскрипело
 И шёлкнуло в складчатой желтой шее)
 И опасно, выпучив
 Невидящие глаза, зашептал хрипло:

«А ты кто? Доктор? Что-то
 Не похож ты на доктора! Кто ты?
 Ты... знаю! Ты злой Салливан! Б-же!
 Ты унес их в когтях, в неги
 Закулисы!
 Смерть стервятнику ада!»

Нет, я просто священник.
 Похоже, в этот дом скорби
 Пришел я напрасно —
 Ты не крещён, бедняга,
 Даже благословить тебя не могу я.
 Просто — побить рядом
 С этой развалиной человека... разве что

(Что это он, умоляя,
 Сунул таки мне в карман ряссы?)
 Сохранить... так и есть:
 Окучочек папиросн «Беломорн»!
 Вот на гильзе — и надпись:
 «*Майд'н голдн Манхеттн*».
 Бычок несбывшейся мечты мигранта! (и где они
 Здесь достают эту контрабанду?)

17.04.2008

Содержание

Б. Дубин. <i>Целлюлозой и слюной</i>	5
С. Круглов <i>От автора</i>	21
Пролог	
Аргур Гордон Пим, слепой и старый, перед смертью говорит внуку	29
Ван ГоГ	30
«Воскресение — оправдание тела...»	31
Заглянув весной в пакет с чипсами	32
Не узнать	33
С тобою чистим грибы	34
I	
Неделя всех святых	37
«Он — обычный, честный...»	38
В разрезе домов	39
«Двадцать второго апреля...»	40
Памяти Андрея Юшинского	41
«Мы тут, в России, вечно...»	43
Не засветить пленку	44
«Брат алкоголик! Мы...»	45
«Настоящест, настоящёрность!»	46
Невозможность метанойи	47
Из книг	48
«Уснул в саду...»	49
«Хочешь не хочешь — время...»	50
«Великий Вход прозно сияет...»	51
«Эде, бибе, луде...»	52
«Ты этой ночью претворил в святыню...»	54
«Не смог вытерпеть — умер. И ты...»	55
«Помнишь, в сороковой полдень...»	56
Михаилу Гаспарову	
1. «Желтый, книжный, облетает...»	59
2. «У кого это (спросите — найдёте)...»	60
На полях заметок В. В. Библихина об А. Ф. Лосеве, изд. 2004 г.	61
Послания на открытках	
1. «Вот — аспидный Питер, серебряная Нева...»	64
2. «Зима, норвежки, пустыня льда...»	65
3. «Письмо — роман, жанр, коему не одеридеть...»	65
Карл Барт	67
Портрет Биа Медичи	68
«Война! Ты — мистерия...»	69
«Аллегория — пожилая дама...»	70
Птичий двор	72
На шестое июня	
1. «В кипренском фраке кто, в тропининском халате...»	75
2. «До него не было ни стихов, ни речи...»	75
3. «В корявом камбринском, в драйве, в забое...»	76
Тысячелетие «Битлз»	78
Свинг	80
«Путь, путешествие, комедия дивина!»	81
II	
«В череve погоды сиреневые износились шестерни...»	85
«Поэтика русской весны...»	86
«Осенний день. Небо как вулды...»	87
«Февраль, самая середина...»	88
«Тридцать восемь лет расслабленный...»	89

«Завукокойная служба. Поют по крокам...»	90
Старуха и смерть	92
«Пусть в полях ни души...»	94
Ангел недостоинства	95
«Уходят в утробы, в присосы смертей...»	97
Новогоднее	98
«Нет! Архетипы — не молнии, нет...»	99
«Вот раздвигаю ложесна конверта...»	100
«На кого мы свои грехи возложим...»	102
Иконки производства Софрино	103
Весна света	104
Учительница воскресной школы в галерее современного искусства	108
Великий Пяток. У Пташаницы	111
Домашние животные	112
«Какой в этом году апрель ранний...»	113
Перепищик	116
«Только устроился на диване с таблеткой...»	119
«В нетопленном залеце маленького ДК...»	120

III

Статистика разводов	123
Матушка и ее пианино	124
1937	126
«Осенью, когда монастырь заперт дождями...»	127
Усекновение главы Иоанна Предтечи	129
Покров	130
На вернисаже в еврейском культурном центре	132
Эрнест Блох. Анданте модерато	133
«До утра далеко...»	135
Тело	136
Зита и Лита	139
За один вечер осилив девять томов «Учения тайноводственного об искусстве молитвы»	141
«Изнемогли мы...»	142
Ихтис	143

Икар	144
Ключ	145
«Социальный поэт, цифровиком с суперапматью, навешивает дни...»	147
Священник в блоге	148
Календарный вопрос	150
Превьюс 20	153
Эра Паула	155
Поклоение нект	156
Бегство в Египет	158
Номоканон	161
«Эта болгезнь убила меня так быстро...»	162
Явная вечера	164
«Сестра моя жизнь...»	165
«Она была простой студенткой...»	166
Бернанос. Военные дневники	168
«Знаете, просто...»	169
Бандерлоги	171

IV

«Батюшка раздал свечи, сделал знак хору...»	175
Из жития литературных новомучеников российских	176
В зоне	178
«Мы из земли сотворены...»	179
«Мой добрый знакомец, православный буддист...»	181
Не прислоняться	182
Жертва вечерняя	184
«Лдинкой хрустит, март пророчестваует...»	186
«Как на золотым синё небе запоят...»	187
Потопные песни	
1. «За мной, за мной, весёлый Ной...»	189
2. «Бегая Христова птпала!...»	190
3. «Душе, душе моя...»	191
Ленин жив	194
Слага войне	196
Неполиткорректное	198

Наблюдения над простейшими	199
Идеология	200
Место спасения	201
«Лествица» преп. Иоанна, игумена горы Синайской ...	203
Родительская Суббота	204
Импрессо	206
«Студия полна...»	208
Нише	209
Глобальное потепление, превращающее огненную смерть вселенной	210
Новая весна	212
Пророки	213
Бах. Страсти по Иоанну	216
«На реках Енисейских...»	218
Другой, не такой как я	220
«Когда перед смертью...»	221
Конец сеанса	222
Задремал в сквере над книгой	223
Vaader—Meinhof—Wagen	224
Готовясь к литургии	225
Человек-который-сам-себя-сделал	226

V

Окна

1. «взахлёб замирая...»	230
2. «Сваровский написал письмо о воздаянье...» ...	230
3. «Блаженная мати Матрона...»	231
4. «Весна жидкая грязь со снегом...»	232
5. «Окна ада зашторены, как сказано, изнутри...»	234
6. «Мерцающие как марево...»	237
7. Вознесение Тракия	238
8. Витраж в манере Иеронима Босха	239
Послушание	242
Сельмой вселенский собор: реальность иконы	244
Сердце яйца	245
Заболоцкий	246

Факт боли	248
Лития	250
Бесконечный июльский день	251
Из пикла «Песок и солнце»	
1. Gene Ammons	253
2. Eddie «Lockjaw» Davis	253
3. Nir Phillips «Love story»	254
4. Jean-Pierre Rottve	254

НАТАН

Натан едет в поезде	259
Натан принимает сан	261
Натан и я пьем вечером чай на террасе	263
Ещё один сон Натана	264
Натан оборачивается к прихожанам, чтобы их благословить	266
Натан идет на прогулку	267
Натан участвует во встрече архиепископа	269
Натан встретился с другом-атеистом	274
Натан и выборы правителя	276
Натан во время паломнической поездки по Св. Земле посещает психиатрическую лечебницу в Тель-Авиве	279